

ЕВГЕНИЯ ЛИВИНА

ПОЛЕТ
ВНИ
ФЛЬ
ХЕЙМ

Annotation

Главная героиня мечется между любимым мужем и любовником, но жизнь все расставит по местам. Только такой исход сама девушка никогда бы не смогла предвидеть.

Вступление

«Я сидела за столиком в кафе на Пятницкой. Кажется, я заказала только кофе. Чашка сиротливо смотрелась на глянцевої поверхности стола. Я была одна. Мой столик стоял у окна, и я могла видеть улицу, медленно промокающую под назойливым дождем. Внезапно, послышался грохот... как будто землетрясение. Еще. Еще и уже сильней. Недопитый кофе подпрыгивал в моей чашке, расплзаясь брызгами по столу. И, наконец, я увидела того, кто производил весь этот шум. Я увидела, как из переулкa на дорогу вышел динозавр. Судя по внешности, это был Тираннозавр Рекс. Он остановился на обочине и огляделся, внимательно выискивая что-то глазами. Но не было похоже, что он вышел на охоту и искал жертву. Наоборот. Он был испуган. Потерян. Люди проходили мимо, не видя его. Они погрузились в свои мысли и пытались скрыться от проблем под разноцветными зонтами. Машины проезжали, не притормаживая. Никто не обращал на него внимания. Тираннозавр зашагал по тротуару и вскоре скрылся в толпе. Меня поразило то, насколько сильное чувство одиночества породила во мне эта сцена. Мы всегда одиноки, где бы ни находились...

В этот раз я была на рынке. Точнее не на рынке, а на базаре. В восточных странах это очень колоритное место. Похоже пышущий фруктами и специями базар в Ташкенте, или в Самарканде. Кажется, я хотела купить виноград. Да, я искала такой зеленый, без косточек. Подходила к прилавкам и приценивалась. Меня весело окрикивали продавцы и наперебой предлагали сделать самую лучшую скидку. Базар жил своей привычной насыщенной жизнью, мелькали носильщики с дынями на плечах, пестрели черно-белые тюбетейки продавцов и яркие всех цветов радуги платья женщин. Вдруг, я увидела странную картину. У прилавка со свежими лепешками стоял инопланетянин. Он был небольшого роста, в сером комбинезоне; у него была вытянутая голова с большими черными глазами, а кожа имела бледный светло-зеленый цвет. Он тыкал своей узкой длинной рукой в стопку с хрустящими лепешками и ожесточено торговался с продавцом, который, по-видимому, не был удивлен странному покупателю, и экспрессивно жестикулировал в ответ. Как разнообразен этот мир. Как он продуман...

Равномерный шум двигателей меня успокаивал. Самолет летел плавно. В салоне было тихо. Я видела чистое небо в окне. Внизу сплошные облака, на которые падала тень нашего Боинга. Где-то сбоку сверкало яркое солнце. Самолет сделал крен и немного повернул. В иллюминаторе появилась какая-то округлая планета. Она была голубой, а на ее поверхности постепенно начали проявляться зеленые континенты, прозрачный слой атмосферы, белые пятна полюсов на севере и юге. Земля. Я почувствовала страх, дикий, первобытный, неподдающийся контролю страх. Мы были в космосе. А Земля так далеко. В тот момент мне так захотелось ощутить ее. Почувствовать твердь под ногами, вдохнуть прохладный воздух, услышать звуки, оценить кожей температуру окружающего мира, и понять, что я в безопасности. Я дома. Но тогда я поняла, что наш самолет в космосе и эта планета в окне — это все иллюзия, в которую мы приучили себя верить...» — на исписанный лист упала капля и размазала последнюю строчку. Лада машинальным движением убрала слезу с щеки, захлопнула блокнот и кинула его в огонь, разгоравшийся в камине. «Я уже ничего не изменю. Как глупо мечтать о чем-то! Желания не исполняются и мы забываем о них. Но

ощущения, что что-то не сбылось, накапливаются. И давят на психику всю оставшуюся жизнь», — подумала она, с безразличием наблюдая, как языки пламени поглощают ее дневник.

ЧАСТЬ 1 ШТИЛЬ

1

Второй месяц в городе стоял туман. Горожане поговаривали, что это — природная аномалия и в Москве раньше такого не случалось. Туман опустился на город в середине сентября и не собирался рассеиваться даже к концу октября, несмотря на значительное похолодание. Все более сокращающийся световой день стал серыми сумерками, в которых пропадали очертания улиц и скверов. Туман обычно усиливался к вечеру, окутывая желтой пеленой дома, фонари и рекламные вывески. К утру он не растворялся, а приобретал гнетущий грязно-серый оттенок. Серая мгла сделала безликими яркие краски осени, и упавшая в ее тишине листва была не огненно-желтой, а ржаво-рыжей, утомленной за продолжительный летний период. Ветер не проносился в кронах деревьев и листья падали под тяжестью пропитавшей их влаги. Туман скрывал лица людей, крал их жесты и приглушал слова. Город замер в ожидании перемен, но они не наступали и, казалось, туман воцарился здесь навсегда.

Молодая женщина стояла с чашкой кофе в руках перед окном и ее неподвижный взгляд тонул в клубах тумана, стремившегося выдавить стекло и ворваться внутрь. Окруженная большой оконной рамой, фигура девушки казалась маленькой и одинокой на фоне развернувшегося за ее спиной полутемного пространства художественного класса. Кофейный аромат тонкой струйкой поднимался вверх по стеклу, оставляя белую испарину. Девушка поставила чашку на подоконник и отошла от окна. В это утро было настолько темно, что ей пришлось включить свет. Из мрака выступили скульптуры и бюсты, расставленные на полках и подставках, наброски картин: акварельные пейзажи, графические техно-рисунки, карикатуры; под определенным углом к центру выстроились мольберты студентов. Девушка присела за свой стол и задумчиво оглядела свой класс. Семь лет назад она сама в первый раз пришла сюда, студентка первого курса факультета дизайна; как много восторгов и амбиций было тогда. И как мало от них осталось теперь. Сейчас она была уже преподавателем с двухлетним стажем. С хорошей специальностью и грузом ответственности за ее выбор. Студенты начали подходить, вскоре класс заполнился.

— Сегодня по плану мы должны были начать зарисовки скульптуры Давида, но я хочу несколько изменить программу, — обратилась она к классу своим тихим, спокойным голосом, — Я хочу, чтобы вы немного пофантазировали и представили свое графическое воплощение тумана. Используйте любые ассоциации и попробуйте выразить то, что по вашему олицетворяет туман.

— Лада Андреевна, а может быть вы сами что-нибудь нарисуете на заданную тему, — предложила курчавая девушка, стоявшая ближе всех к ней.

Лада улыбнулась и кивнула:

— Охотно.

Она подошла к окну, несколько человек из группы последовали ее примеру. Лада долго вглядывалась, и в этой серой дымке ей стал мерещиться Биг Бен, Вестминстерское аббатство и русло Темзы — Лондон, самый туманный город на земле. Она сделала набросок

Тауэрского моста с протекающей внизу рекой и легкими штрихами показала туман, стелящийся над водой. Но студенты, как она и ожидала, оказались более креативными. Через полтора часа она смогла увидеть их работы. Несколько человек нарисовали маленького ежика из известного мультфильма, другие грустную лошадь из той же серии; кому-то вспомнился Блок и, хотя в стихотворении не было ни строчки про туман, в набросках угадывалась аптека и очертания фонаря во мгле; кого-то потянуло на природу и они принесли эскизы пейзажей с реками, болотами и стройными рядами елок на заднем плане. Одним из последних принес свою работу студент, к которому она давно приглядывалась — он обладал удивительным художественным чутьем, в твердом нажиме карандаша и четких линиях рисунков уже угадывалось мастерство и в будущем высокий профессионализм. Лада с интересом взглянула на его набросок: небольшой тонкий парусник с опущенными парусами и море вокруг, с тягучей и плотной водой.

— Вы видите его? Туман... — спросил парень, постукивая карандашом по листку.

Лада невольно вздрогнула. Рисунок был выполнен хорошо, но создавал ощущение безысходности.

— Да, он вокруг, — ответила она.

— Правильно, туман для этой лодки — смерть.

Девушка помолчала некоторое время, потом задумчиво сказала:

— Зря ты поступил на архитектурный факультет. У тебя слишком богатое воображение для этой специальности.

Парень пожал плечами, забрал рисунок и пошел к выходу. Лада взяла со стула сложенное пополам пальто, надела его и, застегивая пуговицы, подошла к окну. Был еще день, но на улице уже потемнело. В свете медленно загорающихся уличных фонарей туман постепенно стал молочно-желтым. «Погода наладится к свадьбе? Свадьба в тумане — экстравагантно. Но все-таки хотелось бы солнца», — подумала девушка и заторопилась к выходу.

Лада Беловодина привыкла привлекать к себе внимание. Если про нее и можно было сказать, что она красива, то это была очень странная красота. У нее было овальное лицо с высоким лбом и плавной линией скул и подбородка; полные губы, не слишком большие и не маленькие, как будто немного надутые, капризные; тонкий прямой нос; темные брови полумесяцем и большие глаза. Но при всех этих изысканно-европейских чертах у нее были по-азиатски черные глаза, издали они выглядели как два угля, но вблизи можно было различить, что матовые зрачки немного светлей иссиня-черной радужной оболочки. Светло-пепельные, почти серебристые волосы контрастировали с ее удивительными глазами, хотя у нее с рождения были такие волосы и она только слегка оттеняла их. Лада любила прихвастнуть тем, что к русской крови в ее жилах примешалась греческая — ее прабабка была гречанка, и резонно полагала, что черные глаза и бледно-оливковый тон кожи достались ей от родственницы с Балканского полуострова.

Девушка шла вдоль набережной к автобусной остановке. В зыбком тумане ее высокая фигура словно покачивалась в медленном танце.

Из состояния задумчивости ее вывел телефонный звонок из ателье: сообщили, что платье готово и она в любое время может забрать его. Лада не смогла сдержать радостной улыбки: платье невесты готово, ресторан заказан, блюда расписаны, гости приглашены, свадебное путешествие оплачено и жених... Вспоминая про Игоря, ей всякий раз хотелось бросить все дела и ехать к нему на работу, чтобы видеть его хоть час, хоть полчаса. Их

первую встречу можно использовать в качестве сюжета для фильма, ну или, по крайней мере, музыкального клипа.

Был поздний вечер. В метро ходили последние поезда. Лада возвращалась домой в пустом вагоне. Она была на театральной премьере и ехала, задумчиво вспоминая спектакль и сверкая украшениями, как новогодняя елка. В соседнем вагоне ехал парень. Он стоял у двери и при каждом толчке поезда хватался за поручень. Видимо изрядно выпил, но, тем не менее, периодически бросал через весь вагон взгляды на девушку. На очередной остановке к ней в вагон зашли двое и, заметив девушку, сразу направились в ее сторону. Лада только успела вскрикнуть, один уже махал перед лицом складным ножом, а второй тянул сумочку. Предугадав всю ситуацию, парень из соседнего вагона тоже успел забежать и теперь, недолго думая, направился к ним и сразу с размаху ударил того, который стоял с ножом. От неожиданности поделец выпустил сумочку, в тот же момент ее выронила и Лада. Мелкий женский хлам разлетелся по полу. Один из воров кинулся к ее кошельку, второй успел придержать дверь и они выскочили в последний момент. Весь перегон Игорь с Ладой ползали по полу, собирая ее вещи.

— Куда вы едете одна и в это время? — спросил он, поднимая голову и протягивая ей собранный мобильный телефон.

«Какой конкретный прямой вопрос. И сразу вот так, в лоб», — подумала девушка и, убирая телефон в карман, ответила:

— Домой. Я была в театре.

Она не стала объяснять, что это была премьера спектакля, где главную роль исполнял ее парень, друг детства и сын друзей ее родителей. Отправив ее домой, он остался с коллегами отмечать премьеру.

Игорь предложил проводить ее домой. Лада с сомнением посмотрела на него и, улыбаясь, ответила:

— Куда уж!? Вы на ногах еле стоите.

— Зато бью метко, — он рассмеялся.

Девушка уже давно заметила, что он был хорошо одет: в выглаженном костюме со светлой рубашкой, коротком пальто и начищенных ботинках.

— Да, я немного выпил. Пришлось уступить партнеру по бизнесу и пойти отметить новую сделку. Но вы не смотрите на мои ноги, хоть они немного и заплетаются. Голова у меня ясная как всегда.

Но проводив ее до дома, он совсем утомился, и девушке пришлось предложить ему поспать ночь в ее гостиной. Удивительным образом этот подвыпивший парень вызвал у нее доверие.

Утром немного пошатываясь от головной боли, Игорь зашел на кухню, где Лада как раз готовила кофе. Они встретились глазами и, без лишних вопросов, Лада достала пачку аспирина и протянула ему. Игорь кивком поблагодарил. Было заметно, что он готовится что-то сказать и никак не соберется с мыслями.

— Я хотел... — с трудом выговорил он, но заметив взгляд Лады, остановился.

Он хотел поблагодарить за ночевку и в знак благодарности пригласить ее в ресторан. Хотя ресторан был предлогом. На самом деле он больше вообще не собирался с ней расставаться. Он влюбился в нее еще в метро, еще до инцидента с грабежом и первого разговора. Лада знала, что он собирался говорить, и кивнула ему вместо ответа.

— Извини за уточнение, а у тебя есть парень? — спросил он.

— Да, — просто ответила девушка.

— Что-то по-моему он лишний, — немного покраснев, сказал Игорь.

— Я тоже так думаю, — Лада улыбнулась.

В то утро Лада стояла у окна и провожала взглядом его фигуру; он был небрит, в помятых брюках и запачканных ботинках, но в каждом его движении, походке, дрогнувшей мышце лица было что-то привлекательно мужское, отчетливое и ясное — сила, уверенность и интеллект. Лада тогда подумала, что ей придется тяжело от этой любви — у него, наверное, есть девушка и не одна...

Его мысли действительно были заняты не ей, когда он шел на работу, но он думал не о девушке; бизнес — единственное, что приносило ему удовлетворение и то, во что он вкладывал все свои усилия. Игорь Маренков окончил автодорожный институт, успел поработать инженером-конструктором в государственном предприятии закрытого типа и, все более увлекаясь, через несколько лет добился должности вице-президента компании, официального дилера известной европейской марки автомобилей. Хотя появление Лады сбilo его с привычной колеи. У него, как и у всякого привлекательного парня, был, хоть и небольшой, список интрижек. Но он сам поражался тому, что практически не знал себя, не знал, что может отдаваться этому чувству с такой силой. Он был старше ее на четыре года, но не старался доминировать или давить на ее решения, скорее наоборот, он удивлялся сам себе, потому что всегда ей уступал и мирился с ее причудами.

Поздно вечером Игорь припарковал свой внедорожник на привычном месте — на газоне во дворе, другие места уже бывали заняты, когда он возвращался с работы. Он вошел в полутемный коридор, снял пальто и сразу же прошел на кухню. Лада всегда ждала его там. Она и сейчас сидела за столом и пила кофе; на окне еще остались разводы пара оставленные ее напитком.

— Завтра забираю платье, — сообщила она.

Игорь улыбнулся. Лада бросила на него по-женски короткий, выразительный взгляд: деловые костюмы всегда так удачно смотрелись на нем. Он был высокого роста и имел крепкую мужскую фигуру. Это было пленительное сочетание для женских глаз — его спортивная форма и классический костюм с элегантными ботинками. Но Игорь к тому же был внешне привлекателен: у него было крупное мужественное лицо с четко очерченными скулами, большой прямой нос; немного косившие, небольшие, но выразительные серо-зеленые глаза и широкие темные брови, густые темно-русые волосы были всегда аккуратно пострижены.

— А я завтра заберу твою машину из сервиса. Мне сегодня звонили, она готова, — сказал он, подсаживаясь к столу.

— Скажи, что если бы у меня была ваша машина, то ты сам бы ее отремонтировал, — усмехнулась Лада.

— Я думаю, я бы и эту сделал; дело не в сборке-разборке, а в запчастях. У японцев специфические комплектующие, их трудно подобрать. Поэтому они тебе ее делали почти неделю. А вообще, я бы с удовольствием сам повожился с ней. Это куда увлекательней, чем бюджетирование и маркетинг.

— Представляю, вице-президент автосалона в костюме мастера возится с потрепанной малолитражкой.

— Пожалуй, я бы даже поменял работу и стал бы механиком...

— Тогда на медовый месяц мы поехали бы не в Швецию, а к моим родителям на дачу.

— Не вижу принципиальной разницы. Там такой же снег и холод.

Заметив, что она, наконец, начинает горячиться, он рассмеялся и, перегнувшись через стол, поцеловал ее.

— Между прочим, я говорю откровенно: у них на даче неплохо.

Я с детства люблю это место. Помню, как маленькая бегала к реке купаться, а мама всегда гонялась за мной. Раньше там течение было сильное, а теперь Волга начинает мелеть.

— Сказывается глобальное потепление.

— И этот туман... он тоже из-за глобального потепления, — прокомментировала Лада мечтательно.

— А тебе нравится такой туман? Он создает ощущение гнета и безысходности. Идешь по улице и тебя будто окутывает что-то вязкое, непроницаемое.

— Нет, он создает сказочное ощущение. Ощущение нереальности всего, что тебя окружает. Он искажает и представляет вещи в другом свете.

— Значит, он лицемер.

Лада рассмеялась:

— Он опытный стилист и костюмер.

Игорь ушел в спальню, а Лада снова подошла к окну. Во дворе было темно. По стене соседнего дома ползали тени и блики уличного фонаря. Вдруг с удивлением девушка обнаружила, что видит, как по углу стоящей напротив высотки вверх пробирается дракон. В общем, существо напоминающее варана, но со вздыбленными пластинами вдоль хребта. Рептилия ползла медленно, в такт ее плавным движениям колебался длинный хвост с шипами. Гигантская ящерица притормаживала у каждого достигнутого этажа и приглядывалась к крайним окнам. Прошло не больше пары минут, а дракон со второго этажа уже подобрался к шестому и в прежнем неторопливом ритме пополз по балконам. Но освещение поменялось — стало интенсивней, и свет поглотил странную фигуру.

Лада застыла на месте с приоткрытым ртом. Она оглядела двор: деревья отбрасывали тень, но она не поднималась до половины дома, а в целом, ничего нового, ничего, что могло бы создать эту иллюзию. «Это вторжение параллельного мира», — подумала Лада, — «Хотя... Это не наложение одной реальности на другую. Это пришелец из другого мира. И он знал, куда прибыл. У него была цель. Это что получается, перемещаться из одной реальности в другую — возможно? И вот это существо владеет техникой таких переходов? А мы... одни проблемы: где машину оставить, где платье подешевле сшить, как не переест на ужин. Обидно. Хотя обнадеживает тот факт, что все в наших силах. И мы обучаемы. Надо только понять, как все устроено. Пожалуй, я не буду говорить Игорю, что видела здесь на соседском доме гигантского варана, ползущего по отвесной стене. Ну, может быть потом... при случае. Вот всегда так — почему надо бояться, что близкий человек сочтет тебя психом, если ты и правда что-то видел?!»

Ко дню свадьбы туман, как и желала Лада, постепенно исчез и его заменили клубящиеся вихри белого снега. На следующий день после торжества, Лада и Игорь поехали на дачу, они хотели побыть наедине перед свадебным путешествием. Дача принадлежала родителям Лады, которые жили в Твери. И сама Лада после переезда в Москву скучала больше не по своему родному городу, а по этому уединенному месту на берегу Волги.

Их маленький, кирпичный дом стоял в первой линии участков на холме перед рекой.

Волга растекалась в широком русле у подножия холма и, плавно огибая березовую рошу, терялась вдаль.

Лада вышла за калитку и стояла неподвижно, вдыхая морозную, утреннюю свежесть и запах затопленной печи. Небо на востоке было безоблачным и начинало алеть у горизонта.

Девушка услышала скрип отворяемой двери и обернулась. К ней подошел Игорь. Он разводил в печи огонь и его руки были черными от сажи.

— Хорошая погода для этого времени года, — снег не таял на его волосах и они блестели белой проседью.

— Нет, уж лучше туман, — она оглянулась на дом. Черный дым струился из печной трубы, поднимаясь ввысь завитками на фоне розового неба, — Пойдем к реке.

Игорь прикрыл калитку и пошел за ней. Река была скованная льдом у берегов и маленьким ручейком бурлила и плескалась, пытаясь прорвать жесткие оковы. Снег застелил ее ровную, гляцевую поверхность серебряными хлопьями. Лада остановилась на берегу и задержала Игоря, который уже занес ботинок на тонкий лед.

— Смотри сверху лед, а под ним живая вода, — сказала она.

Сквозь блестящую, дымчатую пленку льда виднелись черные струи стремительной реки; казалось, что они неистово и исступленно пытаются вырваться, но не находят выхода.

— Любопытная аллегория, — сказала Лада.

— Ты о чем?

— Ледяной панцирь — наше общество, а безумная вода — душа со всеми ее желаниями и вызовами общепринятым правилам.

На палубе ощущалась слабая качка, и Игорь с Ладой стояли крепко вцепившись в перила, провожая взглядом порт Петербурга, окутанный серой дневной мглой. Круиз должен был растянуться больше чем на две недели. Маршрут был таков — теплоход с остановками проследует почти вдоль всего побережья Швеции. Для празднования Нового года планировалось на автобусах добраться до шведской деревеньки в горах, где туристы смогут отдохнуть от морской качки, а затем вернувшись на теплоход, завершить путешествие посещением еще одного города на границе с Норвегией и вернуться в родной порт к окончанию зимних каникул.

На море было холодно. Девушка закуталась в свою длинную, серую шубу и прикрывала лицо шарфом. Она отпустила перила и тут же закачалась. Игорь схватил ее и прижал к себе. В условиях постоянной качки его спортивная фигура приобрела пластику кошки и он уверенно держался на ногах даже когда судно качалось на почти штормовых волнах.

— Надо было поехать в теплые страны! Да? — сказал он.

— Нет! Я не люблю резкие контрасты вроде: из зимы в лето и обратно. Раз уж зима, так давай наслаждаться зимой.

— Нестандартный подход.

— Я и сама нестандартная.

— Это я уже заметил.

Мимо проходили парень с девушкой и удивленно посмотрели на них. Отойдя еще метров на десять, парень снова обернулся, чтобы увидеть Ладку. Заметив это, Игорь криво усмехнулся.

Путешествие оказалось незабываемым и оставило самый теплый след в их памяти, даже

несмотря на экстремальную ситуацию, в которую они попали по глупости. Швеция была лаконично красива под снежным покрывалом; море покоряло разнообразием — здесь за считанные часы умиротворенный штиль мог смениться ветреной, морозной бурей; горы, хоть и невысокие, успокаивали зимними пейзажами. Все складывалось удачно, если бы не один случай.

Перед самым Новым годом всю группу туристов разместили в небольшой гостинице в горах. Там они приятно проводили уходящий год и весело встретили наступающий. На следующий день после обеда Игорь и Лада пошли на прогулку в лес.

В воздухе звенела морозная свежесть. Струи холодного северного ветра развивали пепельно-белые волосы Лады, заплетенные в две длинные косы; на ней была голубая шапочка из исландской шерсти с тонкими шнурками, чтобы завязать под подбородком и синяя куртка с мехом. Этот стиль ей удивительно шел и ее нельзя было представить в какой-то иной одежде; она выглядела, как настоящая шведка или норвежка, готовая к длительным лыжным переходам, ночам у костра и употреблению в пищу только одной соленой семги. Но ее угольно-черные глаза ломали всю идиллию сложившегося образа. Они могли растопить лед замерзших озер или вызвать оползень в горах. Игорь не раз замечал необычную ситуацию: когда к ним кто-нибудь подходил знакомиться, то тут же вздрагивал стоило ей лишь пристально посмотреть на подошедшего. Но это контрастное сочетание и притягивало людей; взглянув на нее один раз, от нее трудно было оторвать взгляд — подсознание настойчиво требовало разгадки: кто она добро или зло?

Игорь и Лада спустились к лощине и вошли в лес. Снега под ногами было много, но так как все эти места уже были обхожены любознательными туристами, то они быстро нашли тропинку и стали углубляться в чащу. Начинало темнеть, а вместе со спускающимися сумерками посыпал густой снег. Покружив на одном месте с километр в диаметре, они поняли, что заблудились.

— Наверное, не надо было оставлять мобильные телефоны в номере, — еле шевеля замерзшими губами, сказала девушка.

— Да, надо было взять. А с ними в придачу телефоны экстренных служб, нашего отеля, вызов такси или вертолета. Чтобы они все разом пришли нам на помощь.

— К чему сарказм?

— Не паникуй. Я сейчас найду дорогу. Даже, если бы у нас был телефон и мы позвонили в отель, они не стали бы нас искать раньше завтрашнего утра.

— Я пока не вижу, чтобы ты что-нибудь делал.

— Дай мне присмотреться, — он стоял на одном месте и, запрокинув голову, оглядывался кругом. Сквозь кружащую белые вихри метель трудно было что-то разглядеть. Наконец, Игорь взял ее за руку и они медленно пошли в темноту снежного леса. Не прошло и десяти минут, как они вышли на поляну, которую пересекало шоссе; на противоположной стороне выстроилась уютная деревенька.

— У меня такая идея: ты посидишь у кого-нибудь в доме, мы попросим, чтобы тебя пустили часа на два. А я сбегаю в отель (эта дорога ведет к отелю, я запомнил это место, когда нас везли на автобусе) и приеду за тобой на машине, — предложил он жене.

— Нет! Я не хочу сидеть у кого-то в доме!

— До отеля километров пять, а ты устала и замерзла. Тебе лучше подождать меня. Шведы — гостеприимные. Посидишь, кофе выпьешь.

— Нет! Я пойду пешком, — она упрямо сжала губы и пристально взглянула на него.

Игорь опустил глаза.

— Лада, так будет лучше всего. Ты замерзнешь, пока дойдешь.

Она молчала и продолжала смотреть на него. В молчании они вышли на дорогу и медленно побрели к гостинице. Вскоре деревня с маленькими, желтыми огнями окон скрылась и они вступили в крошечный мрак. По обледенелой дороге ползала снежная поземка, ветер обрушивался и толкал в спину. Лада шла все медленнее и медленнее и, в конце концов, совсем остановилась. Она не ощущала своих ног от усталости и ей казалось, что ее меховые унты изнутри выстланы иголками. Игорь остановился рядом.

— Не могу больше, — еле слышно произнесла она.

Он молча помог ей забраться себе на спину, подхватил ее под колени и пошел дальше. Девушка была стройной, но не была худой, и в этот раз, в тяжелой, теплой одежде, она не показалась ему легкой. Игорь стиснул зубы и пошел быстрее. Через двадцать минут Лада попросила ее поставить, но как только ее ноги коснулись земли, она застонала и он снова понес ее. Он выпустил ее только, когда они остановились у стола администрации своего отеля, чтобы попросить ужин в номер. Отпуская ее, он еле разжал руки и покривился, расслабляя напряженные мышцы.

Этим вечером, когда Лада сидела в кресле и грела руки о бокал горячего глинтвейна, она спросила его, как он нашел дорогу из леса. Игорь подал ей бутылку с оставшимся вином и сел рядом на диван со своей кружкой.

— Все просто — я увидел просвет впереди и догадался, что мы выйдем либо к какой-нибудь деревне, либо к дороге.

— Если ты так хорошо все видишь в зарослях леса, как же мы заблудились?

— Я не предполагал на тот момент, что мы «уже» заблудились.

— Ты нас спас. Если бы не ты, мы уже лежали бы там в виде сугроба, покрытые полуметровым слоем снега, — она обняла его шею руками, наклонила голову к своему лицу и поцеловала.

Путь домой оказался не таким легким, как они предполагали, когда уставшие от отдыха располагались в своей каюте, предвкушая, что через несколько дней сойдут в Петербурге. Штормило с самого начала, как только они отплыли от берегов Швеции. Пока палубу заливали брызги волн, Лада сидела и неотрывно наблюдала за морем из окна; когда буря стихала, она выходила подышать свежим воздухом. На следующий после отплытия день опустился туман, теплоход продолжал следовать своим курсом, ориентируясь по приборам, но для пассажиров это было необычное впечатление. Вечером им объявили, что из-за приближающегося шторма, судно будет пережидать непогоду в порту Калининграда.

Остатки тумана развеял налетевший шторм, пассажирам было запрещено выходить на палубу и Лада с Игорем, как и многие другие собрались в ресторане. Но в этот вечер там не было ночных развлечений, как обычно. Пассажиры были напуганы штормом и единственное, что хотели почти все в эту ночь — это чтобы ужасающая качка прекратилась хоть на несколько минут.

Остатки тумана развеял налетевший шторм, пассажирам было запрещено выходить на палубу и Лада с Игорем, как и многие другие собрались в ресторане. Но в этот вечер там не было ночных развлечений, как обычно. Пассажиры были напуганы штормом и единственное, что хотели почти все в эту ночь — это чтобы ужасающая качка прекратилась хоть на несколько минут.

Утром выйдя на палубу, Лада увидела Калининград. Стояла плюсовая температура, дул слабый теплый ветер, над городом носились серые тучи, сквозь которые иногда проглядывало голубое небо. Ладе запомнилось странное ощущение, которое возникло у нее, когда она, стоя на палубе, вдыхала теплый воздух со слабым ароматом весенних трав. Ей пришла в голову идея задержаться в городе на пару дней и вернуться в Москву на самолете. Игорь поддержал эту затею, впрочем как и все остальные, которые исходили от его жены.

Их теплоход уже издавал жалобные гудки, извещая об отплытии, когда они с вещами спустились на пирс. Лада бросила прощальный взгляд на уплывающее судно. Внезапно среди пассажиров мелькнула фигура женщины в белой шубе. Лада, прищурившись, вцепилась взглядом в незнакомку. Женщина обернулась. Ветер растрепал ее белые волосы. «Похожа на меня», — подумала Лада, — «Так, это же я...» Они встретились глазами. Лада вскрикнула и, чтобы устоять, вцепилась в плечо Игорю.

— Что случилось? — удивился Игорь.

— Ногоу подвернула, — Лада продолжала наблюдать за пассажирами.

Женщина на палубе скрылась в толпе, но через несколько секунд снова появилась. И на этот раз она была со спутником. В нем Лада узнала Игоря. Это были они. У Лады возникло странное ощущение, что жизнь будто раздвоилась. Она потеряла какую-то часть, но и сможет обрести что-то новое.

— Ты веришь, что параллельные мира могут пересекаться? — спросила она мужа.

— Знаешь, в физике есть такое правило — возможно все, пока не доказано обратное, — Игорь явно был удивлен обсуждением такой темы.

— Наверно иногда бывают моменты, что трудно понять где ты сам, а где твоя копия из параллельного мира, — Лада смотрела на море, пока судно не скрылось из виду.

Теплоход уплыл, унося с собой непрожитую жизнь.

Устроившись в гостинице и пообедав в местном ресторане, они взяли такси и попросили повозить их по самым известным городским достопримечательностям. С каждым поворотом и каждой новой улицей или широким проспектом город все больше и больше поражал их. Поразительной была эта удивительная смесь лаконичной советской архитектуры и старых немецких построек, чей возраст насчитывал несколько веков. Широкие проспекты с высокими зданиями из бетона и железа плавно переходили в узкие вымощенные булыжником улочки, где на каждом шагу встречалась ратуша или крепость из красного потрескавшегося кирпича, которая неизвестно каким чудом уцелела и теперь ее главной бедой было время. Таксист высадил их на Литовском валу у Музея янтаря и, пройдя через арку главных ворот, они оказались в полукруглом дворике с высохшими прутьями плюща, обвивающего стены. Около часа они потратили на осмотр предметов из янтаря, где особой ценностью обладали экспонаты с замурованными в камень насекомыми. Прикупив для Лады янтарных украшений, они отправились дальше. В этот раз их подвезли к острову Канта. Игорь и Лада несколько секунд молчали, когда впервые увидели Кафедральный собор.

Собор имени Канта располагался на острове Кнайпхоф, к которому вели несколько мостов. Это было большое сооружение из красного кирпича, с высокими сводами и тонкими арками окон, украшенных мозаикой. На главной башне, которая пронзала небо острым шпилем, поблескивали круглые часы; железные флюгера установленные на покато́й крыше неистово вращались от ветра. В самом соборе полным ходом шла реконструкция —

готовились ко дню города, поэтому Игорь и Лада туда не попали. Они гуляли по одному из семи мостов и восхищались удивительной архитектурой, сожалея о том, что многие старинные здания были снесены, а многие так и не смогут отреставрировать. Морской ветер разогнал тучи и засияло чистое, голубое небо.

— Игорь, я хочу здесь жить, — произнесла девушка, облачиваясь на перила.

— В соборе что ли?!

— Нет! В этом городе. Мне здесь так нравится. У меня давно не было такого ощущения. Ощущения как будто здесь что-то родное и близкое мне.

— Приедешь в Москву и скоро забудешь.

— Не забуду! Меня будет тянуть сюда.

Игорь задумался.

— Давай приедем сюда еще через пару месяцев и ты посмотришь: сохранилось ли у тебя это ощущение.

Девушка нахмурилась.

— Москва — это мрак, болото! Я бы и возвращаться туда не хотела. Здесь что-то новое, свежее. Море, эта необычная погода, архитектура города!

— Сомневаюсь, что здесь я смогу зарабатывать столько же сколько получаю дома.

— Ты все о деньгах! Разве можно думать только об этом? Ты слишком меркантильный и приземленный! В жизни есть и многое другое, необходимое человеку, помимо денег. Свобода, романтика, радость от возможности наслаждаться каждым днем! Ты — черствый!

— Прекрасная моя, если я и думаю о деньгах, то только в контексте с тобой. Мне многого не надо. Но не хочу видеть тебя не в этой шубе, а в китайских лохмотьях! — Игорь стал раздражаться.

— Глупость! Что за контрасты! — вспыхнула Лада.

— Я говорил образно — поразмышляй глубже.

— Мы справимся. Если мы переедем сюда, чтобы жить постоянно, то как-нибудь устроимся. Другие люди ведь живут тут... как-то...

— После Москвы жизнь здесь покажется тебе менее веселой, не с таким размахом... что ли... Конечно, мы не будем бедствовать, уж это я постараюсь, но когда захотим вернуться в Москву придется сложно.

— Я никогда не захочу туда вернуться! Могу тебе поклясться, — разгоряченное лицо Лады покраснело и на ее бледной коже выступил лиловый румянец.

Игорь глубоко вздохнул и ответил:

— Ладно, я буду думать на эту тему.

— Мы продадим обе квартиры — твою и мою — и купим здесь дом или какие-нибудь апартаменты.

— Я бы оставил твою квартиру, на случай если мы захотим вернуться.

Лада, медленно шедшая с ним по мосту, резко остановилась.

— Нет! Я хочу разорвать связи с Москвой навсегда.

— Такое чувство, как будто там тебе кто-то насолил.

Лада внезапно задумалась. Она вспомнила, как переехала из Твери в Москву, когда училась на первом курсе. Родители купили ей однокомнатную квартиру не совсем в центре, но в хорошем районе около метро Полежаевская. Какое это было блаженство! Москва покорила ее. Она просыпалась каждое утро, вдыхала ее загрязненный воздух и благодарила за то, что она живет здесь. А теперь... где теперь этот восторг? Этот провинциальный

энтузиазм? Вечно суетливый и шумный мегаполис опустошил ее. Теперь ей хотелось чего-то иного.

— Никто не насолил! Но Москва надоела! Может она просто надоест?!

Игорь пожал плечами и пошел дальше.

— Как скажешь...

2

Игорь сидел за столом в кабинете своего начальника — президента компании и разглядывал стены, увешенные постерами реализуемых ими машин. Президент компании — Владимир Давыдов — был его институтским другом.

— Ты хорошо все обдумал? Взвесил все «за» и «против»? — спросил Давыдов своего бывшего сокурсника.

— Да, конечно.

— Хотя я тебя понимаю: Ладе отказать невозможно, — как друг Игоря, он хорошо знал его жену, — Если уж она решила...

— Дело в том, что я и сам прихожу к мысли: а не поменять ли обстановку? Конечно, впереди много трудностей, но такова жизнь. Мы не можем стоять на месте, надо куда-то двигаться.

— Я поговорю с нашим руководством и помогу тебе открыть там автосалон, а дальше уж как пойдет. В этом ты и сам разбираешься лучше меня. Возможные перспективы не радуют, сам знаешь причины. Но ты — гениальный менеджер. У тебя особое чутье, может быть, и в этот раз реализуешь проект, и дело будет развиваться. Но если захочешь вернуться, на ту же должность я тебя взять не смогу — на рынке жесткая конкуренция. Так что возвращение только с понижением.

— Я все понимаю, Володька. Но думаю, до этого не дойдет.

— Да-а-а, — протянул Давыдов, — Жена сильнее тебя.

— В чем-то да. Просто мне самому нет особой разницы где жить, а раз уж ей захотелось туда, то почему бы не поехать?

— А ты не пробовал стукнуть по столу кулаком со словами: «сиди здесь и радуйся»?!

Игорь весело рассмеялся, обнажив ровные белые зубы.

— Зачем? Мне уже самому этот Калининград начинает нравиться.

Игорь хорошо разбирался в нюансах ведения бизнеса и ближайшие перспективы от открытия автосалона в Калининграде отнюдь не казались ему столь радужными. Он понимал — есть всего два исхода: медленное развитие с постепенным наращиванием прибыли или резкое банкротство. В любом случае, в течение года он поймет, что можно ожидать от рынка и новой среды.

Снег медленно таял, на дорогу стекала черная грязь с газонов. Небо было серым, осенним и в воздухе не было ни намека на наступившую весну. Лада только что передала ключи от своей машины ее новому владельцу и теперь смотрела вслед своей маленькой Тойоте, пока та не скрылась за поворотом.

Она осталась стоять на дороге — Игорь должен был приехать за ней. Он не опоздал: через пару минут она уже увидела выделяющуюся из толпы машин крышу его внедорожника.

— Что грустно было расставаться? — спросил он, выключая радио.

— Да не то, что бы грустно, а как-то... странно.

— Ладно, не расстраивайся. Я тебе куплю Мерседес CLK. У тебя будет самая крутая тачка во всем Калининграде.

Лада посмотрела на него и улыбнулась.

Это был день прощания с Москвой. Зазеленела молодая трава, на деревьях лопались почки, в воздухе звенели птичьи голоса, а солнце, наконец, разогнав тяжелые тучи, светило нежно и ярко. Весна наполняла радостью каждый квадратный сантиметр города, грела озябшую душу и приносила стройный порядок в мысли.

После ужина в любимом ресторане Игорь и Лада поехали в аэропорт. Лада разглядывала город из окна такси и вспоминала события, с которыми были связаны некоторые места и районы. В этом сквере она в компании со своим первым парнем и его друзьями просидела всю ночь с песнями под гитару и пивом; в этом кафе она проплакала два часа, после того, как узнала, что ее дипломный проект не допустят к защите по причине излишней экстравагантности; в этот бар она приходила послушать музыку после поздних пар у вечерников; за столиком этого ресторана Игорь подарил ей то безвкусное кольцо с огромным бриллиантом — он никогда не разбирался в украшениях; а на этом проспекте, стоя в пробке, Игорь просил ее выйти за него замуж...

Калининград в этот раз оказался не таким приветливым. Их самолету с большим трудом удалось приземлиться в аэропорту из-за штормового ветра. Раздраженная весенняя буря разметала по небу рваные черные тучи, которые с грохотом сталкивались, сверкая вспышками молний. Ветер носился над землей, беспощадно сгибая кроны деревьев и придавливая к мокрой почве еще неокрепшие стебли травы.

Им удалось успеть добраться до квартиры до начала обильного ливня.

Они покидали вещи в прихожей и прошли на кухню. Из привезенных с собой продуктов, Лада сделала неплохой ужин и они сидели на кухне допоздна, угощаясь домашней пиццей с вином и наблюдая за ураганом через большие окна. Квартира вся была большой. Сто пятьдесят квадратных метров были поделены на две комнаты, из которых они сделали спальню и гостиную-кабинет для встречи гостей. Лада сама выбрала из предложенных в журнале новостроек именно эту и заказала финскую мебель для обстановки. Дизайном будущего жилья тоже занималась она и квартира получила несколько странный стиль: светлые бледно-розовые стены почти без резкой границы переходили в молочно-белый потолок, по углам была расставлена вычурно простая мебель цвета черного дерева: черные квадраты комодов, тумбочек, сервантов и квадратный стол с черными тонкими ножками и стеклянной столешницей; весь образ дополняли тяжелые набивные занавески цвета фуксии, сочетавшиеся с сиреневыми ободками галогеновых лампочек встроенных в потолок. Когда Игорь увидел все это великолепие в законченном виде, он несколько растерялся. Особенно его поразила эта темная мебель: упрощенные, невыразительные фасады создавали угрюмое ощущение, но вскоре он привык и стал обращать меньше внимания на интерьер.

Летом они почти каждый день ездили купаться в Светлогорск. Ездили они на новом серебристом Мерседесе Лады. Игорь заказал эту машину напрямую в Германии и специально для него ее перегнали в Калининград, как только на заводе в нее закрутили последний винт. Как он и обещал, это была самая броская машина во всем городе. В городе, где, ввиду невысоких зарплат, ценилась прежде всего функциональность и вместительность, это серебристое купе шокировало публику. Покрутившись в местной среде, Игорь поначалу

передумал покупать такую машину, предлагая жене что-то более скромное, но не менее качественное. Но Лада наотрез отказалась. И не пожалела: эта машина заморозила ее, как только она ее увидела. Игорь же невольно краснел, сидя рядом с ней на пассажирском сидении, когда они проезжали мимо чахлах деревень и перекошенных домиков, похожих больше на сараи, чем на жильё, или стояли на светофоре в окружении таких же немецких машин, но разделенных с их Мерседесом безжалостными годами. На его сетования по этому поводу Лада говорила так:

— У меня тоже была старая, маленькая Тойота. А теперь этот Мерседес, но в душе я не изменилась. Я, по-прежнему, добрый и отзывчивый человек. Поэтому — не суди по машине.

Игоря, почему-то, всегда тянуло рассмеяться после этих слов.

С каждым днем их тянуло к друг другу все сильнее. Феерические ощущения первой влюбленности прошли, уступив гораздо большей по силе любви и привязанности. Они любили друг друга еще крепче и глубже, проникая в самые потаенные уголки души и неосознанно задевая самые сильные чувства.

В этой новой жизни им нравилось все: город и их квартира, окружение, природа и необычная погода приморского города. Весь год после переезда радость от этой перемены все увеличивалась и они забыли жалеть о чем-либо, чего не хватало после Москвы.

Игорь занимался бизнесом. Он открыл свой автосалон и набрал небольшой штат сотрудников. Он отлично знал слабые и сильные стороны своей марки автомобилей, проработав с ней больше пяти лет. Но пока было рано говорить о том, выживет ли этот бизнес в такой неустойчивой обстановке и специфическом рынке. Игорь много работал, стараясь не заглядывать вперед. Он боялся признаться самому себе, что ему страшно было это сделать.

Лада работала в художественной студии — учила детей рисованию. Эта работа, как и предыдущая в институте, в равной степени утомляла ее. Но вопреки советам Игоря, она продолжала там работать, больше из привычки, чем от истинного желания.

Игорь никогда не задумывался над тем, мог бы он изменить своей жене или нет. Он не обращал внимания на других женщин и даже не думал на эту тему, пока не произошло одно событие.

Утром, приехав на работу, он зашел в свой кабинет и только успел повесить пиджак на спинку кресла, как к нему ворвался его помощник Сергей Корасев — молодой парень, недавно окончивший университет и неплохо знающий шведский язык.

— Игорь Евгеньевич, пришла корреспонденция от руководства. Я уже перевел.

— Что пишут?

— К нам собираются направить сотрудника с инспекцией — менеджер по региональному развитию. Будет ходить тут отчеты изучать, планы проверять. Так что надо готовиться. Что-то они рано засуетились. Не прошло и года! Неужели они уже хотят увидеть какие-то результаты?!

— Нет, не результаты. Только перспективы. А кто это?

— Некая Анна Рёншёльд.

— Фру Рёншёльд. Ну, ладно, пусть изучает.

— Только не фру, а фрёкен. Она не замужем, — Сергей не сдержал улыбки.

— А! Ну тебе и карты в руки, — ответно улыбнулся Игорь.

В тот день Сергей встретил фрёкен Анну в аэропорту и к вечеру привез в их офис. Игорь вышел в приемную, чтобы поприветствовать ее. Они встретились глазами и долго изучающее смотрели друг на друга, затем оба покраснели и отвернулись. Девушка первая протянула руку и он пожал ее. Это была удивительная женщина. Если его Лада была похожа на гордую, языческую Фрейю — скандинавскую богиню любви, сдержанную и нереальную, сказочную, то эта женщина была из плоти и крови, жгучей и живой, как живучие дети древних викингов, тех которые впервые покорили суровые льды Гренландии и чьих жен, заживо хоронили с погибшими в бою мужьями. Хоть ей и шла деловая одежда, но она представлялась в одежде из обтягивающей кожи и меха; от нее веяло теплом и силой, необузданной энергией, как от настоящей валькирии, не привыкшей к поражениям. Она была высокого роста и имела красивую, крепкую фигуру. У нее было немного вытянутое лицо, полные губы, и большие светло-серые глаза; вьющиеся светло-каштановые волосы опускались по спине к талии.

Помощь Сергея не потребовалась, она хорошо говорила по-английски. Игорь провел ее по кабинетам, показал выставочные экземпляры машин и рассказал о проводимой автосалоном рекламной компании. Затем Анна в компании с Сергеем, в качестве переводчика, удалилась в приемную просмотреть документы.

Игорь сидел у себя за столом и нервно чертил звезды карандашом на полях проверяемых им договоров. Эта женщина всколыхнула в нем самые противоречивые чувства. В голове, как дурман, стоял запах ее духов — аромат хмеля смешанный с запахом меда. Ладонью он все еще ощущал прикосновение ее руки и по-мужски крепкое пожатие. Он прислушивался к разговору из приемной и звук незнакомого языка звенел в его ушах, как странная музыка. Игорь невольно вздрогнул, когда дверь кабинета открылась.

— Фрёкен Рёншёльд вас позвала, — сказал Сергей с порога.

Игорь вышел вслед за ним. Женщина стояла у витрины и смотрела на улицу. Серый дневной свет придавал ее коже бледно-оливковый оттенок.

— Ваш помощник ввел меня в курс дела, но пока я не могу составить своего мнения. Завтра я поговорю с руководством и объясню вам нашу позицию, — она обернулась к нему и, внезапно, он заметил, что высказав эти слова, она улыбнулась ему и посмотрела пристально в глаза, — Я совсем не знаю города. Может быть, вы отвезете меня поужинать в какой-нибудь ресторан русской кухни? Мы обсудим дела в более непринужденной обстановке.

Игорь почувствовал, как кровь приливает к голове и начинает стучать в висках. Он стоял молча, вдыхая ртом воздух, как рыба выброшенная волной на берег, затем с трудом сконцентрировался и сказал:

— Я привык ужинать дома, с семьей. А в ресторан вас свозит Сергей.

Анна слегка кивнула и тихим, несвойственным ей голосом, сказала:

— Спасибо, я поужинаю в отеле.

Почти всю ночь Игорь не спал. Лада проснулась около пяти утра и вышла на кухню. Он стоял у окна и курил в форточку. Он не заметил ее, в его мозгу носились образы странного сна, который он никак не мог вспомнить целиком. Ему приснилось кораблекрушение и тело женщины в холодной, черной воде. Он бросился в воду и поплыл к ней; постепенно приближаясь, он узнал ее. Игорь схватил ее и обернул ее лицо к свету. Это была Лада. Ее светлые волосы смешались с темной водой, сиреневые губы дрожали. Она открыла глаза и

он отпрянул, не узнав ее. Это были светло-серые глаза Анны, ее теплый, нежный взгляд. Он почувствовал себя беспомощным и напуганным, когда понял, что не знает эту женщину.

На следующий день Анна пришла рано и, отказавшись от переводчика, осталась с ним наедине в кабинете.

— То, что я вам скажу останется между нами, поэтому я не хочу, чтобы кто-то еще присутствовал.

Глядя в эти серые глаза, Игорь вспоминал свой сон и задумчиво молчал.

— Мы с вами понимаем, что пока рано делать какие-либо прогнозы, относительно перспектив бизнеса. Но я хочу сказать вам, как друг, пожалуйста, прислушайтесь — не стоит дожидаться официального банкротства, лучше закрыть компанию сейчас, пока еще на ее развитие не потрачены огромные суммы. В этом регионе никогда не будут пользоваться спросом машины категории премиум. Здесь, если и будут покупаться новые машины, то это будут бюджетные марки. К тому же, здесь развит рынок подержанных немецких машин. Открыт завод по сборке новых машин. Компания не сможет конкурировать в этой среде. Даже несмотря на все ваши усилия. Поймите, я не пугаю вас. Я излагаю мое видение проблемы. Да вы сами не хуже меня все понимаете.

— Да, я понимаю. Спасибо за откровенность.

Анна поднялась, подала ему руку. Он слегка сжал ее и кивнул ей на прощание. Она грустно улыбнулась и скрылась за дверью. Игорь почувствовал облегчение и... легкую грусть. Грусть от нереализованной возможности.

Через полгода произошло то, что должно было случиться, несмотря на все усилия Игоря. Компания закрылась в связи с невозможностью продолжения ведения бизнеса в неблагоприятной конкурентной среде. Предчувствуя вероятность такого исхода, Игорь не раз пытался поговорить с Ладой и обсудить ситуацию. Он предлагал вернуться в Москву, пока у них в запасе была достаточная сумма денег, но его жена, которая до сих пор пребывала в ажиотаже новизны, всякий раз отказывалась.

Игорь медленно переходил от одного стола к другому, хмуро разглядывая списки предложенных вакансий. Он никогда раньше не посещал подобные выставки, но после месяца упорных поисков работы, ему пришлось смириться. Испуганные работодатели теряли способность говорить, когда он подходил к ним со своим резюме.

Список специальностей, в которых нуждались предприятия региона, красноречиво говорил о том, что вся область находится в глубоком экономическом кризисе: требовались сотрудники на временную работу без перспектив карьерного роста и увеличения зарплаты.

Игорь задержался у выхода, пропуская вломившуюся в двери группу безработных студентов, и уже собирался уходить, когда его кто-то остановил, тронув за рукав. Рядом с ним стоял худощавый парнишка в дорогом деловом костюме.

— Пытаетесь найти работу здесь? — спросил он.

— Вроде как...

— С вашими материальными запросами — это нелегко, — собеседник красноречиво указал взглядом на его резюме.

Игорь хмуро улыбнулся — в строке «компенсация труда» он написал сумму в пять раз меньше той, которую он привык получать.

— Это я уже понял.

— Топ-менеджерам здесь работу не найти. Я сам пытался. И пришел к выводу, что надо открывать свой бизнес.

— А вы кем работали?

— Банкиром. Я был управляющим главным отделением банка.

— И что с тем банком?

— Его нет. Недавно прошел процедуру ликвидации.

— Мой автосалон тоже недавно закрыли.

— На Автодоре не нашлось работы? Там сейчас много сборочных линий запустили. Развивают производство.

— Должности такого класса, куда бы я пошел, уже заняты. А на более низших платят такие зарплаты, что не то что нам с женой, а мне одному не хватит.

— Так вот: как насчет своего бизнеса? Мне нужен партнер.

— Есть наработки?

— Без этого никуда.

Они зашли в небольшое кафе, где новый знакомый и бывший банкир Илья Мицкевич рассказал Игорю о своих планах по открытию рыбного завода.

— Этот рыбный заводик недавно разорился, сейчас можно купить его со всеми активами по бросовой цене. У меня есть надежные каналы сбыта всей этой продукции, знаешь все эти бывшие братки теперь занялись коммерцией: у одного магазин, у другого палатки на рынке. Но кроме этого, можно вывозить на продажу на Украину, в Белоруссию. Имею парочку знакомых на таможне. В общем, со сбытом проблем не будет.

— Ты хочешь, чтобы я вложился в покупку завода?

— Нет, там уже все оговорено. Я хочу свою собственную рыболовную команду и судно. Это выгодней, чем перекупать у рыбаков. Селедка, скумбрия — ходовой продукт. Но на деликатесного угря тоже будет спрос и на норвежскую семгу. Я, кстати, уже разузнал, как получить квоты на лов рыбы в Норвежском море. Если надумаешь ввязаться, то твоя задача — купить или взять в аренду рыболовецкое судно и нанять команду.

— Какой период окупаемости у всей этой затеи?

— В зависимости от цены на судно, но в целом — максимум два года.

Игорь задумался. Он знал все об автомобильном бизнесе и ничего не знал о производстве консервов, ловле рыбы и рыболовецких шхунах; единственное его знание связанное с морем — это состав морского коктейля подаваемого в ресторане с пастой в сливочном соусе. Но от этого азарт открытия новых горизонтов и покорения новых вершин разгорелся в нем с удвоенной силой: у него есть шанс попробовать себя в каком-то новом деле, испытать новые возможности, узнать много профессионально ориентированной информации и добиться результатов в совершенно новом для него виде бизнеса. Илья молча пил свой кофе и не мешал Игорю обдумывать это предложение. Он почувствовал в нем деловую хватку и любовь к риску, те же качества, которые были в нем самом и которые (как он полагал) были у всех успешных бизнесменов.

Лада возвращалась домой бегом через парк. Сильный весенний ливень обрушивал все новые потоки на ее голову и насквозь промокнутое платье. Внезапно, ее остановило слабое мяуканье. Она прошла несколько шагов назад и увидела маленький серый комок, вцепившийся в тонкую ветку, которую безжалостно качало ветром. Девушка поймала на себе

взгляд больших серо-зеленых глаз зверька. Лада пыталась позвать котенка, но испуганное животное упорно цеплялось за слабую ветку и не собиралось спускаться. Тогда она бросила свою сумочку под дерево и, ухватившись за ветки у ствола, стала лезть вверх. Девушка изрядно ободралась прежде, чем достала упрямого зверька. Он повис на ее платье и она спрыгнула вниз. Приземление прошло не совсем удачно — она подвернула ногу, поскользнувшись на мокрой траве, но она, не придав этому значения, прижала к себе котенка и побежала домой.

Когда пришел Игорь, она, прихрамывая, вышла его встречать. Он заметил, что у нее перемотаны бинтами обе руки. Он удивленно посмотрел на нее — ее лицо светилось радостью. Девушка притащила котенка с кухни и с гордостью показала мужу находку.

— Назову его Локки.

Игорь обнял ее и прижался щекой к ее шелковистым волосам.

После ужина они стояли на балконе и наблюдали за грозой.

— Ты знаешь, я никогда бы не подумал, что мне может так понравиться какая-нибудь лодка. Это не дом, не машина. Банальная рыболовецкая шхуна! Почему она мне так запала?!

— Почему?

Лада поначалу удивилась, когда узнала, что Игорь хочет продать свой внедорожник ХС 90, чтобы купить судно. Но, поразмыслив, согласилась с его планами. Он поменял машину на старенький форд, добавил немного из личных сбережений и купил десятилетнюю немецкую шхуну-траулер с длиной палубы пятнадцать метров, несколькими каютами и объемным контейнером с морозильной установкой. Он с таким энтузиазмом отнесся к выбору покупки, как будто сам собирался на ней плавать вместо наемной команды.

— В ней все так логично устроено. Все на своих местах. Корпус не потрепанный, целый. Каюты отделаны деревом. Она — хороша! Я уже ей имя придумал.

— Какое?

— Рагнарёк.

— Отличная кличка! А что-нибудь повеселей на ум не приходило? Может быть, лучше ее просто Армагеддон назвать?

Лада возмущенно посмотрела на него. Рагнарёк в скандинавской мифологии назывался последний день, день борьбы богов с великанами и заката мира людей.

— Не важно, что это слово обозначает. Оно звучное. Я же не протестую, что ты назвала кота именем хитрого, подленького божка.

— В зависимости от толкования мифов.

— Так и Рагнарёк можно толковать по-разному. Что если это не конец света, а начало новой жизни? Переход на новый уровень?

Лада пожала плечами и высунула голову в распахнутое окно. Влажный ветер подхватил ее волосы и они заструились белыми прядями, рассекая вечерние сумерки. Лада посмотрела на Игоря через стекло и улыбнулась ему. Через восемь месяцев у них будет ребенок...

3

Небольшое белое рыболовецкое судно покачивалось на спокойных волнах у пирса, красуясь начищенной палубой и начисто вымытыми стеклами капитанской рубки. На борту сутилась команда из семи человек и, когда капитан подал знак, они стали готовиться к отплытию. Игорь стоял на пристани, засунув руки в карманы джинсов, и наблюдал за отчаливанием. Эта «лодка» понравилась ему с первого взгляда, он никогда в жизни еще не был настолько удовлетворен своей покупкой. Причем он сам удивлялся этому чувству: он —

человек, не разбирающийся в мореходстве и знающий о море только из курса школьной географии, мог настолько заинтересоваться этой чуждой ему деятельностью.

Судно отчалило и Игорь со страшной силой захотел оказаться на его борту. Он тогда и не предполагал, что вскоре будет вынужден это сделать...

Не прошло и полгода с момента открытия завода и начала работы совместного предприятия Игоря и Ильи, как, постепенно улучшающаяся в стране экономическая ситуация, привела денежные потоки в этот регион. В город пришли большие деньги и большой передел. Под давлением они перепродали свой завод. Столичная компания стремительно начавшая раскручивать рыболовный бизнес на Балтике, собиралась купить и шхуну, принадлежащую Игорю. Для того, чтобы убедить его согласиться на сделку, они подкупили капитана, который покинул свое место, перед этим разругавшись с командой.

Игорь был разбит и подавлен. Он сидел на пристани и размышлял после ссоры с капитаном. Там его и нашел Алексей — моряк со шхуны. Игорь потом не раз удивлялся, как этот простой парень вовремя подсказал ему правильное решение и помог его принять.

Игорь не продал свой Рагнарёк и не распустил свою команду. Он сам стал капитаном судна и вместе со своими ребятами нанялся на работу в новую компанию. Ему пришлось досконально изучить морской устав, получить лицензию и пройти школу среди моряков, которые обучили его простым навыкам управления судном и поведению на море. Он быстро освоился в новой деятельности и через пару месяцев, уже чувствовал себя так, как будто был потомственным моряком и чуть ли не родился на борту во время качки.

Закончив наблюдать за процессом отгрузки выловленной рыбы, Игорь расписался на бланке и направился к своему старому форду, припаркованному на стоянке за пристанью. Еще в море он заметил, что город окутан туманом и весь путь просил небо, чтобы эта мгла не застигла их на воде. Он добрался домой, всю дорогу злясь на туман, и поднялся в квартиру. Лады дома не было. Игорь испугано бросился обратно во двор. Ее машина стояла припаркованная в торце дома и уже больше полумесяца никуда оттуда не сдвигалась. Он поехал вдоль парка, протянувшегося от их дома к реке. Сизая мгла не позволяла ничего разглядеть и он ехал, постоянно выкрикивая имя жены в открытое окно. Наконец, на одной из скамеек, он заметил дрожащую от холода женщину. Он въехал на газон и, не заглушив двигатель, побежал к ней. Лада была в полуобморочном состоянии, ее бледно-сиреневые губы что-то слабо произнесли и она уронила голову на его плечо.

Через полчаса Игорь сидел перед палатой и нервно хрустел костяшками пальцев. Выходившая к нему врач сказала, что Лада потеряла ребенка и теперь они пытаются привести ее в сознание.

Шел четвертый час ночи. После нескольких бессонных ночей на море, когда штормило, Игорь не чувствовал ни на секунду, что мог бы заснуть сейчас. Около четырех его пустили в палату к жене. Она лежала под капельницей. На фоне белых простыней, ее оливковый цвет кожи выглядел болезненно. Полушепотом она произнесла:

— Я ведь не хотела пока иметь детей. А теперь мне жалко, что так произошло. Он... ребенок... наверно чувствовал, что я не хочу его. И поэтому... Хотя нет! Не слушай меня! Последние недели я любила его.

Игорь убрал прилипшие к ее влажному лбу волосы и слабо улыбнулся.

— Это судьба, Лада. Причем тут ты?!

— Я! Я все время думала про него. Думала, как мне хочется и не хочется его иметь

одновременно. Это была какая-то борьба внутри меня.

— Послушай, это нам дано свыше. Мы не можем ничего ни изменить, ни на что-то повлиять. Наверно, в будущем будет более подходящее время для его появления.

— Да...наверно, — она тихо заплакала.

Лада зашла на кухню и вытащила припрятанную за холодильник бутылку десертного итальянского вина. В последнее время она часто обращалась к этому средству, чтобы немного поднять себе настроение, но стеснялась мужа. Ей приходилось делать это в одиночестве и осторожно убирать потом все улики. Она поставила бутылку на стол и потянулась к полке за стаканом. Резко передумав, она убрала руку, взяла бутылку и ушла в гостиную. Лада села в кресло перед окном, открутила пробку и сделала пару глотков из горла. Приятная теплая сладость разлилась по телу. Она продолжала думать про не родившегося ребенка. Чем больше проходило времени с того события, тем невыносимей становились укоры совести. Она ругала себя за то, что поначалу не хотела этого ребенка, а потом, когда уже полюбила его, было поздно изменить проложенный вначале негативный посыл. Ей казалось, что судьба за что-то наказывает ее. И теряясь в догадках, она припоминала все, даже самые мелкие свои грешки. Возможно, этого состояния с ней бы не было, если бы она продолжила заниматься с детьми в своей студии и делать дизайн-проекты для журналов. Но следуя указаниям врачей, она устроила себе отдых, а это время постепенно стало все больше походить на кошмар для нее. Чем дальше, тем большими угрызениями она терзала себя и тем больше ей не хотелось снова заниматься работой.

Лада обвела взглядом комнату. В сумерках выделялись темные силуэты мебели на фоне белых стен. «Надо что-то менять! Я должна загладить свою вину перед этим ребенком,» — подумала она, продолжая осматривать комнату. До отъезда Игорь согласился с ее идеей поменять квартиру и, так как вся собственность формально принадлежала ей, он оставил необходимые документы для того, чтобы она могла совершить сделку в его отсутствие. Лада допила оставшееся на дне вино и положила бутылку на пол. Расплескивая красные капли из горлышка, бутылка покатила к центру комнаты и, ударившись о ножку стола, замерла.

На стоянке у пристани Игорь сразу увидел свою жену. Она сидела на капоте своего купе и покачивала ногой. На ее стройных лодыжках переливались блестящие черные сапоги-чулки, контрастировавшие с серебристым цветом машины и дополнявшие ее белое пальто с густым серебристым мехом и черной, глянцевой оторочкой. Игорь положил руки на капот по бокам от ее бедер и поцеловал ее.

— Я продала нашу квартиру и купила другую. Уложились в три дня. Вчера перевезла мебель. Садись, поехали.

С каждым поворотом Игорь думал, что это их новый дом. Но Лада везла его все дальше. Наконец, она припарковалась у старой, кирпичной восьмиэтажки. Подъезд соответствовал всему облику дома. Игорь молча шел за женой на второй этаж. Прислушиваясь к своим первым ощущениям, он уже начинал готовить себя к чему-то более откровенно шокирующему, чем могло бы быть, заведомо зная, что всем этим делом занималась Лада. Она, казалось, не видела всего впечатления, которое производили на мужа все новые и новые подробности их будущего быта. Лада вытащила из кармана гремящую связку ключей и распахнула перед ним входную дверь. Это была однокомнатная квартира, слегка обновленная стараниями Лады: вчера мастера успели поставить новые стеклопакеты и

наклеить непритязательные обои в бирюзовый цветочек, гармонично вписывающиеся в интерьер с аляпистыми мещанскими занавесками, будто купленными за бесценок у деревенской рукодельницы. Вдоль стен нагромоздилась все та же темная мебель и в этом тесном, замкнутом пространстве она выглядела устрашающе большой. Локки свернувшись кольцом спал в углу дивана и тихо зашипел, когда они вошли.

— Знаешь, та квартира слишком огромная. Я в ней чувствовала себя одиноко и неудобно. Здесь милее, — сказала Лада, открывая дверь в маленькую кухню.

— Если тебе здесь милей, то... то... ну, ладно я всегда знал, что у тебя своеобразный вкус. Зато, наверно, много денег осталось после обмена.

Лада замерла и странно посмотрела на него.

— Эти деньги я отправила в благотворительный фонд помощи больным детям. У меня ничего не осталось.

Игорь молча смотрел сквозь нее несколько секунд, затем прошел на кухню и встал, отвернувшись, к окну. Его поразила внезапная мысль — теперь они уже никогда не смогут вернуться в Москву. Он пока не знал — стоит ли переживать из-за этого, или им всегда будет хорошо в Калининграде, но эта мысль была как отправная точка чего-то большого и неведомого, того, что уже не сможешь изменить.

— Почему ты молчишь?! Что, недоволен? Ты — циник, — внезапно, выкрикнула Лада, — Я должна была это сделать! Я не могла жить с тем, что случилось с моим ребенком. Как ты не можешь понять, что это правильно! Я ненавижу тебя! Ты всегда был материалистом, всегда все продумывал и планировал. Но, подумай, жизнь вообще нелогичная штука. В ней нет никаких правил и установок.

— Лада, так тебе стало легче? — он обернулся к ней, его лицо было невозмутимо.

Девушка кивнула, удивленно посмотрев на него.

— Значит, все правильно, — он улыбнулся, но от нее не скрылся его задумчивый, отрешенный взгляд.

Рагнарек медленно пробирался к пристани, сотрясаемый штормовыми волнами. В этот раз все время штормило и им не удалось выловить много рыбы. Игорь был в рубке, когда моряки позвали его на палубу. Он выскочил, прихватив бинокль. Судно, шедшее параллельным с ними курсом, начало отставать и над его кормой протянулся вверх черный, как сажа, дым.

— Горят! — крикнул один из рыбаков.

— Разворачиваемся, — скомандовал Игорь и побежал обратно в рубку.

Через несколько минут, не сбавляя полного хода, они уже приближались к горящему траулеру. Моряки еще издалека узнали судно.

— Наши ребята! Одному хозяину деньги в карман кладем, — сказал Игорю Алексей с кривой усмешкой.

Ветер разметал черный дым над морем и они смогли увидеть, что происходит на палубе. Горели каюты, два моряка пытались потушить языки пламени, которые уже пробирались к моторному отсеку. Игорь помог морякам зацепить тросами горящую шхуну и подвел Рагнарек вплотную к пылающему борту. Задыхающиеся от дыма рыболовы, еле выдавливая какие-то звуки из охрипших глоток, жестами указали на каюты. Игорь схватил прикрепленный к стене в рубке топор и бросился туда. Запертые в тесном помещении моряки пытались выломать заклинившую дверь изнутри и она сухо трещала, упорно держась

на петлях. Из щелей валил едкий дым, смешанный с запахом водки — нельзя было медлить ни секунды. Игорь сбил топором замок и резко распахнул ее. Испуганные люди, шатаясь, с трудом стали выбираться наружу. Ребята из команды Игоря уже стояли со смоченными полотенцами и сбивали островки огня вспыхивающие на их одеждах. Не теряя времени, Игорь приказал немедленно перебираться всем на Рагнарек и сам помог перелезть двум рыбакам. Они спешно отвязали канаты и судно резко отчалило. Рагнарек не успел отплыть и на сто метров, как огненный столп взвился над горящим траулером и водную поверхность устелили черные обломки.

В порту уже знали о несчастном случае (как это представлялось вначале) и судно на пристани встречали две машины скорой помощи. В связи со случившимся весь порт гудел, как разоренный улей, Игорь с ребятами рассказывали о событии снова и снова, то прибавляя, то приукрашивая некоторые подробности. В контейнере Рагнарека медленно таяла выловленная рыба и ее еле-еле успели разгрузить к полуночи, после того, как интерес к произошедшему слегка поутих.

Игорь шел к машине, устало прихрамывая. У форда стояла Лада. словно испуганная птица она вспорхнула и быстро подошла.

— Что случилось? Как ты? Уже знает весь город! Я по радио услышала еще два часа назад. Поймала такси и сюда.

В матовой темноте ночи ее глаза ярко блестели как будто в них зажглись звезды.

— Все обошлось. Поведешь? Я слегка утомился, — он передал ей ключи от машины и сел на заднее сиденье.

Лада завела машину и на минуту задумалась, упираясь лбом в верхнюю половину руля. Затем, она вдруг обернулась. Игорь почувствовал тонкий аромат ее всколыхнувшихся от резкого движения волос — запах распустившегося, влажного от утренней росы шиповника. Она заглушила мотор и вылезла из машины. Игорь встал рядом, прислонившись к двери.

— Ты волновалась? — спросил он тихо.

Лада кивнула. Она провела рукой по его щеке, спустилась вниз по шее и зацепилась за ворот рубашки. Мягкими и влажными от ночного бриза губами она прикоснулась к его шее и медленно провела вдоль ключицы, расстегивая его рубашку и постепенно раскрывая плечи. Игорь прижал ее к себе и поцеловал, как только она вскинула голову, чтобы посмотреть на него. Они стояли так сильно прислонившись друг к другу, что порывы холодного ветра огибали их, прикасаясь к коже холодным шелком.

Через несколько часов рассвело. Было еще темно, но со стороны города уже поднималось предрассветное зарево, освещая еще дремавшее тихое море.

Лада проснулась от холода. Она спала, положив голову на плечо Игоря и укрывшись его курткой. Тихо открыв дверь, она выскользнула наружу. Утренний воздух сразу взбудрил ее. Девушка огляделась и пошла к пристани.

Безмятежное море темно-синей гладью раскинулось перед портовыми доками. Ни слабая волна, ни легкий ветер, ничто не нарушало идиллии зарождения нового дня. Вдали у горизонта, где терялись очертания и исчезали границы, море плавно переливалось в небо, а небо, пронзив простор сиреневой глубиной, смотрелось в зеркало спокойной воды и бросало вниз последние серебристые звезды, которые вспыхивали прощальным светом в морских глубинах.

— Тебе нравится море? — девушка услышала шаги позади.

Игорь поравнялся с ней и с каким-то странным восторгом засмотрелся на морской

пейзаж.

— Не знаю, — ответила она, — Скорее, нет. Оно всегда одинаково и в штить и в шторм. Нет красок, жизни.

— По-моему, наоборот. Его жизнь кипит.

— Ты, я вижу, полюбил море и свою работу?

— Сам никогда бы не поверил в это. Но, как ты можешь узнать, что тебе нравится, не испытав этого сначала? Раньше я думал, что машины — моя стихия и я всегда буду получать удовольствие от работы в автобизнесе. Теперь я понял — это была веха в моей жизни. Время изменилось и начался новый этап.

— Ты никогда не узнал бы этого, если бы мы не переехали сюда. Видишь — не все в жизни поддается планированию.

Игорь усмехнулся и кивнул. Лада внимательно посмотрела на него и вдруг поняла, насколько сильно он изменился. Он теперь носил джинсы и ветровки, а пара запасных кроссовок у него была и в машине и в каюте Рагнарека. Его лицо стало смуглым от прилипчивого морского загара, темно-русые волосы выгорели и стали соломенного цвета. Но это его не испортило. В его взгляде загорелся азарт путешественника и в облике появилось что-то неуловимое, одновременно привлекательное и пугающее.

Игорь с Алексеем стояли на пристани и курили. Они только что получили положенную выручку и теперь обсуждали плавание, из которого вернулись. Их внимание привлекла старушка, сидевшая на скамейке у склада; она плакала.

— Мать Егорова, — пояснил Алексей, — Помнишь того рыбака, которого мы последним выгнали из горячей каюты? Он сильно пострадал. До сих пор в больнице. А дома жена и трое детей. Живут на пенсию его старухи-матери.

— Бедные люди...

— Да... Она заходила к нашему начальству. Хотела выпросить аванс на лечение сына. Но кто ей даст хоть копейку? Всем ясно, что он теперь не скоро вернется на работу. Сколько он еще в больнице пролежит? А им за лечение нечем платить. Да и возьмут ли его опять работать. После... всего.

Игорь молча направился к ней. Он ласково поздоровался и спросил сколько ей нужно на лечение сына. Старушка назвала сумму. Игорь усмехнулся: раньше эта сумма не вызвала бы в нем никаких чувств, он получал каждый месяц больше. Он вытащил из кармана куртки только что полученную зарплату и протянул.

— Возьмите, пожалуйста. Хоть какая-то часть.

Алексей схватил его за руку и сказал женщине.

— Подождите минуту, я еще у наших соберу.

Он бегом направился в контору, где остальные рыбаки из их команды еще стояли в очереди за деньгами. Через десять минут он вернулся с необходимым остатком к названной сумме — моряки сдали кто половину кто четверть своего заработка.

— Спасибо, вам ребята. Только на вас и можно положиться теперь, — тихо произнесла старушка, сдерживая всхлипывания, — Мой Сереженька, он вам все вернет. Как сможет.

Дома Лада несколько оторопела, узнав, что он отдал все деньги.

— На что нам теперь жить? — она стояла подбоченившись и смотрела куда-то мимо него, — Я хотела мебель поменять. Уже внесла задаток.

— Я не мог иначе. Надо было помочь им.

Лада кивнула и молча прошла на кухню следом за ним.

— Я заработаю в мастерской. Нам хватит на пару недель, — внезапно, проговорился Игорь.

— В мастерской? — брови девушки подскочили дугой.

Игорь запнулся и, покраснев, посмотрел на нее. У него было лицо подростка, которого родители уличили в том, что он брал их машину.

— Я что-то не поняла. Где-где?

— В мастерской.

— Что ты там делаешь?

— Понимаешь, как капитан судна, я получаю немало. Но этого все равно не хватило бы, чтобы как-то компенсировать наши потери после Москвы. Я подрабатываю механиком в автосервисе. Ремонтирую двигатели, коробки передач и электронику. Заказов сейчас много. У меня постоянно есть работа.

— Почему я узнаю об этом только теперь?

Игорь промолчал, устало пожав плечами.

— Ты — вице-президент автосалона, работаешь мастером по ремонту каких-то развалюх?!

— Я — экс-вице-президент автосалона. С тех пор многое изменилось.

— Я знаю, что многое изменилось. Но как ты можешь... такая разница... — девушка запнулась и окончательно потеряла дар речи.

Они молча смотрели друг на друга, потом Лада немного успокоилась и заговорила снова:

— И почему ты мне ничего не говорил? Я должна была думать, что ты в море! А ты в это время копался в цилиндрах и поршнях. Я — твоя жена. Ты не находишь, что надо было меня поставить в известность?!

Игорь упрямо молчал.

— Это все твоя гордость! — продолжала девушка, — Из-за нее ты не стал мне говорить. Сам понимаешь всю нелепость этой ситуации, поэтому и стыдно было рассказать.

— Пусть так. Может быть, ты и права.

— Не то слово!

Лада постояла несколько секунд в задумчивости посреди комнаты, затем вытащила из буфета бутылку коньяка и поставила две рюмки.

— Ладно, такова жизнь. То в омут, то в небо, то в огонь, то в ледяную воду, — она налила себе и мужу и залпом выпила полный стакан.

Игорь улыбнулся. Их взгляды встретились.

— Через неделю приедут журналисты из Москвы. Просили выйти с нами в море. Они из какого-то научно-популярного издания. Хотят посмотреть Балтику, быт моряков, — Игорь сменил тему.

— А у жен моряков будут брать интервью? Я как раз недавно себе плащик купила. Все думала, куда бы обновить?

4

Полуденный зной раскалил свежий июньский воздух. Белые, веселые облачка неспешно плыли по небу и отражались в глянцевой поверхности моря в виде больших ленивых медуз.

Лада припарковала машину на портовой стоянке и направилась к пристани. На ней был светло-голубой летний плащ и красивые синие туфли на небольшом каблучке. Она соскучилась по мужу и, проснувшись утром в особенно веселом настроении, решила встретить его. К тому же он предупредил, что поплывет с журналистами, и девушке захотелось посмотреть на столичных гостей. Она вышла к причалу и заметила группу мужчин, столпившихся у пришвартованного Рагнарека. Пока моряки убирались на судне, Игорь разговорился с журналистами. Лада остановилась взглядом на одном из них и внезапно почувствовала легкую дрожь. Ощутив на себе чей-то взгляд, парень посмотрел на нее, резко покраснел и отвернулся.

Девушка подошла к ним и натянуто улыбнулась.

Игорь представил их. Невысокий полный паренек в очках и с фотоаппаратом на шее — был фотографом Мишей Маховским. Пишущего журналиста, покрасневшего от женского взгляда, звали Влад Коченов. Девушка снова посмотрела на него, их взгляды встретились и тут же осеклись, как столкнувшиеся бильiardные шары.

Это был необычный красивый человек. Он выглядел молодо, лет на двадцать пять, хотя на самом деле был старше Игоря на два года. Влад был высоким, худощавым парнем с ярким, выразительным лицом. Но его привлекательность была не в проявлении мужественности, а в какой-то тонкой эстетике, породистом аристократизме. У него было вытянутое лицо с высоким лбом, тонким, прямым носом и бесцветные, полные губы. Поражало в его облике изысканное сочетание светлой кожи и темных, почти черных волос и бровей. Но особенно пронзительными были его глаза: большие, карие, в окружении густых черных ресниц; в них сочеталось не сочетаемое — как у молодого жеребца рвущегося из паaddockа на ипподром — вызов и преданность, агрессия и беспомощность.

Лада, внезапно, вздрогнула, будто пришла в себя после короткого обморока и, наконец, услышала о чем говорят люди вокруг. Миша приглашал их вечером к ним в отель посидеть в ресторане и отметить возвращение. Игорь не стал отказываться, заметив веселое предвкушение на лицах остальных моряков. Лада попрощалась и они направились к стоянке.

Игорь шел позади, хмуро смотрел под ноги и насвистывал какую-то песню. От него не укрылся взаимный интерес, резкой вспышкой промелькнувший между Ладой и Владом, хоть они и не обменялись ни одним словом. Назойливое, неприятное чувство начинало скрести в душе и еще больше усугублялось от того, что Влад понравился ему как человек. Игорь давно не встречал таких остроумных собеседников. Он вспомнил студенческие тусовки, когда обсуждал с друзьями всё новое и интересное от политики до научной фантастики. Во Владе был здоровый мальчишеский задор и, несмотря на возраст, по-детски открытое отношение к миру и людям.

— Я, наверно, не поеду сегодня в ресторан, — Лада первой прервала молчание.

— Почему? Эти журналисты — интересные люди, с ними приятно общаться. Неужели тебе хочется сидеть дома, вместо того, чтобы немного развлечься? Пойдем! Давненько мы в

ресторане не были. Я как раз взял аванс на работе — можно хорошо погулять.

— А потом пару недель в мастерской будешь зарабатывать на то, что сегодня потратим.

— Не важно! Надо ловить мгновение. Если хочется, почему бы не пойти?!

Лада неопределенно пожалала плечами. Она внезапно почувствовала сильную усталость и ей не хотелось ни о чем думать.

В ресторане для их компании сдвинули несколько столов, чтобы разместить девять человек: пятерых моряков (двоих не пустили жены), журналистов и Игоря с женой. В приятном полумраке кружили официанты с подносами и звучала неназойливая музыка в стиле ретро. Миша, сразу опустошив графин водки, подсел к рыбакам и завел душевную беседу. Игорь хоть и выпил прилично, чтобы поддержать компанию, выглядел трезвее спортсмена на старте. Он не любил выпивать и делал это только ради компании, при этом всегда выглядел как будто не пил вовсе; казалось, алкоголь на него не действует, хотя он просто держал себя в руках, не давал расслабиться. Лада с радостью позволила себе лишнее, зная, что муж останется почти трезвым и как-нибудь довезет ее домой; он, зная ее нелюбовь к легким напиткам, предложил ей тоже, что пил сам — бренди. Влад выпил рюмку коньяка и понял, что его развозит, поэтому он отодвинул стакан и переключил внимание на закуски, в изобилии заполнившие стол: копченая рыба, икра, морепродукты в соусе, салаты и жареные на гриле овощи.

— И как вам Швеция? Суровая страна с холодными зимами, но теплыми сердцами у местных? — спросил он Игоря и Ладу. Разговор зашел о путешествиях.

— Да, шведы сдержанные, не сразу поймешь, что у них на уме, — подтвердил Игорь, — А зимы у нас не лучше.

— Да-а, разницы не много в том, что ты заблудишься и замерзнешь в нашем лесу или в шведском, — перебила Лада, — Одинаково, если вовремя никто не спасет, плохо дело.

— Вам посчастливилось заблудиться у них в лесу?!

Игорь и Лада переглянулись и одновременно поперхнулись от смеха, вспомнив то событие.

— Согласись, это лучше, чем посчастливиться сломать ногу в Куршевеле?! — сказала Лада.

— А я и говорю: дома на диване — лучший отдых, — подтвердил Влад со смехом. — Мне пришлось побывать во многих местах в мире. Но в России, я вам скажу, есть что посмотреть! Камчатка, Байкал, Алтай — это такие же знаковые места, как Лондон или Париж. И я не знаю, что выбрать, если меня спросят, поехать во Францию или снова на Камчатку. Скорее выберу последнее.

— Это нельзя сравнивать. Здесь прекрасная архитектура, а здесь чудесная природа, — возразила Лада.

— Я не сравниваю. Все зависит от ощущения, от восприятий, от желания. Чувствуешь такой настрой, что хочется именно туда и никуда иначе. Если тебе нравится в одном месте, то можно хоть десять раз туда приехать, игнорируя все популярные курорты.

Лада и Игорь переглянулись, они поняли его и задумчиво размышляли над этими словами, чувствуя в них странную правоту. Они понимали мироощущения этого человека и в душе готовы были подписаться под каждым его словом. Игорь поймал себя на мысли, что лет пять назад сам удивился бы своему нынешнему настроению. А теперь, он размышлял на эту тему и абсолютно не удивлялся Владу и странному блеску в глазах у Лады, когда она

смотрела на полупустой стакан бренди и будто видела, как в вязкой светло-коричневой жидкости тонет закатное, африканское солнце.

— Посылая меня сюда, наш редактор знал, что я — единственный журналист из штата, который будет прыгать от восторга, а не скорчит унылую рожу. Сам не знаю почему, но эта идея мне понравилась. Хотя собственно, что интересного можно увидеть на Балтике. Я плавал в морях похолоднее: в Баренцевом, Охотском. Но, увидев это море, я понял: оно другое. Не цветом и не составом воды, а каким-то особенным духом что ли... философией... У каждого места на планете есть своя философия. И это захватывает.

— Ты любишь море? — спросила Лада.

Несмотря на веселые гики с противоположного конца стола, где Миша травил журналистские байки, их троица была далеко от этого места. Они ели и пили, не чувствуя вкуса пищи, полностью погрузившись в разговор.

— Неверное определение. Нельзя любить или не любить море или горы, к примеру. Я люблю находится в подходящий момент в подходящем месте.

Лада, внезапно, поняла почему Игорь так полюбил море — оно пришлось ему по духу, оно смогло выразить его чувства своими средствами. Она мельком взглянула на мужа и залпом допила остатки бренди.

Они расходились уже за полночь. Миша остался в ресторане с двумя моряками, продолжая дегустировать ассортимент бара. Влад проводил остальных до остановки, где они поймали две машины и отправился в номер.

Лада проснулась с чугунной головой. Она накинула халат и, пошатываясь, направилась на кухню. Настенные часы показывали полпервого. Игорь сидел за столом и пил кофе, придерживая голову рукой. Он сонно посмотрел на нее и подвинул ей стул ногой. Девушка налила себе кофе из кофеварки и тоже подперла щеку рукой.

— Что мы вчера ели и пили? Ты помнишь? — спросила она.

— Смутно. Пили коньяк и закусывали чем-то морским.

— Изысканно. В следующий раз пойдем в тот ресторан, где мы в тот раз пили пиво и ели бараний шашлык, для разнообразия.

— Ладно, договорились. Мне еще в мастерскую ехать, хоть полдня поработаю.

— Поехали я тебя отвезу. А-то ты еще не проветрился.

Девушка возвращалась домой, когда у музея на Литовском валу заметила Влада, уткнувшегося в развернутую карту. Миша суетился у киоска с сувенирами. Она притормозила рядом и открыла пассажирское окно.

— Потерялись?!

Влад и Миша испуганно засмотрелись на ее машину, потом, когда первое удивление прошло, улыбнулись и поздоровались.

— Хотели город посмотреть, — пояснил Влад.

— Давайте, я вас покатаю. Только на этой машине не очень удобно, сзади тесно. Я возьму машину мужа, а ему оставлю свою. Будете здесь, я обернусь за десять минут.

— Не стоит! Это его идея насчет города, — Миша указал на своего коллегу, — Я боюсь, что матч пропущу. Вы меня подбросьте до гостиницы.

Лада кивнула. Она высадила его у отеля и Влад пересел вперед.

— Хорошая у тебя машина, — сказал он, улыбнувшись, — Такая пафосная.

— Быть пафосной хорошо или плохо?

— Сам не знаю. В определенном случае — хорошо.

— Хочешь сказать: в этом городе стоило бы ездить на чем-нибудь попроще? Говоря твоими словами: она здесь не к месту.

— Здесь и в самом деле не к месту. Но тебе она подходит. Ты идеально подобрала машину.

— Я не знала, как она выглядит, до тех пор пока не увидела ее у себя под окнами. Муж выбрал ее, хотя он тоже говорил, что здесь стоило бы водить что-то менее крикливое.

— Это, пожалуй, самая дорогая машина в которой я когда-либо сидел.

— И ты этим хвастаешь?! — Лада расхохоталась, — На твоём месте надо было сказать «Это не самая дорогая машина из тех, что я водил».

Влад покраснел, в его лице что-то дрогнуло.

— Извини, что показался посмешищем. У меня просто несколько другие критерии к машине, чем у всех, — процедил он сквозь зубы.

— Какие же? Цена, качество и функциональность?

— Эмоции и энергетика.

— Да, пожалуй, в стандартную комплектацию эти опции не входят. Как же ты их находишь?

— Это не объяснить. Но моя колымага скроется за поворотом, пока твой Мерседес будет пробуксовывать на старте. Хотя пыль в глаза и не пустит.

Лада изумленно вскинула брови и посмотрела на него. У него был выразительный профиль с красивым прямым носом и ровным небольшим подбородком. Она подумала, что ему, со всей присущей его внешности утонченностью, подошел бы Ягуар. Но, судя по словам, он не обладал достатком популярного журналиста и про такую машину мог бы только мечтать, если бы хотел. А он, судя по реакции на ее слова, и не хотел, предпочитая выбирать машину по одному ему известным правилам. Девушка удивленно усмехнулась и стала наблюдать за дорогой, прибавив газу.

— Не стоит так расстраиваться из-за моих слов, — сказал Влад, после ее внезапного ускорения с трудом отрывая затылок от подголовника, — Это отличная игрушка, но не самый быстрый из Мерседесов. Здесь три литра, двести тридцать лошадиных сил — достаточно, чтобы впечатлять стартом со светофора, но не более.

— А что, твоя, как ты выражаешься, колымага умеет больше?

Влад пожал плечами и неопределенно кивнул.

— Считаешь, что не имеет смысла распинаться — я не пойму? — Лада начала раздражаться.

Журналист посмотрел на нее и миролюбиво улыбнулся.

— Это такая философия: дело не в том, что «она может», а в том — как. Как я себя чувствую в данный момент и как она меня дополняет. Спортивная машина раззадоривает водителя, начинает управлять им, играя на его амбициях. Какой-нибудь вальяжный седан чересчур расслабляет и убаюкивает. На внедорожнике руки чешутся как хочется переломать все бордюры. Настоящая машина соответствует водителю каждое мгновение. Она позволяет ему расслабиться, когда он хочет спокойной езды, она заигрывает с ним, когда он хочет дозы адреналина.

Лада промолчала — подобный подход к вещи практического назначения был для нее внове. Она никогда не задумывалась над тем, что даже в этом «вопросе» может быть какая-

то философия. На лице Влада застыло добродушно-спокойное выражение и со стороны казалось, что он начинает медитировать, отрешенно разглядывая окрестности из окна.

— Тебе не показалось, что Влад странный, чокнутый? За несколько дней в море ты не обратил внимание, что в нем есть что-то неадекватное? — спросила Лада, отхлебывая белоснежную пивную пенку.

— Да, малость есть. У него какая-то теория, применимая ко всему сразу и он каждый раз доказывает ее самому себе снова и снова, — кивнул Игорь. В ресторане гремела музыка и ему приходилось напрягать связки.

— Я говорила с ним только о машинах, но этого уже хватило, чтобы понять его. Я подбросила его к собору, он пошел фотографировать и, готова поспорить, он таскался там целый день, выбирая удачные ракурсы.

— Между прочим, он чем-то похож на тебя.

— Это чем же?! — Лада обиделась.

— Сложно объяснить. Такие люди, как он, никогда ничего не планируют, но производят впечатление, что четко идут к заданной цели, хотя ее у них нет. Такое чувство, будто их кто-то ведет. Они все делают спонтанно, но с такой уверенностью, что уже много об этом размышляли и знают как делать правильно.

— Не знаю, как мне это воспринимать: как достоинство или недостаток.

— Не то и не другое. Вряд ли это недостаток, но уж точно не преимущество. Это просто стиль жизни.

— Да, это похоже на меня. Ты не такой. У тебя обдуман каждый шаг. Все твои поступки связывает тонкая логическая цепочка. Более того, ты знаешь мотивы поступков других людей и логически прогнозируешь их ходы. Это неплохо. Но, послушай, как можно так много думать и анализировать?! Это утомительно!

— Раньше все действительно было спланировано. Но с тех пор как я купил Рагнарек, все изменилось. Это такая эмоциональная насыщенность — быть в открытом море. Оно теперь постоянно тянет меня.

— Больше чем я?

— Это совсем другое...

— О, только не говори словами Влада!

Игорь посмотрел на нее задумчиво и глубоко вздохнул.

— Я ненавижу море! Оно эмоционально пустое для меня, — воскликнула Лада, — И перестань говорить про свой Рагнарёк. Я уже имени этого не выношу!

Море гулко билось о край причала и трепетало вздыбленными волнами. Небо, затянутое серой, дождевой пеленой, окрасило его в графит и укоризненно блестело стремительно сокращающейся голубой полосой на западе. Чайки метались над водой, пронзительно крича; вдалеке виднелись темные крылья парящего буреветника. Лада стояла на причале, придерживая рукой волосы, и смотрела вдаль. Игорь с командой только что отплыл на Рагнареке, она подбросила его к порту, до последнего надеясь, что плавание отменят. Хотя не стоило рассчитывать на это — они выходили в море в более ненастную погоду. Девушка не торопилась уходить, как маятник у часов ее гипнотизировали эти ритмичные удары волн и она упорно стояла на пронизывающем ветру, стараясь разглядеть борта уплывшего Рагнарека. Но напрягать зрение было бессмысленно, судно давно скрылось.

«Мы уже три года здесь, а этот город так и не стал для меня родным. Не чувствую, что готова прожить здесь всю жизнь. Может быть мне нужен ребенок? У меня критический возраст — двадцать восемь. Родители только об этом и напоминают, когда звонишь им. Но я не вижу себя матерью. Это странно...», — думала девушка, медленно гуляя по пристани.

Вдалеке от нее на пристани тоже стоял человек и глядел на море. Лада узнала его по высокой, худощавой фигуре. Она подошла. Влад не повернулся к ней.

— Привет. Что ты здесь делаешь? — спросила девушка.

— Пришел попрощаться с морем — сегодня улетаю.

— А, все так просто. А, если откровенней...

— Откровенней: я знал, что ты будешь здесь и хотел увидеть тебя.

— Зачем? — на такую степень откровенности она не рассчитывала и удивленно посмотрела на него.

— Не знаю. Глупо это все, — он замотал головой, — Незачем.

Он развернулся и, даже не взглянув на нее, пошел к выходу в город. Лада осталась на месте, но вслед ему тихо спросила:

— Ты же больше сюда не приедешь?

Влад остановился и обернулся. У него было матово-бледное лицо, но глаза блестели, когда он смотрел на нее.

— Приеду. Скоро приеду.

Их взгляды встретились. Лада внезапно покраснела, а лицо Влада стало еще бледней. Девушка с надрывом отрицательно покачала головой и пошла прочь. Влад догнал ее.

— Я не могу не приехать. Ты же знаешь.

— Мы не должны... — бросила Лада, но не договорила и почти бегом бросилась с пристани.

Она села в машину и откинулась на спинку. Лада полюбила его сразу, но это было странное, незнакомое чувство. Такой любви она еще не знала. Эта новая любовь могла заставить ее радоваться, плакать и злиться одновременно. Лицо этого человека и особенно его глаза будто отпечатались в ее подсознании и никакие другие мысли не могли его стереть. Вспоминая его взгляд, она просыпалась ночью, сжимая в кулак пальцы, которые хотели прикоснуться к его мягким, черным волосам.

Игорь не увидел в ней перемену, он ее почувствовал. В таком сложном человеке, как Лада трудно было сразу определить изменения, она постоянно менялась, как движущаяся вода и за ее переменами нельзя было успеть. Но в этот раз было что-то другое. И Игорь сразу догадался, что изменилось. Возможно, в первый раз за всю их совместную жизнь, он увидел, что ее мозг по-настоящему чем-то занят. Это не было занятие умственного рода, все ее существо принадлежало этим новым мыслям.

Они сидели и ужинали в молчании. Лада смотрела в окно, а Игорь исподтишка наблюдал за ней. Внезапно, он почувствовал, что не может проглотить кусок. Сердце забилось в пустоте. Он понял, что если она захочет уйти, он не сможет удержать ее. Как вода она выскользнет из его рук и он ничего не сделает.

Лада проснулась среди ночи. Она повернулась и увидела, что Игорь лежит и смотрит в темноту. Она положила руку ему на плечо, но он никак не отреагировал. Он любил ее и она сильно любила его, но это новое чувство, как вирус разрушало ее. Она не знала средств спасения, ее голова была затуманена, в ней не появлялось никаких мыслей и реакций на

окружающую среду. Лада понимала — конец неизбежен.

Игорь общался с ней как раньше — нежно, заботливо. Но они стали меньше прикасаться друг к другу и он как будто отстранился от нее. Иногда она полночи лежала в кровати в одиночестве, а он приходил под утро, досмотрев на кухне какой-нибудь фильм. Он вставал, когда она еще спала, и возвращался, когда она уже дремала на диване.

Игорь старался сдерживаться, ему было тяжело. Но он не мог говорить с ней об этом. Не мог начать такой разговор, не мог думать о выводах. В этот раз, он ничего не мог планировать. Он решил терпеть и ждать.

Лада видела, что его терзают эти мысли, но была не в состоянии как-нибудь облегчить его боль. Какое-то наркотическое полузабытьё не отпускало ее, не давало сконцентрироваться и она жила, просто трепыхаясь, как бабочка на лобовом стекле автомобиля.

Так прошла неделя и Игорь снова отправился в плавание. Лада вздохнула свободней — его присутствие было для нее молчаливым укором.

В то утро, проснувшись, она почувствовала себя необыкновенно посвежевшей и решила немного прибраться в квартире. Девушка убрала волосы под косынку и, распахнув настежь окна, стала протирать стекло.

Внезапно, в дверь постучали. Лада вытерла руки и подошла открыть. На пороге стоял Влад. Когда она открыла дверь, он даже не пошевелился и продолжал смотреть в пол.

— Как ты узнал, где я живу? — воскликнула Лада в замешательстве.

— Я спросил в порту адрес твоего мужа.

— И что дальше?

— Я же говорил, что приеду.

Лада посторонилась и хотела пропустить его в квартиру, но он отрицательно покачал головой и остался на пороге.

— Я вижу не вовремя. Вот номер моего телефона, я остановился в той же гостинице, если захочешь как-нибудь поговорить...

Он запнулся и, не найдя слов, кивнул ей и пошел к лестнице. Лада закрыла дверь и посмотрела на карточку, которую он ей дал, но ничего не увидела — цифры расплывались перед глазами. Она метнулась к двери и выскочила на площадку.

— Влад!

Он поднялся и остановился на несколько ступенек ниже ее.

— Хватит двусмысленностей, — громко сказала она, глядя на него в упор, — Зачем ты здесь? Зачем приехал? Скажи все сейчас или не говори никогда!

— Я люблю тебя, — он первый отвернулся, не выдержав ее взгляда.

Лада села на ступеньку и оперлась на руки, сложенные на коленях.

— Что мы теперь будем делать? — спросила она.

— Если хочешь я могу помочь тебе убраться, — внезапно, предложил он.

Лада засмеялась. Ее лицо засветилось и покрылось собственным ей лиловым румянцем. Но глаза не блестели от оживления, в них было что-то другое. Влад никак не мог точно определить, что было в ее взгляде, ему хотелось глядеть в этот черный омут и в то же время он боялся, что это путь без возврата.

— Пойдем я тебе кофе налью, — Лада поднялась.

Локки, почесывающийся о дверной косяк, с шипением отскочил, когда Лада открыла дверь. Влад вошел за ней.

— Ну как, не очень-то живет жена моряка? — спросила Лада, проводив его на кухню, — Это теперь так. Ты бы видел квартиру, которая у нас была до этой: сто пятьдесят квадратных метров, розовые стены, дубовый паркет.

— Что послужило причиной к смене?

— Я.

Влад удивленно посмотрел на нее.

— Я продала ту, купила эту, а разницу отправила в благотворительный фонд.

— Полагаю, разница как раз составляла рыночную стоимость твоего авто...

— Я понимаю куда ты клонишь, но от комментариев воздержусь.

Влад незаметно усмехнулся и взял предложенную чашку с кофе.

— Это правильная позиция — тем, что ты любишь надо дорожить.

Лада хотела продолжить полировать оконное стекло и уже потянулась за губкой, но потом как-то нерешительно уронила ее на подоконник и долго, задумчиво посмотрела на Влада.

Солнце приятно грело лицо и трепетало на кончиках ресниц. Лада открыла глаза и обвела взглядом комнату. После ответов на первые сонные вопросы типа: «кто я?» и «где я?», она улыбнулась и подумала, что у нее совсем не болит голова от шампанского, которое они пили вчера в ресторане. Яркие лучи солнца светлыми бликами лежали на постели. Внезапно, ей в глаза сверкнуло что-то блестящее. Она уставилась на руку Влада, не укрытую одеялом. На безымянном пальце переливалось тонкое обручальное кольцо. Девушка почувствовала, как все похолодело внутри, но она вздрогнула и стряхнула это ощущение. Она привстала и, обхватив голову руками, стала неподвижно смотреть на этот символ супружеского счастья.

— Ты — подлый кобель, — громко произнесла она.

Влад проснулся и приподнялся на локте. Он проследил ее взгляд и тоже уставился на свое кольцо так, как будто видел его впервые. В эту минуту с взлохмаченными волосами и небритым подбородком, он был слишком, по-дерзки, привлекателен, что не соответствовало тяжести всей ситуации, хотя от него не зависело.

— Это ты мягко сказала. У меня помимо жены еще есть дочь шести лет.

Лада почувствовала, что ее голова так потяжелела, что она не может удержать ее руками. Но, по крайней мере, в этой ситуации она виновата не меньше его, так как сразу не заметила у это кольцо. Влад, похоже, не собирался скрывать свой семейный статус.

— Да, ты прав. Ты — подлая сволочь! Мерзкая скотина!

— Лада, как бы нелепо это не звучало в данный момент, но я хочу жениться на тебе.

Она с ужасом посмотрела на него и закрыла лицо руками.

— Это самый подходящий момент для такого объявления. Лучше молчи, не вызывай во мне больше презрения к себе.

— Я уже все решил и решения не изменю — хочу, чтобы ты стала моей женой.

— У тебя есть жена и ребенок!

— Я даже если и останусь с ними, то мои мысли будут с тобой. Это еще тяжелее, чем развод.

— Ты вообще соображаешь о чем говоришь?! Как ты это представляешь?!

— Послушай, мне все равно Калининград или Москва. Я буду там, где ты.

— Знаешь, придя сюда вчера после ресторана, я предполагала, что мы будем с тобой вместе эти несколько дней, пока ты здесь, а потом ты уедешь и через день мы забудем о существовании друг друга.

Влад пристально посмотрел на нее, в его лице что-то дрогнуло, как будто свело мышцу и он зажмурился, как от головокружения.

— Я приехал не ради нескольких дней...

В это фразе не прозвучало лицемерия, это ее удивило. Она не могла поверить, что в такой острый момент он способен говорить честно и быть откровенным.

Лада не стала больше ни о чем спорить. Она собралась и, не прощаясь, ушла. Влад тоже молчал, сидя на диване и уткнувшись лицом в ладони.

Крупные дождевые капли текли вверх по покатоному лобовому стеклу. Лада ехала на Куршскую косу поразмышлять среди дюн и сосен. Она не стала заезжать домой и, выйдя из гостиницы, сразу поехала прочь из города.

Найдя подходящий съезд, она оставила машину у обочины и пошла пешком. Дождь лил монотонно. Серое небо было непроницаемо, не предвещая улучшение погоды. Лада вышла из леса и остановилась на вершине дюны, которая спускалась вниз, становясь пляжем с белым, бархатным песком. Море бесилось, расплескивая волны и гудя тяжелым прибоем. В этот раз оно было темно-бирюзовое и преображалось в салативо-серый оттенок только на гребнях волн; его поверхность струилась и двигалась, разозленная штормовым ветром. Лада присела на ствол поваленного дерева и ее долгий, изучающий взгляд замер где-то вдали у горизонта.

— Я тебя не люблю, но пришла именно к тебе, — тихо сказала она, разглядывая поверхность моря.

«Как случилось, что все стало таким запутанным и сложным? Что мне теперь делать? Наши отношения с Игорем уже не будут прежними — он обо всем догадался, он что-то предчувствует. Он ждет, когда я начну разговор и объясню, что происходит. Но я сама не знаю, что происходит! И я не могу, не могу сказать ему ни слова. У меня горло пересыхает, когда я собираюсь рассказать ему об этих отношениях с Владом. Собственно, зачем мне говорить? Он итак все понял. Умение анализировать всегда помогало ему в жизни. И мне импонирует эта его черта. Игорь так не похож на меня. Влад напротив. Я ругала его, но ведь я сама виновата больше чем он! Почему я раньше не заметила этого кольца? Хотя многое ли это изменило бы? Он приехал и я не могла отказаться от встречи с ним. Я не могу не видеть его хотя бы эти несколько дней. А что потом? Пусть будет, что будет. Я часто использовала это правило в жизни. Использую и теперь. Слишком все сложно и не в моих силах бороться с обстоятельствами».

Капли дождя струились по ее лицу и стекали с мокрых волос. Она убрала прилипшие ко лбу локоны и закуталась в свою куртку. Сосновый лес позади нее шумел, раскачивающиеся ветром высокие деревья создавали вибрацию в воздухе и издавали тонкий аромат смолы.

Лада села в машину. На коврик под ногами сразу собралась лужа и ее легкие летние кроссовки увязли в этой воде. Она прошипела пару резких словосочетаний и завела мотор. Развернувшись на узком полотне двухполосной дороги, Мерседес рванул обратно в город.

Лада медленно поднялась по лестнице на свой этаж, оставляя после себя лужи на ступеньках, и на площадке столкнулась с Владом, который сидел подпирая спиной дверь. Она улыбнулась и ее серое, уставшее лицо снова приобрело оливковый оттенок, излучающий

5

Вдали уже показался порт и моряки готовились причаливать. Игорь стоял на палубе и курил. Находясь в море он мало думал об отношениях с Ладой, но теперь, чувствуя, что приближение встречи с ней неизбежно, тягостное ощущение начало усугубляться. Он любил ее. Может быть, даже сильнее, чем прежде. Он не отрицал, что вначале полюбил ее в основном из-за эффектной внешности и был готов мириться с диаметральной разницей их взглядов на мир. Но со временем все то, в чем она была полной противоположностью, начало привлекать его и, проникая в этот темный мир ее эмоций, он полюбил свою жену еще сильнее. Игорь сразу заметил насколько Влад похож на нее характером и, скрепя сердце, со страхом признавался самому себе, что они идеально подходят друг другу. Он сам никогда не мог бы быть так душевно близок с Ладой, как невзначай случилось с этим заезжим журналистом.

Игорь тяготился двойственностью своего желания: он хотел, чтобы ситуация разрешилась как можно скорее, но в то же время боялся этого и готов был оттягивать этот момент насколько хватит сил. Он боялся узнать, что ждет его дома; боялся увидеть Ладу и по ее глазам прочитать свой приговор; боялся переступить порог и опять ощутить чувство гнетущий безысходности.

Игорь не стал торопиться домой. После отгрузки рыбы, он остался на пристани и долго стоял, глядя на море. Заметив, что он не спешит к машине, Алексей позвал его в бар, куда он иногда ходил с другими рыболовами после удачного рейса.

Приглушенный свет и громкая музыка не расслабили напряженных нервов и Игорь, игнорируя коктейли, заказывал сначала коньяк, а потом переключился на водку. Последние посетители начинали расходиться, а Игорь сидел, полулежа на барной стойке, и качал в руках пустой стакан, ожидая пока бармен принесет очередную бутылку.

— Дома проблемы? — наконец, решился спросить Алексей.

— Проблемы, — переспросил Игорь, — Любые проблемы можно решить, а эта ситуация безвыходная.

Он выхватил у бармена из рук бутылку абсента, отодвинул стакан предложенной газировки и налил себе полный бокал, как будто это было легкое вино.

— Понимаешь, жена влюбилась в одного парня. Он — нормальный, хороший человек. Можно сказать, мужской прототип ее самой. Они очень похожи. Все осложняется тем, что за проведенные вместе годы, я сам полюбил ее еще больше.

— Что собираешься делать?

— А что я могу сделать? Я чувствую себя слишком скверно, чтобы пытаться что-то изменить.

Игорь залпом выпил свою порцию абсента и тяжело выдохнул.

Около трех часов ночи Лада услышала шорохи у входной двери: Игорь безуспешно пытался попасть ключом в замочную скважину. У него ничего не вышло и он постучал. Девушка, которая полночи просидела на кухне, ожидая его, встrepенулась и подбежала к двери. Игорь прошел, придерживаясь рукой за стену. В таком состоянии она его еще не видела. Раньше он мог выпить много, но при этом выглядел как будто вообще не пил. В этот раз весь его вид выдавал разбитость после обильного количества выпивки: он осунулся и

выглядел мрачно. Игорь кинул на тумбочку ключи от машины и вопросительно посмотрел на нее. Лада в ответ испуганно взглянула на него: он никогда не садился за руль даже после рюмки коньяка, а теперь... Она подхватила его прежде, чем он собрался упасть у порога, и повела в зал. Игорь пошел с ней безропотно, с усилием придерживаясь рукой за попадающиеся предметы. Лада уложила его на кровать, а сама пошла спать на кухню, там на диване в последнее время спал он сам.

Игорь проснулся поздно. Он встал и, покачиваясь, подошел к окну. Полуденное солнце уже заливало крыши припаркованных у дома машин. Он прошел на кухню и понял, что Лады нет дома. Игорь удивился тому, что эта новость его не удивила. Но чем больше он думал о жене, тем больше в нем просыпалось раздражение. Он сел за стол и стал придумывать слова, которые скажет ей как только она появится. Время шло, девушка не возвращалась. Чтобы немного остыть, Игорь достал бутылку коньяка и выпил пару рюмок. Но это еще больше озлобило его. Он резко встал и зашел в зал. Там огляделся — ее любимая чертова черная мебель. Первым ему под руку попался стол со стеклянной столешницей. Он перебил его одним ударом и тяжелая конструкция, треснув, повалилась на подкошенных ногах. Игорь смахнул капли крови с руки и направился к комоду. Под конец, он добрался до кровати и выломал спинку, так что матрас рухнул на пол. Он немного успокоился только когда увидел Локки, забившегося в угол и наблюдающего за ним из-за занавески своими большими, задумчивыми глазами.

Игорь стоял посреди комнаты, в которой, благодаря ему не осталось ни одного целого предмета, и озирался, у него кружилась голова. Чтобы унять это головокружение, он уперся рукой в стену и простоял так несколько секунд с закрытыми глазами, затем устало присел на корточки и позвал кота к себе. Локки осторожно подошел и стал тереться ушастью головой об его колено. Игорь взял его на руки и прижал к себе.

— Тебя она тоже бросила? — тихо сказал он и зарылся лицом в его шерсть.

Лада и Влад гуляли по набережной Зеленогорска. Девушка была задумчивой и молчаливой. Влад, наоборот, производил впечатление человека уверенного в своих действиях. Он постоянно улыбался тихой, осторожной улыбкой. В этот день небо для него было безоблачным. Лада не разделяла его настроения. Она периодически посматривала на его обручальное кольцо, желая удостовериться, что оно действительно там есть. И в тот момент, когда он обнял ее за талию и захотел поцеловать в шею, она не смогла сдержаться и опять взглянула на его руку, как будто в этот момент кольцо должно было испариться.

— Тебе кольцо палец не жжет? — с усмешкой спросила она.

Влад снял кольцо с пальца и резким движением кинул в море.

Взгляд Лады застыл на том месте, где еще не успели исчезнуть круги на воде. Внезапно, она поняла насколько он серьезен.

— Все-таки ты хочешь вернуться в Москву? — спросил Влад.

— Да. Если наступает новый этап в моей жизни, то я хочу вернуться. Калининград навсегда будет связан с Игорем.

— Я уеду в Москву, все устрою и через неделю приеду за тобой.

Лада кивнула. Она, внезапно, подумала, что если он не приедет, она будет благодарна ему.

Лада вернулась домой вечером. Игорь сидел на кухне с Локки свернувшимся у него на коленях и пил коньяк. Девушка встала рядом со столом и придержала рукой бутылку, когда муж потянулся за ней.

— Не стоит. Тебе завтра в плавание.

— Лада, ты же знаешь, я не могу.

Он осторожно вытянул горлышко бутылки из ее руки и наполнил свою рюмку. Лада отвернулась от него и посмотрела в окно, сильно приподняв голову. В глазах появилась резь и она хотела чтобы эта горечь отхлынула обратно.

Игорь уехал на работу рано утром, когда Лада еще спала. И теперь, стоя на палубе и готовясь к отплытию, он вспоминал ее лицо, когда зашел взглянуть на нее перед уходом. Она была бледной и выглядела утомленной даже во сне.

Рагнарек медленно отчалил, набирая ход. Внезапно, кто-то из моряков крикнул, чтобы он вышел на палубу. Игорь бросился наружу. На пристани стояла Лада. Она была одета по-домашнему — в шорты и футболку, но накинула спортивную куртку, чтобы не замерзнуть ранним утром. Заметив мужа, она слабо махнула ему. Игорь вцепился в борта судна и пристально смотрел на нее. Так они стояли пока не исчезли друг у друга из вида.

Ее появление на пристани одновременно разозлило и огорчило его. Увидев море и поднявшись на судно этим утром, он немного успокоился и перестал анализировать события последних дней и отношения с женой, злость и раздражение сменились апатией. Но ее задумчивый, грустный взгляд вывел его из равновесия и вся эта сложная ситуация заиграла в его мозгу новыми красками. Ему стало обидно от осознания того, что несмотря на неотвратимость исхода их отношений, она любила его и сама переживала и страдала от происходящего. Но ситуация была неразрешима для них обоих.

Игорь облокотился о борт и посмотрел вперед, на курс которым шло судно. Море серебрилось под прозрачным ясно-голубым небом и в этот летний день казалось символом спокойствия. Легкий теплый ветер не разбавлял удушливого воздуха и зноя. Игорь не любил такую погоду: море было слишком спокойным, волны слишком мягкими, а солнце бесхитростно ярким. Он по опыту знал, как много лиц имеет море и как быстро они меняются в одно мгновение. На смену безоблачному дню пришла звездная ночь, внезапно смешав границы стихий и заполнив все пространство мерцающими алмазами.

Предчувствия не обманули Игоря: эта видимая безмятежность должна была закончиться шквалом. Утром опустился густой туман. Стоя на корме, моряки не видели передней части судна, а об открытом море напоминали только слабые всплески за бортом.

— Навигация сбилась, показывает разные координаты. В общем, мы сошли с курса и неясно куда нас несет, — сообщил Игорю механик.

Моряки собрались возле капитана, ожидая указаний. Игорь молча закурил. Море ласково покачивало и убаюкивало судно словно это была люлька с младенцем.

— Первым делом, надо попытаться связаться с другими суднами, которые в радиусе пятидесяти километров от нас, запросить координаты и начать ремонт навигационной системы.

Весь день ушел на выполнение поставленных задач. Но выяснить местонахождение судна так и не удалось: не было связи с другими судами, а навигационная система не могла войти в контакт со спутником. Игорь разложил на столе в рубке бумажные карты и с каждым прошедшим часом отмечал новый радиус — диапазон их возможного перемещения.

Подобных ситуаций в его практике еще не было.

Наступившая ночь была похожа на серые сумерки: судно медленно дрейфовало в неизвестных водах.

Утро не принесло изменений. Туман продолжал клубиться за бортом и нос Рагнарека упирался в эту светло-серую дымку, бесцельно следуя слабым течениям. Игорь стоял на корме и размышлял насколько у них хватит продовольствия, если этот незапланированный дрейф продолжится неделю. Но он так и не смог подсчитать, мысли путались и перед глазами постоянно всплывало лицо Лады. Игорь глубоко вздохнул и направился в каюту поговорить с командой.

Вечером налетел порывистый ветер, в одно мгновение унес молочную пелену и открыл их взглядам шокирующую картину. Они увидели приближающийся шторм. С горизонта на небо надвигались плотные темно-синие тучи, которые сталкивались и трещали разрядами молний. Море трепетало и безумствовало, волны брызгали соленой водой, взвивались в пропитанный влагой воздух. Борту судна закричали от беспощадного натиска, палуба стойко гудела под ритмичными ударами хлеставших ее волн. Рагнарек, как игрушечный волчок, крутился в вихрях этой стихии, предоставленный обезумевшим течениям и взбесившемуся ветру. Судно было маленьким листком подхваченным ветром, который играя то поднимал его крутя ввысь, то обрушивал вниз или отпускал парить.

— Скалы! Скалы! Справа по борту, капитан, — прокричал Алексей, врываясь на капитанский мостик.

Прожекторы судна осветили группу утесов, внезапно появившихся над водой. Игорь мгновение упорно смотрел вперед, оценивая ситуацию, а затем бросился обратно. Волны пенились у подножия утесов и откатывали, извиваясь и струясь. Утесы возникали то справа то слева, заставляя команду перебегать с одного борта на другой. Если Рагнарек боком налетит на скалы, то судно разлетится в щепки.

— Нас несет прямо на скалы, — выкрикнул Алексей.

Игорь вцепился в штурвал и смотрел вперед, туда куда устремлялся нос Рагнарека. Судно несло к маленькому проходу между двух утесов. Поняв его намерения, моряки испуганно переглянулись. Они столпились в каюте и обессилено держались друг за друга, пытаясь устоять на ногах. Отхлынувшие волны подняли Рагнарек и оттолкнули от скал назад. На секунду судно будто повисло в воздухе и затем новая волна подхватила его и понесла на утесы. Скалистые глыбы нависли над шхуной и, казалось, они сами качаются на шальных волнах. Игорь не видел утесы, он смотрел вперед в маленький проход, за которым бесилось море. Рагнарек трепыхался, как мотылек в объятиях волны, обшивка жалобно скрипела, повторяя вой ветра. Бурлящая вода окатила скалы, а шхуна проскользнула в узкий проход и вырвалась в открытое море. Утесы остались позади.

Это было безумное напряжение. Ночью, когда шторм стих, никто не спал. Моряки строили догадки что бы было, если бы судно потянуло в какую-нибудь сторону в момент прохождения между утесами. Игорь молча пил кофе и слушал их. Он думал о другом.

Утром, ко всеобщему удивлению, выяснилось, что навигационная система восстановилась, и они направились в родной порт. После пережитого шторма морякам хотелось быстрее ощутить под ногами твердую землю. Приближаясь к дому, Игорь почувствовал, как сильно он хочет увидеть Ладю, рассказать о случившемся, тихо поговорить прижавшись щекой к ее лбу, услышать ее слова, знать, что она переживала, что также была взволнована. Игорь слабо улыбнулся, он хочет просто видеть ее, ощущать рядом...

Лада сидела за столом перед чистым листом бумаги. Рано утром звонил Влад. Он вылетал из Москвы в Калининград и напомнил начать собирать вещи. Лада удивилась тому, что он смог все уладить за три дня. Она не знала, что сидя в самолете и вспоминая последние дни, он чувствовал себя как нашкодивший щенок. Он так и не поговорил, не встретился с женой, предоставив брату просто поставить ее в известность. Лада сама чувствовала себя скверно. Влад давно убеждал ее поговорить с Игорем, даже хотел сам это сделать. Но Лада все откладывала... И теперь надеялась только на это последнее письмо, слова которого не лезли ей в голову.

Влад подъехал к ее дому на машине, взятой напрокат в аэропорту. Этим вечером они должны были вылететь в Москву. Лада оставила письмо для Игоря на столе и рядом положила ключи от своего автомобиля. Укладывая вещи в багажник арендованной машины, она оглянулась на Мерседес и ее поразила мысль насколько несуразно он смотрится здесь, на фоне облезлой стены дома, запертый среди ржавых старых машин. Как ни странно, в этот момент у нее совершенно не было других мыслей. Таких, какие обычно приходят в подобных случаях. Она даже не оглянулась, когда Влад резко отъехал от подъезда.

Они ехали довольно быстро, но в плотном потоке. Ее не покидало ощущение, что это какое-то лихорадочное бегство. Оглянувшись назад, Лада издали заметила серебристый автомобиль, который резко обгонял передние машины и динамично проскальзывал перед встречными. Она уже заранее узнала его. Мерседес поравнялся с ними и некоторое время ехал параллельно по встречной полосе, затем оторвался и резко съехал на обочину. Влад остановился рядом. Он посмотрел на Ладу, догадываясь обо всем, и она молча кивнула. Игорь вылез из машины и быстро подошел к ним. Он был взбешен. Лада никогда не видела его в таком состоянии. И сейчас, впервые узнав каким еще он может быть, она почувствовала слабость и сильное желание прижаться к нему и поцеловать его. Влад был спокоен, но за этим состоянием скрывался страх... страх того, что она может сесть в подъехавший Мерседес. Он сделал шаг вперед, не зная как можно это предотвратить, но Игорь с размаха ударил его в челюсть. Влад отскочил к дверце и еле смог удержаться, схватившись за крышу машины. Игорь приподнял его одной рукой за ворот рубашки и пристально посмотрел ему в глаза. Было заметно, что Владу стыдно за эту ситуацию. Он прятал глаза и молчал. Игорь обреченно покачал головой, отпуская его, и обернулся к Ладе. Девушка стояла возле машины и тихо наблюдала за всей сценой. Игорь вытащил из кармана брюк ее письмо, скомкал его в кулаке и кинул ей.

— Трусливая сучка! Это по-твоему все, чего я достоин после четырех лет, которые мы были вместе?! — его голос срывался.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и пошел к машине. Затормозив оба потока, Мерседес резко отъехал от обочины и умчался прочь. Лада вытащила из аптечки влажные салфетки и села рядом с Владом.

— Тебе еще повезло. Он одним ударом мог тебя вообще в кому отправить.

— Есть за что, — чуть слышно процедил Влад, сквозь разбитые губы.

Лада задумчиво посмотрела вслед уехавшему Мерседесу — назад дороги нет. И внезапно, от этой мысли она ощутила такую легкость, что сначала ей захотелось танцевать. Но в то же время, вместе с новым ощущением появилась черная пустота, которая будто сжала тисками ее сердце и она понимала, что это уже навсегда. Она посмотрела на Влада — он улыбался, хотя был эмоционально опустошен. Лада подумала, что никогда ничего не хотела

так сильно в своей жизни, как быть с ним.

ЧАСТЬ 2

СЛЕДЫ КОЛЕС НА АСФАЛЬТЕ

1

Влад долго пытался открыть замок, заходя то с одной то с другой стороны двери. В подъезде на их площадке горела всего одна лампочка и этот скудный свет ничего не мог прояснить. Лада стояла молча, прислонясь плечом к стене. Было далеко за полночь, она слишком устала; прошедший день был одним из самых сложных в умственном восприятии и просто физически утомительным из тех, что она помнила за всю жизнь. Она порвала с прошлым и ничего не знала о будущем, но сейчас она ни о чем не хотела думать, кроме легкого ужина и сна.

— Да, я сглупил. Надо было поэкспериментировать с этим замком. Брат недавно поменял его и сам еще не привык к новым ключам, — Влад устало запрокинул голову, сжимая и разжимая уставшие пальцы.

— Он сам где будет ночевать?

— У родителей на даче. Его квартира теперь наша как минимум до осени. Зимой ему будет тяжело добираться оттуда до работы.

— А мы куда денемся? — Лада почувствовала себя обездоленной.

— Будем снимать квартиру. Не переживай, все устроится.

— Ты говорил, что ты все устроишь, а теперь так безлично «все устроится»!

Влад, наконец, открыл дверь и распахнул ее перед своей любовницей. Лада вошла первой, включила свет и огляделась: это была маленькая уютная квартира, состоящая из двух комнат — кухни и кабинета. Девушка глубоко вздохнула и прошла по комнатам. Здесь было все чужое: некрасивая мебель цвета светлого дерева, назойливые обои с цветами, бледные занавески; стол в кабинете был завален какими-то личными документами, кухня блестела такой чистотой, как будто в ней никогда не готовили; здесь был даже запах чужой — дикая смесь остропахнущего чистящего средства и пыли. Переступая порог, Лада рассчитывала тут же лечь спать, но теперь желание хорошего отдыха испарилось, как будто это уже было утро следующего дня. Девушка поставила варить кофе, покопалась в шкафах и холодильнике и, посчитав, что из предложенного набора продуктов, самым оптимальным вариантом будет сделать пиццу, принялась раскатывать тесто.

— Ну что, давай рассказывай мне все, — крикнула она Владу, который устало раскладывал их вещи в коридоре.

— О чем?

— О себе. Что я о тебе знаю? Ничего, кроме того, что ты характером похож на меня. Начни с того, что мы теперь будем делать?

— Я попросил Олега узнать какие нужны документы для развода и собираюсь заниматься этим процессом в ближайшие дни.

— Как я понимаю, жена согласна дать тебе развод?

Влад задумался и его молчание насторожило Ладу.

— Она не может поступить иначе. Чтобы это понять, надо знать историю наших отношений.

— Я готова послушать. Кофе вскипел. Присаживайся, поговорим.

Влад задумчиво уткнулся лбом в сложенные руки.

— В общем, мне было двадцать пять. Я работал журналистом в газете. В издательство устроилась семнадцатилетняя девчушка, она училась в техникуме и снимала жилье. Я был на последнем курсе института, получал второе высшее образование — факультет журналистики.

— А первое?

— Московский государственный университет геодезии и картографии. Факультет геодезии. Узнав, что я учусь, она просила помочь поступить в институт. Я, конечно, откровенно пытался ей помочь, но у нее ничего не вышло. А отношения завязались тесные. Мы поженились. Через три года родилась Машенька. Мы жили в моей квартире. Я ее им оставляю, а мы с тобой найдем что-нибудь новое.

— На эту вашу квартиру я и не претендую. Более того, я бы еще подумала: с кем я связалась, если бы ты выселил оттуда жену и дочь. А тебе не жалко их бросать?

Влад мрачно посмотрел на нее.

— Дочь мне жалко. Но я ее не оставлю, всегда буду ей помогать. А от отношений с женой уже давно не осталось никаких чувств.

Ладу разбудил звонок в дверь. Она вскочила с дивана и, на ходу удивляясь как Влад может не слышать это дребезжание, подошла к двери, мельком глянув на часы — было около половины первого. На пороге стоял парень. Он покраснел и неловко потоптался на коврике в прихожей, когда девушка впустила его.

— Лада? — тихо спросил он.

— Олег? — ответила девушка.

Олег выглядел старше своего брата, хотя был на пять лет моложе. Он был немного ниже его ростом и более плотного телосложения. В крупных чертах его лица едва угадывалась внешняя привлекательность брата. У него было скуластое лицо с большим прямым носом, близко посаженные серые глаза и густые каштановые волосы, которые он то ли периодически отрачивал то ли забывал стричь, так что они были похожи на меховую шапку.

— Ну, как вам здесь? — спросил он, смущаясь и не глядя в сторону Лады.

— Ко всему можно привыкнуть. Спасибо, что приютили, — ответила девушка.

— Привет, брат, — Влад, потягиваясь, вышел из комнаты, — Рассказывай все сразу.

Олег вопросительно взглянул на него и перевел взгляд на Ладу. Влад молча кивнул и в этот момент девушка почувствовала, что она принадлежит ему или точнее, что он стал ее неотъемлемой частью и она каким-то странным образом теперь несет ответственность и за него и за принятые ими совместно решения.

— В общем, я позавчера был у Ирины (это его жена, если он не говорил), — Олег уточнил для Лады, — Она не собирается соглашаться на развод. И хотя это не было для нее новостью, видимо она уже о чем-то догадывалась, она была сильно расстроена.

Влад и Лада переглянулись. Девушка выглядела настороженно и Влад понял ее опасения.

— Она уже не та глупая девчушка, которой была девять лет назад. Москва ее многому научила. Ты же сам знаешь. В общем, придется повоевать, — добавил Олег.

— Я не рассчитывал на войну. Неужели она не хочет решить все по-дружески?

— Тебе придется ехать и самому разговаривать с ней.

— Чем раньше, тем лучше, — кивнула Лада.

Она видела, что Влад боится, что ему неприятны все эти обязательства, но ничем не могла ему помочь. Напротив, она про себя решила, что он должен иметь достаточно мужества, чтобы справиться с трудностями. Он нехотя собрался, раздражая своей медлительностью, и они с Олегом уехали. Лада осталась одна в чужой квартире. Ее саму ожидало небольшое затруднение: она должна была позвонить родителям и сообщить, что снова в Москве; нехорошо, если они узнают обо всем от бывшего мужа. Она не стала откладывать и позвонила сразу, как увидела из окна, что машина Олега отъехала.

Вечером пошел дождь. Деревья под окном шумели, перебивая гулкий стук дождевых капель. Она долго стояла у окна, наблюдая за грозой, потом сварила себе кофе и с чашкой вышла на балкон. Стемнело. Слабый луч фонаря мерцал у подъезда. Лада старалась не думать, о том почему Влад так долго. Она знала: у нее нет обратного пути и лишние тревоги не прояснят ситуацию. Но ее томило беспокойство и чем глубже становилась ночь, тем глубже оно проникало в мозг.

В дверь позвонили и она с замиранием сердца пошла открывать. Но на пороге стоял Олег с пакетом продуктов из супермаркета.

— Там... э... холодильник совсем пустой. Я вам кое-что принес. Вряд ли вы бы пошли искать какой-нибудь магазин... с дороги... да еще гроза, — сказал он, все так же глядя куда-то мимо нее.

— Спасибо, это... это заботливо, — растерялась Лада, — Проходите. Я сейчас что-нибудь быстро сготовлю.

— Да я помчусь, наверно.

— Торопитесь куда-то? Составьте мне компанию. Пока вы доедете до дачи уже будет поздно, поужинаете здесь.

Олег улыбнулся и кивнул. Лада хорошо готовила, хотя делала это редко, по настроению, которое чаще всего не способствовало долгому нахождению у плиты — все, что относилось к быту, тяготило ее, даже кухня. Но в этот раз она позволила себе погрузиться в процесс и через час на столе уже дымилось куриное рагу, а яблочный пирог томился в ожидании своего часа. Сядясь ужинать, Олег подумал, что раньше в этой квартире никогда не возникал запах, вызывающий чувство сильного голода, даже если ты только что поел.

— Олег, давай откровенно, я понимаю, что тебе не нравится вся эта ситуация. Поэтому, скорее всего, было бы лучше, если бы Влад остался с женой и ребенком, а я вообще не возникала в его жизни. Ведь так? — спросила Лада прямо.

Олег отрицательно покачал головой.

— Тебе надо было присутствовать девять лет назад, когда я с пеной у рта отговаривал его жениться. Но теперь... Да, теперь ситуация совсем осложнилась. Очень жалко Машку. Я сам к ней привязался, наши родители в ней души не чают. Но, если здраво рассудить, если он расстанется с ними и останется с тобой — будут несчастными двое: жена и ребенок, если он расстанется с тобой и станет жить, как жил — будут несчастными все. И даже Машка. Он любит ее, но он человек настроения. Если ему тяжело, он никогда не будет делать видимости, что ему весело. Он не сможет смириться.

— А почему ты отговаривал его жениться?

— Он очень поздно повзрослел. Если вообще повзрослел. Живет в каком-то иллюзорном мире. Сразу было видно, что она ему не подходит. У нее развита материальная нацеленность. Она никогда не могла понять его. Никакого отклика на его эмоции и

поступки. Он — человек очень сложный. Если кто-то с ним рядом, то он должен проникнуть в его душу полностью. Кроме того, был этот случай... Он не рассказывал?

— Он, в принципе, как-то не очень распространялся.

— Не обижайся, — Олег рассмеялся, — Ему просто стыдно, что он сваял дурака. В общем, через полгода после рождения дочери, она уехала к своему бывшему парню в Рязань. Влад остался с ребенком на руках. Он целый год не мог от нее ничего добиться — то ли развод, то ли нет. Потом она вернулась. Как ни странно, на Влада это не сильно повлияло. Я понимал, что он уже тогда любил только ребенка, а не ее. Если он вообще когда-то ее любил. Потом такие странные отношения продолжались еще лет пять. Она все куда-то уезжала, затем возвращалась. Странно, что он не нашел себе другую. Ему было жалко ребенка. Но, вдруг, она решила окончательно вернуться в семью и осталась с ним и дочерью. Мне кажется, Владу всегда было все равно где она. Но общий ребенок заставлял его смириться.

— Поэтому он рассчитывал, что она легко даст ему развод?

— Наверно. Хотя это его домыслы. Я бы на его месте не гадал.

— Да, не всегда можно спрогнозировать как сам поступишь, а как другой человек...

— А твой муж легко согласится на развод?

— Понимаешь, если он не даст мне развод — это значит я по-прежнему его жена, а он очень гордый. Вряд ли он теперь все еще хочет видеть меня своей женой.

Олег задумчиво кивнул.

— Ты, видно, сильно любила его...

— И сейчас люблю, — она выдержала удивленный взгляд Олега, — Но Влад... Моего бывшего мужа я любила, как мужчину. Влада я люблю, как человека.

— Когда он в первый раз вернулся из Калининграда, я сразу понял, с ним что-то случилось. Он выглядит иногда не совсем адекватно, но в тот раз с ним даже нельзя было нормально поговорить. Было видно: произошло что-то очень серьезное. Он до тебя никого так не любил, — Олег покраснел, ему было трудно продолжать этот разговор, — Я просто... понимаешь, почему я это говорю... он... в общем, если ты его бросишь, я не знаю... он не выдержит, сорвется...

— Олег, я вернулась в Москву, чтобы быть с ним.

Олег уехал около одиннадцати и Лада опять осталась одна. Тревожные мысли, против ее воли, начали усиливать чувство гнетущего ожидания. Влад не вернулся к полуночи и девушка предположила, что он остался ночевать дома. Она сидела за столом на кухне, уставившись в одну точку — на дно пустой чашки, уголки ее рта нервно подрагивали и она внутренне смеялась над собой: он остался дома — это звучало так обычно...

Влад приехал к часу ночи. Он устало сел на стул в прихожей и сжал голову руками. Лада почувствовала, как сердце съежилось и замерло.

— Ну что? — спросила она.

— Придется повоевать, как и говорил Олег. Пытался поговорить с ней спокойно и разумно, но она ничего не слышит. Завтра отвезу Машку к родителям, она согласна, чтобы дочь побыла с ними, а сам что-нибудь придумаю. Противно конечно, но я даже пытался ее обольстить этой квартирой, которая им останется. Двухкомнатная, Пресненский район: по моему, хороший вариант. Я купил ее после того, как мы разменяли родительскую трехкомнатную. Там совсем рядом хорошая школа, сквер, магазины. Она ведь понимает, что я не останусь с ней! Так для чего все эти мучения?!

— Влад, ничего не дается просто так, — она села рядом с ним на корточки и крепко сжала его запястье.

Рано утром Влад собрался отвезти дочь к своим родителям и завезти Ладу в местный супермаркет. Они вышли из подъезда и девушка с интересом оглянулась, пытаясь отыскать ту колымагу, которая теоретически может обогнать ее Мерседес. Влад окликнул ее. Он, улыбаясь, указал на неприметный темно-зеленый БМВ М3 выпуска конца девяностых годов. Девушка вскинула брови, пытаясь выразить то ли удивление то ли иронию, и усмехнулась.

— Что не впечатляет? — спросил Влад.

— Попробуй опровергнуть.

— Садись.

Так Ладу еще никто не возил. Она всегда чувствовала себя спокойно и комфортно, когда Игорь был за рулем, или немного нервно, но уверенно, когда водила сама. В этот раз она сидела так крепко вцепившись в ручку, что еле разжала пальцы, когда машина остановилась. Не то, чтобы Влад ездил развязно и экстремально, она просто не успевала всего замечать и следить за дорогой. Но, похоже, он не собирался производить впечатление, это был привычный для него стиль вождения.

— Водишь, как мальчишка, а ведь уже старикан — тридцать четыре, — сказала ему Лада, вылезая у дверей магазина.

Влад громко рассмеялся и, не пытаясь поспорить, уехал.

Лада погуляла по супермаркету, купила необходимые для проживания в чужой квартире вещи и на такси вернулась домой. Девушка не успела уложить продукты в холодильник: ее остановил звонок в дверь. Это не мог быть Влад, вряд ли это был Олег, а ее родные и знакомые вообще не знали этого адреса. Она вздрогнула от неприятного предчувствия, но все-таки поспешила открыть дверь. На пороге стояла молодая женщина и Лада сразу догадалась, что ее решила навестить жена Влада. Ее поразил взгляд этой девушки: она смотрела на Ладу нагло, с вызовом, но в то же время это был взгляд брошенной голодной собаки. Это было щемящее сочетание и Лада передернулась от какого-то странного чувства жалости. Девушка не выдержала взгляда Лады и первая отвернулась. Она не была привлекательна, но за долгие годы проведенные в Москве в ней выработалась привычка вкладывать деньги в себя; и действительно у нее были блестящие светлые волосы, отполированные ногти, добротный макияж и неплохой выбор стильного сочетания светлого пиджака и темно-коричневого сарафана: все это отодвигало на второй план ее лицо с большими голубыми глазами.

— Так вот ты какая! — только и сказала Ирина, проходя в прихожую.

— Да, такая и есть, — сказала Лада.

— Влад — большой любитель всего экстравагантного. А ты хоть знаешь, что мы почти десять лет вместе? Что у нас ребенок? Тебя совесть не мучает? — начала она дрожащим голосом.

— Не представляешь, как мучает.

— Но ты все равно не отступишь?

Лада впервые задумалась о том, что она была в состоянии поменять ход истории: не встречаться с Владом в Калининграде, не приходить к нему в отель, не иронизировать на тему его обручального кольца и остаться с Игорем... Она могла, но она не стала этого делать. Она, не задумываясь, выбрала этот путь. Все претензии этой женщины обоснованы.

Она заставляет женатого мужчину бросить ребенка и жену и обречь себя на существование в съемных квартирах вместе с новой любовницей. Но он никогда не задумывался об этом и не знал, куда его приведут желания. Также впрочем, как сама Лада.

— Я не воюю, чтобы отступить. Я просто живу.

— И так просто оставишь ребенка без отца!

— Послушай, тебе есть еще к чему апеллировать кроме ребенка?! Или дочь — единственная нить, связывающая тебя с Владом. Не будь ее — вы давно бы расстались?

— Ты — мерзкая сучка! — Ирина как-то странно взмахнула руками и кинулась к ней, но на полпути остановилась, будто очнувшись под пристальным взглядом Лады, — Подлая тварь! Ты не получишь его! И у тебя никогда не будет детей ни от кого!

— Мне не нужны дети. Мне нужен человек, которого я люблю.

— Откуда ты вообще взялась такая! Я тебя проучу, — Ирина громко дышала. Ее сверкающие, обильно обмазанные средствами для укладки, волосы прилипли к лицу и издавали острый аромат.

— Почему ты молчишь? Ты — сволочь, шлюха! Посмотри на себя! Ты же ведьма! Оставь его в покое.

— Мне жалко тебя и вашу дочь. Но — это судьба. Уже ничего не изменится.

— Лучше начинай себя жалеть, потом будет поздно.

Она метнулась к двери, но на пороге натолкнулась на Влада, отскочила от него и бросилась к лестнице. Влад кинул ключи на тумбочку и подбежал к Ладе.

— Что ты на меня так странно смотришь? — спросила Лада, отстраняясь от него.

— Ты сильно побледнела. Я... я... думал... ты сейчас упадешь.

— Не переживай. Нет на земле того, от чего я могла бы упасть в обморок.

Ирина стояла прямо, с силой опираясь обоими руками на прилавок, и смотрела в окно, где оживленная улица своим шумным хаосом олицетворяла собой город и противопоставляла его их тихому, уютному бутику. Она работала здесь продавцом-консультантов уже больше пяти лет, это место впиталось в ее кровь и она не видела себя вне этих стен. Она кусала губы, разглядывая грязные брызги под ногами проходивших мимо магазина людей и усиленно думала. Ситуация их отношений с мужем была сложнее, чем она могла себе представить. Хотя она предполагала, что это может произойти — они с Владом не жили вместе около четырех лет. Но она не беспокоилась, у нее была дочь, своеобразная гарантия, что он навсегда останется в ее жизни, она официально будет замужем, имея при этом возможность заводить другие отношения. Влад жил с братом или с родителями или... возможно где-то еще, и периодически приезжал, чтобы провести время с ребенком. И иногда с ней. Это было незыблемо. И Ирина рассчитывала, что так будет и дальше. Но теперь, когда в его мозгу возникла эта навязчивая идея, эта новая неиспытанная раньше эмоция, она почувствовала, что что-то должно поменяться. И, боясь возможных перемен, готова была самой сделать первый шаг. Его любовница может легко сломать устоявшуюся идиллию и вырвать Влада из рутины его каждодневного бытия и тогда она останется одна с теми старыми провинциальными комплексами, о которых так давно забыла. Нельзя потерять свой статус, она слишком сильно старалась, чтобы обеспечить его себе здесь, в Москве.

Прошла неделя. Влад жил с Ладой и иногда заезжал на дачу к родителям увидеть дочь. Лада очень долго и трудно привыкала к чужой квартире и ритму жизни Влада. Он работал

по ночам, сочиняя статьи и заметки, спал до полудня, после обеда ездил в редакцию, отвозил готовые работы, обсуждал новости с редактором и брал новые задания, а вечером его ужин растягивался на три-четыре часа перед телевизором или с книгой. Когда работы не было, ужин тянулся еще дольше, до полуночи, потом он мог пойти на улицу подышать воздухом или поехать на машине по городу, совмещая это приятное для него занятие с возможностью подзаработать. Поначалу, Лада подумала, что никак не вкладывается в этот график и, возможно, в семье он вел себя по-другому. Но он быстро опроверг эти предположения, рассказав, что иногда ездил всю ночь, так что успевал подъехать к утру и завезти дочь в детский сад. На Ладу он готов был тратить любое время своего странного распорядка. Он помогал ей готовить обед и ужин, ночью брал с собой кататься на машине, и убирался по ее просьбе в квартире. Лада предчувствовала, что ей будет нелегко сломать такой специфический режим и заранее готовилась повоевать.

Был поздний вечер. Они вышли из дверей кинотеатра и в толпе остальных зрителей направились к лестнице. Внезапно, к ним подбежала женщина. Лада не успела увидеть, откуда она взялась и с трудом узнала ее. Это была Ирина. Ее стеклянный взгляд и странная одежда выдавали жесткую решимость; и в этой упорной решимости и в таком облике она была похожа на шахидку с очевидными намерениями причинить кому-нибудь вред. Она была в длинной кофте, волосы спрятаны под платком, а руки скрывались в недрах одежды. Лада растерялась, с удивлением разглядывая ее внешность. Но Влад интуитивно почувствовал, что-то неладное. Он с силой оттолкнул Ладу себе за спину, закрыв ее собой, в тот же момент Ирина выхватила пистолет и выстрелила. Лада почувствовала резкую боль под ребрами, она схватилась за живот и согнулась, судорожно ловя воздух ртом. Ирина что-то выкрикивала мужу, но тут же замолчала, когда увидела, что Лада, так и не разогнувшись от боли, хохочет наглым и заразительным смехом. Лада осознавала, что Ирина в истерике, но не могла подавить в себе злое ощущение радости чужого бессилия. И Влад... хоть какое-то действие в его пассивном бытие. Что он предпримет? Лада встряхнула головой, пытаясь отогнать эти нелепые, мерзкие мысли, но они разрастались в новые умозаключения и она смеялась все сильнее и громче.

— Отвали с дороги, — прокричала Ирина хриплым голосом, — Это не для тебя, для нее. Она заслуживает. Мерзкая сука!

Она потрясла пистолетом в воздухе. Краем глаза Влад заметил, что из дверей выбежали двое охранников и направились к ним.

— Женщина, уберите оружие, успокойтесь, — скомандовал один из охранников, подходя к ней.

Она направилась к нему и криво усмехнулась, когда охранник в нерешительности остановился перед ней, опустив руки. Выждав несколько секунд, она снова направила пистолет на Влада и с вызовом посмотрела на окружающих. Внезапно, Влад кинулся к ней и резко схватил ее руки с плотно сжатым пистолетом. Охранники и еще несколько человек из толпы придержали ее и Влад вытянул оружие из ее скрюченных пальцев. Он задумчиво покачал пистолет в руке и передал одному из охранников. Сотрудники милиции приехали почти сразу же, после того, как произошла вся сцена. Они посадили Ирину в служебную машину и стали опрашивать свидетелей. Ладу забрали в машину скорой помощи. Она была не сильно ранена. Ирина использовала травматический пистолет, но стреляла с очень короткой дистанции. После медицинской помощи Влад отвез Ладу домой.

— Я не понимаю, кому она делает хуже? Мне жалко ее, — еле процедила Лада, успев сдержаться и не договорить того, что думает на самом деле.

— Мне, наверно, надо съездить к ней. Попытаюсь уговорить, чтобы ее отпустили.

— Не знаю насколько это удастся, но попытаться стоит. Ей нужно успокоительное.

— Я не хочу, чтобы ты оставалась одна, пока я буду там. Я позвоню Олегу, он придет к тебе.

Влад пробыл в отделении милиции до полуночи. Он добился того, что Ирину не стали задерживать, но ее и не отпустили, а сразу же перевезли в психиатрическую клинику. Утром ему пришлось ехать по новому адресу. В больнице ему сообщили, что оставят ее на курс постстрессовой реабилитации на неделю, а потом она будет обязана каждый месяц проверяться в клинике, чтобы в случае ухудшения ее состояния начать своевременное лечение. Ему выдали справку о ее невменяемости и склонности к припадкам. С этой справкой Владу удалось оформить развод без согласия жены. Впоследствии оценивая всю ситуацию, он понял, что этой выходкой Ирина только помогла ему получить развод.

Через месяц после побега из Калининграда Лада получила по электронной почте письмо от Игоря. Он сообщил, что знакомый юрист помог быстро уладить дело с разводом (он может прислать ей все документы заказным письмом) и теперь он, как бывший муж, просил ее дать знать: как она хочет разделить имущество. Игорь был готов оставить ей все кроме своего судна. Лада задумчиво перечитывала письмо снова и снова. «В этом весь Игорь. Он всегда умел быстро улаживать все вопросы. Что ж, это хорошо. На его лодку я не претендую. Это единственное, что у него осталось от трехкомнатной квартиры в Москве, внедорожника Вольво и престижной работы». Лада ответила, что он может оставить себе квартиру и машину, но попросила продать Мерседес и переслать ей деньги.

Поздней осенью Лада и Влад поженились. Родителям Влада новая жена сына сразу понравилась — они понимали, что она подходит ему как никто другой. Лада предчувствовала, что с ее родителями будут проблемы: они любили и уважали Игоря и не могли так легко смириться с переменами. Но как ни странно, оказалось, что Влад — такой человек к которому нельзя не проникнуться доверием. Все складывалось удачно. Все, кроме благополучия. После переезда в арендованную квартиру, они остро почувствовали нехватку денег. Олег уговаривал их остаться в его квартире, но они не могли согласиться на это предложение, зная, что ему придется каждый день добираться с дачи на работу по три часа. Влад нашел неплохую однокомнатную квартиру на Ленинском проспекте, но из-за такого удачного месторасположения им приходилось много платить за аренду. Вскоре они переехали в квартиру попроще в городе Одинцово. Это тоже была однокомнатная, но большей площади. Влад старался брать больше заказов, но этих денег катастрофически не хватало: почти все уходило на оплату аренды и на алименты его дочери. Их спасали короткие командировки Влада, после которых он обычно получал большую премию. Но и эти деньги быстро разлетались. Лада с внутренним дискомфортом осознавала, что так бедно не жила даже в Калининграде, после того как Игорь, по доброте, помогал другим морякам и был вынужден подрабатывать на сервисе.

Зима принесла в город холод, влажность и пронизывающий ветер. Лада не могла позволить себе что-нибудь новое из верхней одежды и обновила свой гардероб старыми куртками и пальто, которые хранились на даче, с тех пор как она переехала в Москву. Но

даже при таком положении вещей, она старалась чувствовать себя счастливой и не хотела дать этой грусти нарушить внутреннюю гармонию, хотя это не всегда получалось и временами реальность начинала тяготить.

Они с Владом сидели на кухне: она обедала, а он завтракал. Лада досыпала остатки быстрорастворимого кофе себе в чашку и залила кипятком. Это была четвертая чашка за утро, но она и не собиралась делиться с мужем.

— Объясни мне, — вдруг, начала она, посмотрев так, что он с трудом проглотил кусок, — Как получается так, что ты — талантливый журналист, имеешь такую скудную зарплату?

— На журналистике много не зарабатываешь.

— Что ты мне собираешься внушать?! Заработать можно везде, только помимо творческих талантов, надо еще иметь коммерческий подход. Ты ждешь пока тебя пошлют в какой-нибудь городок, типа Суздаля или Пскова, напишешь цикл статей и всё. На этом заканчивается весь твой бизнес. Тогда как, в этот момент он должен только начинаться.

— Я уже давно пишу для этого журнала и не хотел бы искать новое место, даже если там будут платить немного больше. К тому же я заключил контракт, в котором одно из условий состоит в том, что я не могу работать с другими изданиями и предлагать им свои статьи.

— Да, но ты можешь писать на другую тему. Например, что-нибудь про автомобили. Ты в этом хорошо разбираешься. Для этого журнала ты пишешь про колокольню в Костроме, а для этого про Тойоту Приус. И получаешь две зарплаты. Влад, очнись. Посмотри люди кругом только и думают, как бы заработать еще больше денег. А мы с тобой сидим в чужой квартире, пьем разбавленное пойло вместо свежесваренного кофе и в ближайший отпуск нам светит дача твоих или моих родителей. Как так можно жить?! Сколько энергии вложишь столько прибыли и получишь. Главное, что-то начать, постоянно что-то обдумывать и прогнозировать, — Лада запнулась, она почувствовала как сама заговорила словами Игоря.

Влад сидел молча и смотрел в пустую тарелку.

— Я знаю, что ты сейчас думаешь, — продолжала девушка, — «Я — человек творческой профессии. Я не могу писать что-то просто ради денег, а не из-за любви к ремеслу». Влад, я всю зиму буду носить хлам в котором ездила в институт, когда училась на первом курсе? Что я подарю сестре на свадьбу, если мне не на что хлеб купить?

Лада немного слукавила ради желания произвести впечатление — она привезла достаточно еще вполне модных вещей из Калининграда, в том числе свою самую любимую белую шубу, но она знала, что Влад не обращает внимания на вещи, поэтому ему можно было говорить что угодно.

— Ну, что, процесс капитализации до тебя никак не дойдет что ли?! — добавила она, заметив, что не убедила его своими последними словами.

— Я думал мы с тобой похожи... — только и сказал он.

— Мы с тобой похожи. И это наш общий минус. Потому что, мы вдвоем не можем выродить ничего стоящего. Но, Влад, мы проживаем жизнь и надо ориентироваться на внешнюю среду, а не на свой внутренний мир.

— Ты видно не того выбрала!

— А ты что не можешь поменяться, что ли?! Понимаешь, если ты будешь спать по ночам и работать днем, как все нормальные люди, ты будешь успевать сделать много.

— Как ты можешь думать так банально!

— Деньги — это всегда банально. Но деньги — это свобода, это удовольствие от жизни.

— А от нынешней нашей жизни у тебя удовольствия нет?! — Влад вскипел и начал говорить также как она, повысив голос.

— Ха, какое удовольствие? От этого старого дивана, который просидела не одна задница?! И на который мы стелим мою шелковую простынь?!

— Ты знала, на что рассчитывать! Или у тебя были иллюзии?!

— Да, были. Думала, ты подсуетишься и мы хорошо заживем. А ты сидишь всю ночь, пытаешься вымучить хоть строчку, и приносишь какие-то копейки за частный извоз.

— Я привык так жить. Суета мне вообще не свойственна. Очень жаль, что тебя не устраивает то, что я могу предложить. Но увы!

— Это единственное, что ты можешь сделать: развести руками и сказать «увы»? Тогда ты — жалкое ничтожество.

— А ты — недалекая дура, если раньше этого не заметила.

— Ты — примитивный урод, озабоченный собой.

Влад не стал реагировать на ее слова. Он с грохотом отодвинул стул, схватил ключи от машины и, хлопнув дверью, ушел. Лада опять села за стол, по телевизору шла передача — обзор автомобильных новинок и она, заинтересовавшись, забыла про ссору.

Влад приехал в свою старую квартиру, он хотел забрать кое-какие зимние вещи. Он удивился, увидев в квартире беспорядок, но Ирина оказалась дома и без церемоний объяснила происходящее.

— Я продала квартиру. Ты же ее нам оставил, не думаю, что ты будешь против. Я уезжаю домой, в Рязань. На деньги, которые я получила, я могу там не работать до пенсии.

— Это твое право. Я не против.

— Навещать дочь — приезжай туда. А летом она может жить с твоими родителями. Я препятствия для вашего общения не создаю.

— Что ж, это лучшее, что ты могла придумать. Я буду приезжать к дочери пару раз в месяц и покупать все, что ей нужно.

— Если у тебя будут деньги. Я слышала — ты на мели.

— Но, это ведь уже не твои проблемы?! — он усмехнулся.

— Да, у меня теперь проблем нет. Это ее проблемы. Твоей жены. Кстати, ты заметил — в ней что-то есть нечеловеческое?

— Что ты придумываешь?

— Трудно объяснить словами. Она слишком необычная, не похожа на нормального человека.

— Зато ты — чересчур обычная, без обид, — Влад продолжал усмехаться.

— Куда уж мне?! Я до тебя никогда не дотягивала.

— Ладно, что тут комментировать. Я приеду на вокзал, попрощаться с Машкой, — он подхватил сумку и пошел к выходу.

Через несколько дней, когда Влад вернулся из Петербурга, где был в двухдневной командировке, он, заходя домой, сразу почувствовал новую энергетику в квартире. Лада что-то готовила и напевала песенку. С кухни шел приятный аромат и он сразу прошел туда.

— Я сегодня получила деньги. Игорь мне их перевел.

— Хорошая новость. Будет чем оплатить долг за два месяца аренды.

— Нет, не будет, — Лада весело посмотрела на него, — Я потратила деньги.

Влад молча смотрел на нее, ожидая дальнейших объяснений.

— Я купила себе машину.

Его первая реакция поразила ее: он не стал возмущаться, удивляться или комментировать ее поступок, он с неподдельным интересом спросил:

— Какую?

— Рено Vel Satis. Ты разве не заметил его возле подъезда?

— Пойдем посмотрим.

Она взяла ключи и они спустились во двор. Красивый черный хэтчбек уже слегка замело снегом, но он все равно переливался, как будто был посыпан алмазной крошкой. Они сели внутрь и Влад погладил рукой переднюю панель. Машина впечатляла изысканным комфортом; в ней не почувствуешь себя звездой Голливуда, артистом хип-хопа или спортсменом национальной сборной. Она была из другого класса, как удивительное, очаровательное черно-белое кино, которое поражает красотой и игрой актеров, а не компьютерной графикой, трюками и звуком. Это была машина самодостаточного аристократа, ищущего философию в повседневности и цели в их отсутствии.

— Да-а-а, — протянул Влад, — Выбор в твоем духе. Как тебя угораздило?

— Я увидела ее по телевизору в передаче. Она мне слишком понравилась, чтобы я смогла ее легко забыть.

— Я поражен. Хочется тебя одновременно убить и поцеловать.

— Пожалуйста, только начни с последнего.

2

Несмотря на уговоры жены, Влад не стал меняться, как бы она его не просила. Лада очень скоро это заметила. Он, конечно, честно пытался ложиться спать в нормальное время и вставать утром раньше (по его понятиям ни свет ни заря), но дальше этих изменений дело не пошло. Он не стремился найти какую-нибудь дополнительную работу и Ладу, несмотря на то, что она его хорошо понимала, это уже начинало раздражать.

Их совместное существование вскоре стало чередой вялотекущих ссор и неразрешенных конфликтов. Они обвиняли друг друга во всех промахах и ошибках, а схожесть характеров мешала им обоим попытаться пойти на компромисс.

Лада устроилась преподавателем рисования и черчения в ближайшую школу. У нее было всего четыре урока в неделю за которые она получала такие ничтожные копейки, что Влад говорил: будет дешевле если она вообще не будет туда ходить. Лада злилась и, втайне от него снимала в банке со своего счета деньги, которые ей посылали родители.

Однажды она вернулась домой с работы и застала Влада на кухне. У него был такой вид, что ей в первую минуту подумалось, что она чего-то еще не знает и на самом деле началась третья мировая война.

— Что случилось? — спросила она, когда поняла, что его здоровью ничего не угрожает и у него просто небольшой нервный срыв.

— Наша хозяйка заходила. Сказала, что если мы не оплатим за последние три месяца, то в следующий раз придет с полицией.

— И всё?!

Он молча кивнул.

— Ну, что ж, ожидаемо.

— Если бы ты не купила машину, мы бы смогли все оплатить и не сидеть в долгах.

— Что ты как старуха?! Если бы то и если бы это! — разозлилась Лада.

— Это было бы разумно.

— Разумно то, что сделала я. А ты думай, как нам выкручиваться! Или мы сначала должны стать бомжами прежде чем ты, наконец, осознаешь, что надо начать что-то делать?! И еще: ты уже распилил мою машину за последний месяц. Прими ее, как данность и больше не говори об этом. Я ею довольна. Она — единственное мое удовольствие во всей этой серости.

— Отлично! Мы с тобой вроде вместе решили порвать с прошлым и быть вместе в будущем! А теперь, я один должен решать все проблемы.

— Я же с тобой. Я и не уйду. Почему ты перекладываешь ответственность на меня?!

— Не собирался. Ясное дело — моя ответственность.

— Тебе видно это не нравится?

— Я в восторге. У меня не было столько ответственности за жену и ребенка, сколько за тебя одну.

— Ты — наглая скотина! Ты сначала вспомни, что я потеряла в прошлом, связавшись с тобой.

— Слушай, никто никогда не пытался меня переделать. Это только ты одна появилась и

пытаешься меня изменить. Оставь меня в покое.

— Считаю, что изменения тебе бы помогли.

— Себе помогай! Что ты заправляешь в свой Рено, воду из-под крана? На что обедаешь в ресторане возле школы? Откуда эти новые уродливые сапоги со стразами, которые валяются в прихожей?

— Ах, ты поганец, хорошо все подсчитываешь. Калькулятор с собой носишь?

— Я не подсчитываю. Ты сама хвасталась сапогами и тем, что заправляешь суперочищенный бензин.

— А ты запомнил?! Придурок!

Она хлопнула дверью и ушла в другую комнату. Влад стоял в оцепенении, упорно уставившись в одну точку. Наконец, он провел рукой по лицу, будто снимая с себя напряжение, и пошел следом за женой. Лада увидела его унылое лицо в дверном проеме и еле сдержалась от улыбки.

— Ладно, я займусь поисками работы. Мы будем хорошо жить, вкусно есть и дорого отдыхать. Обещаю. Ты не достойна этого жалкого быта. У тебя должно быть все лучшее. Прости, я всегда осознавал, что это так. Но сегодня, меня куда-то понесло. Я наговорил глупостей. Ты — единственное, что делает мою жизнь полной, — высказал он на одном ритме, хотя эти слова дались ему тяжело.

— Значит, идешь мне на уступки? Делаешь мне одолжение тем, что готов заняться нормальной работой?

— Нет, я это и вправду осознаю.

Он разговаривал, не отрывая глаз от пола. Это было странное ощущение, желание почувствовать взгляд ее черных глаз и одновременно боязнь увидеть в них бездонную пустоту. Лада подошла к нему и молча обняла его. Избавленный от необходимости встретиться с ней взглядом, Влад уткнулся лицом в ее волосы.

Весна привнесла оживление в череду серых похожих дней. Апрельское солнце грело полетному интенсивно и московские улицы быстро освободились от последних признаков ушедшей зимы — ржавых клочков снега, спрятавшихся в затененных местах. Теплый весенний ветер, вместе с запахом распускающихся почек и молодой травы, принес позитивный настрой и поворот на новые светлые мысли. Лада обнаружила, что совсем отвыкла от такой резкой жаркой весны, когда за одну неделю город из заснеженного становился цветущим. В Калининграде весна наступала чуть ли не в феврале: сначала над городом проносился теплый бриз со странным весенним запахом; еще не успевший растаять снег медленно растворялся в больших лужах; затем наступали длительные дожди, вымывавшие остатки зимы и солнце начинало разогреваться, успевая за пару безоблачных дней высушить улицы; морской прибой становился ритмичней и вода делалась ярче и прозрачней.

Лада облокотилась на капот своей машины и, прикрывая глаза от яркого солнца, посмотрела на расстелившийся внизу город. Было слишком рано и на Воробьевых горах никого не было кроме них с Владом. Влад стоял прислонившись к своей машине и самодовольно поглядывал на жену. Его БМВ в очередной раз уже в пятом заезде обогнал ее Рено и Лада, не любившая проигрывать, теперь выглядела злой, так что он начинал беспокоиться о последствиях этих гонок.

— Хочешь поменяться? Проедешь на моей машине, — предложил он, — Лада, надо уметь проигрывать.

— Ха, это где я проиграла? И кому: тебе и твоей колыхаге, времен юности моего дедушки? Ты знаешь, у нас нечестное соревнование. Твоя машина после спортивного тюнинга, она специально предназначена для быстрой езды.

— Но ты, зато, заливаешь очищенный бензин.

— Ты опять об этом! — Лада рассмеялась, — А у тебя какая-то немецкая присадка. Так что, не надо тут делать из меня дуру.

— Я могу поделиться. Только это не поможет.

— Ладно, присадки только и используют для того, чтобы оживить такое старье, как у тебя. Думаешь, я собираюсь запороть новый двигатель твоей химией?

— Лада, не злись. Разница в почти сто лошадей. Это просто физика. Но, конечно, твоя машина шикарней, мне даже стыдно ехать за ней следом. Портить ей антураж.

Лада покраснела и улыбнулась. Их взгляды встретились. В глазах Влада по-прежнему была та восторженная любовь, которую она увидела в нем в тот момент, когда он стоял на пристани и говорил, что не может не вернуться к ней. По ее глазам он никогда ничего не мог прочитать; и теперь его поразило только то, что их чернота блестит сильнее перламутрового корпуса машины.

— В следующем месяце поеду в командировку. Наконец-то, смогу сам заплатить за квартиру и вернуть долг Олегу.

— Да, он нам здорово помог. Если бы не он — нас бы поперли с квартиры, — Лада мешала трубочкой молочный коктейль.

В кафе было так мало посетителей, что их тихие голоса были хорошо слышны даже в дальнем углу.

— Он мне недавно рассказывал, что у них появилась новая сотрудница, которая ему понравилась. Было бы хорошо, если у него все сложится удачно. Он ведь полтора года переживал после расставания с прошлой девушкой.

— Что такой же влюбчивый как ты?

Влад рассмеялся.

— Я бы порадовался за него, если бы ему повезло также как мне.

В середине мая Влад собирался в командировку в республику Коми. Лада никак от него не ожидала таких способностей, но Владу удалось договориться на работе и взять с собой жену в качестве фотографа. Они долетели до Екатеринбурга на самолете и, переночевав в гостинице, на следующий день вылетели на вертолете на плато Мань Пупы Нёр, про чьи каменные столбы Влад должен был написать статью.

Лада поняла одну удивительную вещь — до этих пор она ничего не знала про Россию. За всю жизнь она была только на Черном море и в Калининграде на Балтике и не подозревала сколько еще есть мест на родине, где стоит побывать.

Плато оказалось необычным местом, недаром древние народы приходили сюда поклоняться духам и считали эти горы мистическими. Округлая ровная возвышенность утопала в траве и первых весенних цветах, местами под деревьями и мелкими кустарниками еще лежал снег. Взгляду открывался горизонт с горами, окутанными утренней дымкой, которую пронзали лучи солнца.

Каменные столбы поднимались на двадцать-тридцать метров в высоту и имели свои уникальные очертания; солнечный свет освещал спрятавшийся под выступами мох, который переливался, как древняя бронза.

Лада поспешила сделать побольше фотографий, прежде чем солнце переместится выше и навсегда изменит эту картину. Но, поднявшись ближе к зениту, светило добавило новые краски: серый камень заблестел, выделив на свету причудливые выступы и изломы и спрятав в тени вековые мхи.

— Влад, они на нас не рухнут? — Лада уперлась рукой о камень и, запрокинув голову, посмотрела наверх.

— До сих пор не рухнули, с чего бы им сделать это теперь? Если только наказать нас за грехи.

— В чем же геологический феномен?

— Да, собственно, здесь нет никакого феномена. Все просто: изначально были скалы, но ветер постепенно выветрил слабые породы и остались самые крепкие, которые простояли до этого момента, хотя процесс выветривания продолжается до сих пор.

— Значит, они разрушаются на наших глазах.

— Не такими интенсивными темпами, как раньше, но да. Возможно, века спустя, здесь от них останутся метровые камни.

— И это нельзя предотвратить?

— Многое в природе неизбежно. С каждой секундой что-то меняется.

Влад заметил, что ее глаза странно заблестели. Он бы никогда не подумал, что Ладу может настолько поразить что-то в окружающем мире. Или она, как и он, почувствовала настроение этого места и открыла его для себя. Он понимал это ощущение, он знал этот

безграничный восторг, когда кровь в венах бьется в том же ритме, что и пульсирующие волны энергии бьющие из определенного места на карте, которое ты узнал и понял.

Влад стоял перед зеркалом и пытался завязать галстук. Лада смотрела на его отражение и чуть заметно усмехалась: деловые костюмы не слишком хорошо смотрелись на нем.

— Послушай, оставь эту удавку и иди так.

— Но, как же без галстука?! — протянул Влад и с раздражением зашвырнул его на шкаф.

— Ты — журналист, а не вице-президент нефтяной компании. Одень джинсы, вон ту голубую рубашку и пиджак. Так будет лучше всего.

Влад собирался на собеседование к главному редактору автомобильного журнала и они с Ладой начали нервничать еще со вчерашнего вечера.

— Если все пройдет удачно и они возьмут меня в штат, я останусь работать и на свой журнал. Не буду бросать. Попытаюсь совместить.

— Правильно. Наконец, хоть одна здравая мысль. Конечно, ты должен совмещать.

Лада подвезла его на своей машине к зданию редакции и осталась ждать. В конце концов, хоть что-то начало сбываться и ее надежды на мужа не оказались напрасными. Прошел ровно год с тех пор, как она покинула Калининград и за это время произошло не так уж много положительных изменений, кроме того, что она стала женой Влада. Лада сидела в машине и строила планы: она хотела купить квартиру, хотела обставить ее в своем вкусе и, наконец, заняться живописью. У нее всегда была мечта заниматься рисованием. Со временем это желание притупилось, так как она пустила свою энергию по другому пути — она стала заниматься графическим дизайном; но теперь, если все сложится выигрышно для них, можно устроить что-то вроде мастерской, где она в свободное время будет рисовать. Девушка упивалась своими фантазиями и с надеждой поглядывала на двери офиса, откуда должен был появиться Влад с известиями.

Влад вышел и Лада сразу все поняла по его лицу. Девушка выскочила из машины ему навстречу.

— Что, взяли?

Влад радостно кивал, наслаждаясь ее восторгом.

— Более того, я думаю получится писать для обоих журналов без проблем. Я буду просто больше работать. Главное чтобы командировки не совпадали.

— А здесь надо будет много ездить?

— Полагаю, еще больше чем на прежнем месте. Тест-драйв новой модели может запросто проходить где-нибудь в Испании или Германии.

Итак, наступил новый этап и Лада с радостью окунулась в происходящие изменения. Но у всех вещей в мире есть обратная сторона и она вскоре узнала другую сторону этого везения. Влад действительно стал много работать. Он старался успеть написать статью для своего научно-популярного журнала и в то же время пропадавал, разъезжая по Москве на самых разных новинках автопрома, и писал сразу про несколько моделей для каждого выпуска. У них, наконец, появились деньги и они перестали беспокоиться о будущем. Влад, с присущим ему азартом, с головой окунулся в новую работу и, иногда не засыпая ночами, обдумывал свои новые статьи. Они стали меньше бывать вместе. Раньше они могли неделю не расставаться ни на минуту, а теперь у каждого появились свои дела, на которые

отводилось личное время. Лада преподавала в кружках рисования в школе, Влад изучал разные марки машин и упивался своими восторгами или разочарованиями на бумаге. Он сильно скучал по жене, когда приходилось уезжать на день или два; и был по-настоящему доволен, когда удавалось взять ее с собой, но по большей части ему приходилось ездить со своими коллегами журналистами.

Вскоре Ладе надоел этот суетный ритм жизни и она перестала ездить с ним, предпочитая оставаться дома. В потайном углу за холодильником появилась позабытая бутылка выдержанного вина.

Лада сидела на подоконнике, смаковала вино, налитое в простой стакан, и смотрела сверху на свою машину. «Что ж, все правильно. Так и должно быть. Наконец, Влад занялся делом. Было неприятно смотреть на него, когда он ходил бездельничал всю зиму, пытаясь написать хотя бы одну статью в месяц. Все-таки я переделала его. Я заставила его измениться. Хотя, если я ему скажу это, он, наверно, обидится. Он думает, что все происходит так, как должно быть. Но он никогда не получил бы этой работы, если бы я каждый день не напоминала ему поговорить с друзьями и узнать, куда можно пристроиться. Теперь все пойдет как надо. Но странно, почему тогда, когда у нас не было денег и мы не знали, что будет завтра, я была счастливее? Почему тогда, мне на самом деле, жилось веселей? Что изменилось? Все новые изменения — определенно положительны. Тогда в чем дело? Чего мне опять не хватает? Я скучаю, потому что Влад часто не бывает дома? Наоборот, я всегда считала, что надо отдыхать друг от друга и это даже лучше. Так что тогда? Чего мне не хватает? Каких еще эмоций?» Она залпом допила вино и поставила пустой стакан рядом.

К ее огорчению, Влад очень скоро нашел эту бутылку. Она приехала вечером домой после шоппинга и увидела его на кухне с этой бутылкой в руках. Лада бросила пакеты с покупками в прихожей и подошла к нему, этого требовал его взгляд. Девушка села напротив за стол и посмотрела на него, не собираясь прятать глаза.

— Ты хотя бы не садись за руль после этого? — спросил он.

— Конечно, нет. Это... я так... так расслабляюсь иногда... по вечерам.

— Но для чего? Зачем? Неужели все так плохо, что вино — последнее средство?

— Наоборот, все слишком хорошо.

— Лада, чего тебе не хватает? Все изменилось, мы стали лучше жить. Почему тебя потянуло к этому?

Лада смотрела на полупустую бутылку в его руках и внезапно поняла, что ей не хватает острых эмоций, не изменений и комфорта в перспективе, а чего-нибудь на тонкой грани, на острие ограненного алмаза, чего-нибудь, что приведет ее в смятение, что взорвет этот стройный ряд позитивных мыслей в ее голове. Она нетерпеливо хотела, чтобы что-то опрокинуло эту рутину с тенденцией к хорошей и счастливой жизни, но при этом не меняя этого удачного настроения, она видела как все эти созданные положительные образы встают с ног на голову, приходят в хаос, но не нарушают общей линии нового этапа в жизни, а дополняют и гармонизируют его.

Лада выглянула в окно и, сквозь темноту ночи увидела, что такси уже подъехало и ожидает у подъезда. Она еще раз проверила все ли в порядке в квартире; Влада не будет целых три дня — он уехал в Германию тестировать новый внедорожник, поэтому все должно

быть выключено, чтобы перепуганные соседи не пытались их найти, заметив дым или услышав потоки воды. Она накинула дорожную сумку на плечо и ушла.

Рано утром она спустилась по трапу с самолета в Калининграде. Город встретил ее ярким солнцем и свежим морским ветром. Только здесь она начала задумываться о том, что делает. Зачем она здесь? Чего ищет? Зачем вспоминать то, что переболело? Зачем вступать на это тонкое лезвие? Зачем терзать...?

Она встряхнула головой... Зачем думать об этом? Она просто здесь... Сегодня, а может быть и завтра. Хотя, возможно, следующим утром опять проснется у себя в Москве. Но сейчас она здесь. И она хочет этого...

Дом, подъезд, та же дверь. Лада нерешительно подняла руку, чтобы постучать, но тут же опустила. «А если у него уже есть жена? Или девушка? Он... такой... такой привлекательный. Не мудрено». Но раз уж она приехала, нельзя было позволить слабости перебороть себя. В квартире никого не оказалось и Лада вздохнула с облегчением. Она позвонила соседке.

— Там... никого нет. Вы не знаете..., - начала было Лада, когда старушка приоткрыла дверь.

— А, так ваш муж в плавании. Вам ключи? Так и кота забирайте, он у меня уже всю оставленную для него рыбу поел.

Девушка заметила Локки, который терся о дверной косяк и смотрел на нее своими большими, задумчивыми глазами. Он узнал ее и нетерпеливо фыркнул, привлекая к себе внимания. Она наклонилась и взяла его на руки — Локки потяжелел от сытой и ленивой жизни, но остался таким же ласковым. Обрадованная тем, что раньше срока удалось избавиться от кота, соседка попыталась скрыть в своем взгляде порицание и Лада, заметив это, поспешила исчезнуть.

В квартире произошло много перемен: Игорь выбросил всю поломанную мебель, которая раньше валялась по углам комнаты, и купил новую в стиле хай-тэк — невыразительную, на взгляд Лады, но вполне функциональную на взгляд ее бывшего мужа. Комната посветлела и обстановка стала спокойнее.

Девушка опустилась на диван и положила голову на мягкий подголовник. Немного отдохнув, она встрепенулась и огляделась в поисках чужих вещей... женских вещей. В шкафу была только мужская одежда, в ванной ничто не выдавало присутствия женщины, на кухне пустота холостяцкой жизни. В последнем месте Лада задержалась, чтобы приготовить что-нибудь на обед.

Время шло, Игорь не приходил. Лада, сначала спокойная, теперь уже начинала нервничать: как он ее встретит, что скажет, что произойдет и чем все кончится. К вечеру она уже не знала, куда деться от волнения и беспокойства. Но, странно, она тут же успокоилась, когда услышала, что входная дверь открывается.

Игорь замер на пороге, поглядев на нее так, как будто увидел привидение. Лада ответила ему молчаливым взглядом. Она заметила, что он похудел, но стал выглядеть моложе. У нее появилось ощущение, что с ним случилось что-то значимое и он, сам этого до конца не осознавая, стал сильнее.

— Добро пожаловать, — он хотел добавить «домой», но осекся и только кивнул ей с усмешкой.

Игорь прошел на кухню, скрывшись от ее взгляда и уже оттуда спросил:

— Ты за деньгами? Эту квартиру быстро не продашь. Давай я выплачу тебе половину ее

рыночной стоимости.

«Узнаю его. Только переступив порог, сразу решает все вопросы», — Лада усмехнулась и ответила:

— Не надо продавать квартиру. Денег мне хватает, твои не нужны. Да и вообще, я не..., - она не за этим сюда приехала, хотела сказать Лада и запнулась.

— Как хочешь. Но в любой момент, как скажешь, я тебе возьму твою долю. А тут жареная курица — это, вроде как, мне обед по старой памяти?

— Да, салат в холодильнике.

Лада не стала заходить на кухню, а продолжала смотреть телевизор в комнате. Поужинав, Игорь появился в гостиной.

— Я возьму спальное белье. Ты ложись здесь на диване, а я буду спать на кухне.

— Нет, это нечестно, — Лада, внезапно, вскочила и схватилась руками за одеяло, которое он собирался унести с собой.

Игорь удивленно посмотрел на нее и отпрянул.

— Это нечестно. Я приперлась без приглашения, нарушила твой распорядок. Я буду спать на кухне.

— Ты что? Спи здесь. Мне совершенно все равно.

— Не спорь. Ты же знаешь — ты меня не переспоришь.

— Ну, как скажешь. Помочь тебе разложить там кушетку?

— Нет. Я помню. Хоть что-то ты пожалел и оставил.

Лада взяла одеяло и быстро вышла из комнаты. Игорь озадаченно посмотрел ей вслед и некоторое время простоял в задумчивости посреди комнаты, сжимая в кулаке край подушки.

Девушка сдвинула стол и разложила белье на маленьком кухонном диване. Не раздеваясь, она легла спать в своем летнем халате. Из комнаты не доносилось никаких звуков и она решила, что Игорь уже лег.

Наконец, стемнело. Лада поняла, что уже за полночь, но она никак не могла заснуть. Ей было душно, и жарко, и беспокойно. Она встала и выпила оставшийся чай. В горле пересохло еще сильнее, и тогда она умылась под слабой струей воды. Холодные капли стекали по шее и халат промок. Девушка пригладила волосы влажной рукой и бесшумно прошла в комнату. Она увидела, что Игорь стоит у окна в той же одежде и еще не ложился. Он слабо повернул голову, услышав, что она подошла, но оборачиваться не стал. Его силуэт четким контуром вырисовывался на фоне света ночных фонарей, посеребривших оконное стекло. Лада встала позади него и сжала руками его плечи. Игорь опустил голову и прижался лбом к стеклу. Лада сжала его плечи сильнее и приблизилась к нему вплотную. Он глубоко вздохнул и она почувствовала, как напряжение в его руках исчезло. Девушка выдернула его футболку из джинсов и одним быстрым движением сняла ее. Игорь не сопротивлялся, но по-прежнему стоял, глядя в окно. Лада прижалась щекой к его голой спине и замерла. Она слышала, как его сердце начинает биться все быстрее и громче. Ее влажные руки медленно скользили по его телу. Наконец, Игорь резко обернулся и схватил ее голову, сильно сдавив ей виски. Он смотрел на нее и его зрачки расширились, вбирая ее образ. Лада дышала ртом, он почувствовал ее горячее дыхание на своей груди и услышал слабый стон, когда наклонился и стал целовать ее в шею. Она продолжала снимать с него одежду, умело расстегнув ремень и с силой стянув джинсы. Игорь на секунду отстранился и одним движением порвал на ней халат. Мелкие пуговицы застучали по полу и она почувствовала их голыми ногами. Он подхватил ее на руки и понес вглубь комнаты. Лада, не останавливаясь, целовала его шею,

плечи, грудь и замерла, только когда он приподнял ее голову и поцеловал в губы. Они не знали сколько времени прошло, пока их губы страстно и нетерпеливо изучали друг друга, казалось, прошла половина ночи или пролетела одна секунда.

Солнце залило ярким светом всю комнату и Лада зажмурилась, как только открыла глаза. Она лежала одна на измятой постели. Девушка нахмурилась, но с кухни повеяло слабым ароматом кофе и она успокоилась. Она села за стол, наблюдая за тем, как Игорь выжидающе занес руку над закипающим кофейником.

— Черный, без сахара — как обычно? — спросил он.

— Да, а почему что-то должно меняться?

Он разлил кофе по чашкам и они стали завтракать.

— Ты все плаваешь? — спросила она, задумчиво приглядываясь к бывшему мужу.

— Да. Хотя, мне недавно предложили работу на Автодоре. Там открываются новые сборочные линии, производство расширяется. Помнишь как я когда-то хотел туда устроиться, но тогда не было вакансий? Мое резюме осталось у них и они связались со мной, предлагают должность исполнительного директора.

— Это... это очень престижно. И что ты? Опять оденешь подзабытый пиджак и галстук и вперед?! Это твоя среда. Твои любимые деловые костюмы, свежая пресса за завтраком, постоянные телефонные звонки, встречи с иностранными партнерами... Что для тебя лучше этого?

— Поэтому я и отказался, — Игорь рассмеялся.

— Неужели?! — Лада удивленно посмотрела на него.

— Да. Море мне нравится больше. И закаты на воде, и прилив, и шторм. Это лучше...

— Ты был не таким, когда мы только встретились.

— А ты не меняешься.

— Наверно. Я и сама этому удивляюсь. Кстати, на деньги от продажи Мерседеса я купила себе Рено Vel Satis. Такая необыкновенная машинка.

— Взрослеешь, подружка. Но машинка, действительно, хороша. Тебе подходит.

— Да, тот Мерседес для меня уже... как-то... несолидно что ли. Он попал в хорошие руки, хотя бы?

— Я полагаю, за такую цену он не мог попасть к плохим владельцам.

Лада кивнула. Она особенно остро в этот момент ощутила, что прошлое ушло навсегда и то, что было — останется в памяти и не повторится.

На Куршской косе было безлюдно как всегда, именно поэтому они любили это место и раньше часто отдыхали здесь. Лада сидела на разложенном одеяле и поглядывала на Игоря, который растянулся на песке позади нее. Солнце переливалось на его смуглой коже и она заметила, что волосы у него на груди посветлели от постоянного загара. Он все меньше был похож на того важного, делового парня, который в то утро вышел из ее подъезда в мятом костюме и не начищенных ботинках; он изменился. Изменилось его мировоззрение, отношение к жизни, хотя многие качества, присущие ему, усилились и закалили его характер. Лада легла рядом с ним и уткнулась лбом в висок, прижавшись губами к щеке.

— Ты помнишь как назвал меня в последний раз?

— Да, каким-то нехорошим именем. Кстати, ты как-то странно смотрела на меня тогда. Я потом всё вспоминал этот твой взгляд и не мог понять, что он означает.

— Любовь, видимо, — тихо сказала Лада и отвернулась.

Игорь приподнялся на локтях и изумленно взглянул на нее.

— Лада, а ты и впрямь не меняешься! Никак не поймешь, что тебе нужно!

— Да, мне самой тяжело. Но я точно знаю, что хочу сейчас. Пойдем освежимся.

Она вскочила и побежала к воде. Игорь усмехнулся и пошел к ней. Лада присела на гальку у самого края воды, так чтобы набегающий прибой каждый раз обдавал ее прохладными брызгами, и позвала его. Когда Игорь сел рядом, она обняла его за шею и поцеловала; ее соленые губы излучали легкий аромат шиповника и пьянящего хмельного меда.

Прошло несколько дней. За это время они ни разу не заговорили о будущем. Между ними установилось молчаливое согласие не начинать разговоры на эту тему и вообще не думать об этом. Они жили одним днем и наслаждались каждым его мгновением. Лада никогда особенно не загадывала о том, что будет, а Игорь, в этот раз приняв ее стиль, позволил вовлечь себя в эту безумную игру и забыть о реальности. Это время напомнило им медовый месяц; казалось, то путешествие в Швецию, заканчивается только теперь здесь и сейчас, а четыре года пролетели, как сумбурный сон. Но реальность вскоре вторглась в их полузабытье и заставила отнестись к жизни трезво.

Был поздний вечер. Они сидели на кухне, пили кофе и слушали музыку. Слабый стук входной двери не насторожил их, они его даже не услышали. В прихожей раздались легкие шаги. Человек потоптался у порога и, не видя хозяев, тихо зашел в комнату.

Влад застыл в дверях, переводя испуганный взгляд с жены на Игоря и обратно. Они повернулись к нему и удивленно смотрели на него. Он заметил, что в эту секунду у них было совершенно одинаковое выражение лица, такое какое бывает у ребенка, когда взрослые объясняют, что в кино все не по-настоящему. Ему бросилась в глаза кружевная сорочка на тонких, почти невидимых бретельках, в которой она сидела здесь за столом, он резко отвернулся.

— Я... как-то... не вовремя... Я в общем... Я переживал, ты не оставила записку, не позвонила. Твой мобильный телефон оказался дома. Я не знал, что делать, — сказал Влад заикаясь.

— Выпьешь с нами кофе? Или перекусишь, кое-что осталось с ужина, — предложил ему Игорь, быстро придя в себя после неожиданного появления забытого мужа.

— Нет, нет я пойду, — Влад замотал головой, — Самолет... через час... обратно в Москву.

Он резко выскочил, задев плечом дверь, и скрылся. Лада сидела неподвижно, задумчиво глядя ему в след.

— Он — твой муж. Кстати, говоря, — напомнил ей Игорь.

— Влад, подожди, вернись, — крикнула Лада. Его слова вывели ее из состояния отрешенности.

Влад снова зашел в комнату. Он был бледен и по лицу было заметно, что он пытается предугадать, что будет дальше. Лада долго смотрела на него и затем перевела взгляд на Игоря. Их глаза встретились. Лицо Игоря было непроницаемо, как маска с невозмутимым, самодовольным выражением. Он спокойно посмотрел на свою бывшую жену и, делая вид, что ему все безразлично и он ко всему готов, ждал ее реакции. На самом деле, он чувствовал себе словно бык на корриде, который в упор смотрит на тореадора, заносящего шпагу над его

головой. Лада с восхищением заметила его выдержку. Влад, напротив, выглядел жалко. Несмотря на то, что он был в более выгодной позиции в этой ситуации, он выглядел пристыженно и слишком робко для роли обманутого мужа. Было заметно, что он не выносит подобных ситуаций. Лада не могла выдержать его вопросительного взгляда. Она передернулась и отвернулась. Ее сердце плакало.

Влад постоял несколько секунд на пороге, понял, что ему никто ничего не собирается говорить и бесшумно вышел. Как только он исчез, Лада вскочила и замерла у двери. Она обернулась и посмотрела на Игоря.

— Лада, определись в конце концов. Это твоя жизнь, — тихо сказал он.

— Прости, — почти выкрикнула она.

Девушка метнулась в комнату, переоделась и схватила свою сумку. Когда она снова зашла к нему, Игорь стоял у окна. Он не повернулся, хотя почувствовал, что она здесь.

— Прости, — сказала Лада на этот раз чуть слышно.

Она догнала Влада на автобусной остановке. Он сидел на скамейке в самом углу, опустив голову на руки. Когда он поднял лицо, она заметила высохшие следы слез на его щеках.

— Неси, — она кинула свою дорожную сумку у его ног и подошла к обочине, чтобы поймать такси.

3

Лада стояла у плиты и варила кофе. По шуму воды из ванной она поняла, что Влад проснулся. Через пару минут он пришел на кухню. Они прилетели в Москву под утро и проспали до полудня. Теперь оба выглядели уставшими и изможденными. Влад остановился перед раковиной, чтобы помыть яблоко и странно посмотрел на нее. Девушка почувствовала его пристальный взгляд. Она поняла: он увидел, что вся ее шея была в засосах. Лада ответила молчаливым взглядом: в ее глазах красноречиво читался ответ на его вопрос: «Я была с Игорем четыре дня. А как ты думаешь, что мы делали, находясь вместе все это время?» Влад смущенно покраснел и отвернулся. В его лице мелькнула смесь самых разных эмоций: но Лада так и не поняла, которая стала преобладать. Ревность или обида? Она убрала кофейник с плиты.

— Садись за стол. Будем завтракать.

Первое время они сидели молча, не находя слов в компании друг друга. Потом, когда Влад немного успокоился, он первый прервал молчание.

— Я, когда не нашел тебя дома, позвонил твоим родителям. Но я не стал их пугать, говорить, что ты исчезла. Пытался как-нибудь из разговора понять — может быть ты у них. Так вот, они хотели, чтобы ты приехала к ним. Твоя сестра скоро будет рожать и вам всем надо увидеться.

Лада не очень часто думала о своей семье и теперь ей было необычно ощущать свою причастность к событиям происходящим с ними. Она любила и ценила своих родителей. Но особенно она уважала их за то, что они никогда не лезли в ее жизнь, не советовали и не учили. Они воспитали самостоятельного и разумного человека, способного принимать решения и нести за них ответственность; Лада была благодарна им за то, что они вовремя это поняли и не пытались вносить коррективы в ее жизнь. Ее родители: отец — Андрей Павлович, работал в администрации, был заместителем главного архитектора города, мать — Вера Васильевна, преподавала в техническом университете Твери, на факультете гражданского строительства, они в раннем детстве привили дочери интерес к искусству и чувство стиля. Но больше всех кому была благодарна Лада за свою независимость — это ее сестра. Вторая дочь родилась, когда Ладе было девять. И все внимание родителей тут же переключилось на младшего ребенка. Они окутали ее той заботой и опекой, которых (как они думали) была лишена Лада, потому что была первой и была воспитана в полной самостоятельности. Отчасти поэтому Вероника выросла противоположностью старшей сестры. Она была пассивной, домашней и никогда не проявляла излишнюю инициативность. До определенной поры сестры были близки и понимали друг друга как саму себя. Но в один момент все изменилось. Лада привела Игоря знакомиться со своей семьей и подросшая Вероника — романтичный неуклюжий подросток влюбилась в него без памяти. Она пыталась скрывать это и держать свои эмоции втайне, но очень скоро все стало слишком явным, потому что она сама выдала себя резкой сменой отношения к старшей сестре. Лада стала ей ненавистна и Вероника постоянно раздражалась на нее по пустякам и использовала любой случай, чтобы поиздеваться над ней. Лада поняла причину этого негативного отношения и простила ей детскую вспыльчивость. Но с тех пор, они уже не были близкими

подругами и общались почти как чужие, хотя сами не желали бы этого никогда. Хрупкое равновесие наступившее после того, как Игорь и Лада переехали на Балтику, быстро нарушилось, когда Лада сообщила, что развелась и собирается замуж за другого. Вероника вообще перестала с ней общаться и узнавала новости о сестре только через родителей. Лада также не очень интересовалась жизнью сестры, но не отказывалась послушать, когда мать или отец ей что-нибудь рассказывали. Она через них поздравила сестру с поступлением в университет на факультет биологии и по их принуждению приехала на один вечер на ее свадьбу (это было в самый разгар прошедшей зимы, когда она с Владом наскребла последние копейки на подарок). Зная о таком резком неодобрении, Лада решила не знакомить ее со своим новым мужем и не обижалась за то, что Вероника не приехала на ее свадьбу, которую они отметили на даче у родителей Влада в тесном семейном кругу.

От родителей она еще весной узнала, что сестра беременна; не без иронии отметив про себя, что оказывается сестра выходила замуж, уже ожидая ребенка.

Теперь Лада почувствовала, что ей надоели эти бесконечные препирательства с сестрой и решила откровенно поговорить с ней и выяснить все моменты, которые вызывали помехи во взаимоотношениях. Она пока не знала, захочет ли Вероника выяснять эти моменты, но поняла, что подобное положение вещей надо менять.

— Ладно, как-нибудь съезжу. Ты поедешь со мной. Надо тебе познакомиться с моей сестрой, — сказала она, потягивая горячий кофе.

— Как хочешь, — без особого энтузиазма ответил Влад и продолжал намазывать тост вареньем.

Но вскоре Лада забыла о необходимости съездить к сестре и родителям в Тверь; у нее нашлись дела поважнее. Они с Владом, наконец, затеяли покупку своей собственной квартиры. Родители Лады и Влада помогли им своими сбережениями, а Влад взял ипотечный кредит в банке на три года (он рассчитывал погасить его раньше). Все это стало возможным благодаря тому, что Влад устроился работать на телевидение в один из научно-развлекательных каналов, где он вместе с двумя другими парнями делал репортажи про автомобили. Девушка решила продать свой Vel Satis. Она отрывала его от сердца — настолько ей нравилась эта машина, но возможность получить свою собственную квартиру, убеждала ее в правильности этого шага.

Они купили двухкомнатную квартиру в новой высотке в районе Строгино и Лада тут же занялась дизайном нового жилья; для выполнения своих выдумок она пригласила бригаду рабочих из Украины. Для начала в помещении были сломаны все перегородки, а несущие стены превратились в столбы и использовались не столько для прочности, сколько служили элементами декора. Все пространство разделилось на две зоны: гостиную с кухней — где планировалось встречать гостей, и личную спальню с кабинетом. Для гостиной Лада выбрала обои темно-горчичного цвета, которые при определенном освещении переливались как бархат; с этим теплым оттенком удачно сочеталась кухня в стиле старой Тосканы из дерева цвета спелого меда и со столешницами инкрустированными под венецианскую шпукатурку со слабыми бронзовыми прожилками; комод, тумбочки и шкаф тоже были в тон кухне, но особую изысканность им придавала тонкая золотая окантовка. Огромные окна с видом на Строгиновские пруды закрывала прозрачная желтая тюль. С потолка свисала помпезная люстра из мурановского стекла и светила прямо в центр коричневого кожаного дивана. Спальня была отделена складывающейся ширмой с веселыми рисунками смеси

графики и анимэ. Для этой комнаты Лада предпочла неброские оливковые оттенки; здесь она расположила белый шкаф-купе, железную кровать под хром с изголовьем в виде крыльев бабочки и журнальный столик со стеклянными столешницами, под определенным углом располагающимися друг над другом, отчего за него вообще не получалось присесть, но Ладе он нравился, так как предметы можно было размещать на разных ярусах и отчетливо видеть где что лежит. На окнах висели темно-зеленые занавески в драпировках и создавали уютную атмосферу, когда свет лампочек встроенных в потолок падал на их роскошную ткань.

Вся работа была выполнена за четыре месяца, но для Лады это время пролетело, как два дня. Она неутомимо разъезжала по городу на машине Влада в поисках идей, материалов для их реализации и мебели, когда дело стало подходить к концу. В конце концов, финальный вариант ей понравился еще больше, чем она предполагала, когда составляла приблизительные наброски. Владу все эти дизайнерские причуды были совершенно безразличны и единственное, что он отметил, когда в первый раз попал в новую квартиру после ремонта — это то, что в ней было зелено как в лесу и выразил предположение, что при плохом настроении вся эта «болотная» масса будет давить на нервы.

— Ты что не видишь насколько здесь подходит к месту каждая вещь? Как все творчески выверено? И как расставлены акценты? — обиделась Лада.

— Да, вижу. Это уникальный ремонт. Но мне всегда больше нравился стиль хай-тэк.

— Что вы все помешались на хай-тэке?! Это эклектика! Это в сто раз моднее!

— Отлично. Главное, чтобы было настолько же удобно.

Лада и Влад переехали на новое место в конце ноября. Они подогрели привезенные с собой пиццы, Влад открыл бутылку сухого вина, а Лада быстро сделала десерт из мороженого и печенья. Это был приятный, интимный вечерок в новой обстановке.

Лада сначала не услышала, что звонит ее мобильный телефон, но звонок был настойчивым и она с трудом отыскала трубку в набитой сумке. Номер входящего вызова ей был незнаком.

— Добрый вечер. Лада Коченова? Это Борис Петрович — адвокат. Я бы хотел узнать, как вы собираетесь распорядиться своей собственностью.

— Какой собственностью?

— Квартира, машина. То, что по правам и по завещанию переходит к вам.

— О каком завещании вы говорите?

— О, вы еще не знаете, — голос на противоположном конце осекся и последовала тяжелая пауза, — Ваш бывший муж — Игорь Маренков погиб несколько дней назад.

Лада опустила руку с трубкой и пустым взглядом посмотрела вдаль в окно.

— Как это случилось? — спросила она, когда немного пришла в себя.

Адвокат Игоря все это время терпеливо ждал ее ответа.

— В море. Был шторм. Остальные ребята спаслись на шлюпках.

— Я приеду завтра. Мы сможем встретиться?

— Да, конечно.

Он назвал ей адрес адвокатской конторы и попросил перезвонить, когда она будет в городе. Влад смотрел на нее, с ужасом понимая смысл этого разговора. Лада убрала телефон и, не взглянув на него, стала складывать необходимые вещи в дорожную сумку.

— Я поеду с тобой, — сказал он.

— Нет, я еду одна, — у нее был такой тон, что он не решился оспаривать.

Она встретила с адвокатом сразу же, как приехала в город. Борис Петрович сказал, что о происшедшем она сможет узнать от Алексея — моряка с Рагнарека, он уже позвонил ему и попросил встретить ее в порту. Девушка в свою очередь сообщила, что собирается все продавать — эта единственная формальность, которая от нее требовалась, все остальное за вознаграждение должен был сделать сам адвокат.

Алексей сидел на скамейке и курил. Лада сразу узнала его по большой, бритой голове и потрепанной кожаной куртке, которую он носил девять месяцев в году. Он рассеянным взглядом скользнул по ней и чуть слышно поздоровался. Сплетни о том, что она сбежала с журналистом только недавно начали стихать. Она не стыдилась, но ей было это неприятно. Особенно теперь. Лада попросила рассказать о катастрофе.

— Мы с уловом возвращались в порт. А тут этот туман. Такое уже было как-то. Но тогда все обошлось. Страшный туман, ничего не видно. Дрейфовали два дня. Потом налетел шторм. Нас бросало и мотало из стороны в сторону. Судно дало течь. Игорь приказал ссаживаться на шлюпки. Одна уже отчалила, а на второй были я и пару наших ребят. Мы ждали его. Он закопался в каюте. Ему не хотелось бросать Рагнарек — это было видно. Потом, он уже стоял на палубе, собирался слезать. Но тут накатила волна. Она отцепила шлюпку и понесла от судна. Последнее, что мы видели — Рагнарек накренился, упал на бок. Нас оглушил такой дикий гул, как стон. Судно камнем на дно. Мы всю ночь плавали вокруг да около, пытаясь отыскать Игоря на воде. Но ничего.

Лада долго молчала, закрыв лицо руками. Потом она посмотрела на парня и внезапно протянула ему ключи от машины.

— Возьми его машину себе. Я знаю — он был бы рад.

— Нет, не стоит.

— Стоит. Я знаю, что делаю. Возьми, пожалуйста. Адвокат все оформил.

Алексей взял протянутые ключи и крепко сжал их в кулаке.

— Спасибо. Вы его хорошо знали.

Он ушел, а девушка осталась сидеть. Она с отчаянной злобой смотрела на море, серым горизонтом расстилающееся перед ней.

— Я тебя всегда ненавидела, — сказала она этой непроницаемой зыбкой стихии, — Правильно ненавидела. Но он почему-то тебя любил... и теперь это странно.

Море безмолвствовало. Оно пенилось, билось прибоем и раскачивало пришвартованные в доках суда. Чайки кружили над пристанью и пронзительно кричали. Их голоса терзали ее, звенели в голове, сливаясь с шумом волн, и вызывали дрожь, своей отчаянной грустью. Лада внезапно подумала, что Рагнарек больше никогда не вернется в порт, не будет ожидать капитана и моряков под дождем и под палящим солнцем, в бурю и штиль. Море ничего не возвращает; то что принадлежит ему — принадлежит навсегда.

На следующий день она вместе с Локки уже была дома. Влад встретил ее в аэропорту. Она молчала, а он боялся ее о чем-то спросить, боялся нарушить эту мрачную задумчивость. Он только сообщил, что решил взять отпуск и собирается пару недель поработать над статьями для журналов. Лада проигнорировала эту информацию и он так и не понял, она скорее хочет этого или нет.

Лада придерживалась своего привычного распорядка: ходила на свои уроки три раза в неделю, заезжала в магазин за продуктами, дома готовила, читала или смотрела телевизор.

Но все это делалось так, как будто это была вовсе не она, а ее клон или вообще посторонний человек. Она ни в чем не участвовала, она не о чем не задумывалась, жила по инерции и мыслила рефлексами: сон, отдых, работа, еда. Она мало разговаривала с мужем, предпочитая смотреть телевизор, но он замечал, что ее ничто не интересует и она смотрит не на экран, а в пустоту. Она не проронила ни одной слезы, ее лицо было ужасающе спокойно. Влад чувствовал ледяной холод внутри, когда смотрел на нее и эта внутренняя дрожь усугублялась, когда он начинал думать о том, что произошло. Он, конечно, ничего не мог написать. И он просто не хотел никуда выходить. Он ходил целый день по квартире, таская с собой кота и не забывая периодически зайти на кухню, чтобы подкормить его. Ему самому есть не хотелось и то, что готовила Лада часто приходилось выбрасывать нетронутым. Влад, хоть и любил собак, очень привязался к Локки, а кот, по-видимому, полюбил и нового хозяина и вскоре они стали создавать впечатление неразлучного тандема потому, что кот везде медленно следовал за Владом, когда тот его отпускал.

Вскоре Влад заметил, что Лада часто в течение дня прикладывает к бренди, которое хранила в серванте на кухне. Он стал приглядываться к ней. Ее привязанность к алкоголю постепенно возрастала. Она выпивала две рюмки с утра, в таком виде посещала занятия, добавляла за обедом, а вечером позволяла себе расслабиться по полной, выпивая пару стаканов. Через несколько дней, за которые он понял, что ничего не меняется, Влад начал с ней проводить беседу, пытаясь ее заставить отказаться от привычки. Но она каждый раз, когда он подходил к ней с таким разговором, резко обрывала его и отправляла погулять. Она не хотела, чтобы он не маячил у нее перед глазами. Влад начал переживать, что у него не хватает мужества резко прекратить все это. Он не мог убедить ее, она его просто не слушала. Она была душевно сильнее. Он пытался прятать бутылки, которые она приносила из супермаркета. Не находя их, Лада заказывала коньяк или виски через Интернет и через пару часов курьеры привозили ей новый заказ. Ее сервант не пустовал, там всегда было пару бутылок с крепким содержимым.

Через неделю наступил кризис. Влад знал, что это неизбежно, но уже ничего не мог предпринять. Он понял, что это должно произойти. Лада сидела с утра на кухне и пила свой коньяк. Сначала она пыталась закусывать салатами, печеньем и лимонами, но когда в холодильнике ничего не осталось, она продолжила пить его просто так. Влад метался по квартире, постоянно забегая к ней и не находил никакой реакции на свои слова. К полудню пустая бутылка уже стояла под столом, а Лада, с трудом моргая потяжелевшими веками, пыталась открыть новую. Влад услышал это, когда стоял в комнате и обдумывал, что делать. Он остановился перед ней, наблюдая, как она дрожащими руками наполняет свой стакан, потом резко выхватил бутылку и в упор посмотрел на нее. Лада ответила ему пристальным взглядом. Прошло несколько секунд, потом в ее лице что-то дрогнуло, мышцы свело, губы искривились, а глаза резко покраснели. Она начала рыдать. Она плакала громко, истерично, в диком реве обнажая белые зубы.

— Ты не смеешь! Отдай мне сюда!

— Я не могу! Ты не должна это делать!

— Кто ты, чтобы указывать мне? Ты понимаешь, что это моя вина? Я погубила Игоря. Из-за меня все это произошло, — слезы бешеным потоком струились по ее лицу, она утирала их кухонным полотенцем и пыталась дотянуться до бутылки, — И из-за тебя тоже. Ты же увез меня! Ты ворвался в мою жизнь. Лучше бы мне тебя никогда не видеть. Откуда ты взялся? Зачем ты испортил мою жизнь? Это ты виноват.

Ее черные глаза лихорадочно блестели в ореоле глубоких красных кругов. Влад слушал ее с замиранием сердца, он знал, что ей надо выговориться.

— Да, это ты виноват. Игоря не вернешь. Я его так любила! Какая же я подлая! Зачем я связалась с тобой? Вся эта связь — грех. На нас с тобой грех. Игорь был хорошим, умным. Он не стоил этой дрянной жизни. А я не стоила его. Я — подлая сучка.

Она снова потянулась за коньяком, но Влад отпустил бутылку. Стекло рассыпалось перед ее ногами, а коричневая жидкость вязкой лужей растеклась под столом.

— Как мне теперь жить? Скажи мне: как мне жить с этим? Скажи! — крикнула она ему.

Влад странно поглядел на нее и упал на колени прямо в эти осколки и разлитый коньяк.

— Я тоже буду жить с этим. Я тоже буду нести это с собой. Это моя вина. Мы нашей любовью сделали больно многим людям — Игорь, моя дочь, жена. Они не были достойны такой участи. Ты и представить себе не можешь, как мне жалко Игоря. Я ведь понимаю, что даже не буду пытаться сравняться с ним. Все, что произошло тяжело и неправильно!

Бутылочные осколки хрустели под его коленями, но он не менял положения и, казалось, вообще забыл где и в какой позе находится.

— Мы не сможем ничего исправить, Лада. Игоря не вернешь. Моя дочь вырастит без отца. Но мы же не могли иначе. Я слишком люблю тебя и я не мог тогда остановиться, хоть и знал, что поступаю неправильно. И я бы принес и другие жертвы, чтобы быть с тобой. Меня бы ничто не остановило.

Она, внезапно, поняла насколько он серьезен. Он любил ее до потери рассудка и скорее готов был потерять, что угодно в этой жизни, но не ее.

— Как же мы будем жить? Я виновата перед ним, ты понимаешь?

— Он тебя простил.

— Нет! За такое нельзя простить.

— Я бы тебя простил. Значит, он тоже простил. А он был хорошим парнем, настоящим мужчиной.

Лада обняла его. Когда он поднялся, она увидела что его джинсы порвались и из ран на коленях потекла кровь, но Влад этого даже не заметил. Он пристально смотрел на нее и в первый раз смог выдержать ее взгляд.

После этого тяжелого дня Лада, наконец, смирилась с тем, что произошло. Ей было по-прежнему больно думать о том, что Игоря нет, но она заставляла себя осознать это и не возвращаться к забытию, в которое она хотела впасть. Она не вернулась к беззаботности, теперь она обдумывала все то, что раньше казалось пустяками, а грустный отпечаток на ее лице вскоре сменился философской задумчивостью. Влад тоже не был весел и безразличен. После случившегося он постоянно выглядел утомленно и болезненно и Лада поняла, что все происшедшее оставило свой след и на нем.

На следующий день после объяснений на кухне, они отправились в Тверь к родителям Лады. Они уже так давно и настойчиво звали их к себе, что больше нельзя было откладывать.

Волга еще не покрылась льдом и торопливо несла свои темные, серые воды, пробегая под городскими мостами и заливая пологие берега. Деревья уже облетели, но снег еще не выпал. Это было идеальное время для изучения древней архитектуры по сохранившимся домам девятнадцатого-двадцатого веков. Они выстраивались в ряд и медленно старились под праздными взглядами, привыкших к ним горожан. Низкие трех-четырёх этажные

строения, за неприглядностью потрескавшейся штукатурки, скрывали красивые барельефы, выступы и узоры, обрамляющие окна или миниатюрные балконы. В одном из таких домов жили родители Лады. У них была трехкомнатная на втором этаже, по соседству на этой же площадке жила Вероника с мужем и недавно родившимся ребенком.

После того, как Лада с мужем перекусили и немного отдохнули, Вера Васильевна отправилась за младшей дочерью. Она должна была познакомиться с Владом, а Лада с племянником. Лада с утра была не в настроении. Она сидела за столом, уныло ковыряя вилкой сырник и запивая черным чаем. У нее было опухшее от слез и выпивки лицо; и эта опухлость делала ее старше и угрюмее. Но она была по-своему хороша даже при всех этих признаках нездоровой жизни. Осознавая ее болезненную непривлекательность, Влад все равно любовался ей. Он сам выглядел так, что сердце сжималось, глядя на эту трагическую гримасу на привлекательном лице. Темные круги почти скрыли его глаза, а светлая кожа стала бледно-желтой, такой же, как у его жены и от этого, казалось, что эта семейная пара подхватила какой-то вирус. Но было что-то особенное в тех взглядах, которыми они обменивались; в них читалась любовь. Любовь, в которую они верили и которую ценили.

Вероника зашла в комнату и поздоровалась с гостями. Она слегка кивнула сестре и пристально посмотрела на ее мужа. Ее взгляд задержался на нем дольше, чем следовало бы при первом знакомстве. «Сравнивает», — подумала Лада, с улыбкой глядя на сестру.

Влад с изумлением посмотрел на эту девушку: она будто была другой ипостасью Лады, той Ладой, которой нет, но которая могла бы быть при другом характере или мировоззрении. Вероника была такого же высокого роста, как сестра, но она была стройней и от этого казалась воздушной. У нее были такие же пепельно-золотистые, волнистые волосы, так что издали двух сестер трудно было отличить. Она была похожа на старшую сестру внешне, но черты ее лица были мягче, элегантнее и не такие яркие, как у Лады. У нее были такие же темные брови и густые черные ресницы, тот же разрез глаз — миндалевидный и раскосый, тот же прямой нос и полные губы. Цвет кожи — молочно-белый — больше подходил ее светлому образу, особенно выразительному благодаря серым глазам с прозрачным голубым оттенком. Но при всей внешней схожести сразу становилось понятно — они разные. И это различие проявлялось не в выражении лица, а в каком-то неуловимом тонком отпечатке, выделяющем каждую по-своему.

Вероника смотрела на Влада с нескрываемым пренебрежением и это было видно всем, кроме самого Влада, который не знал всей предыстории и не предполагал, что станет камнем преткновения. «Ребячество еще не кончилось», — подумала Лада, — «А ведь уже повзрослела. Ребенком обзавелась».

— Как назвали малыша? — спросила она, разглядывая кулек на руках у матери, недавно ставшей бабушкой. Он ее не умилил и она стыдилась показать это.

— Это Игорь, — ответила Вероника, в упор глядя на Ладу.

Влад поджал губу и с испугом посмотрел на жену. Ее губы дрогнули, но лицо осталось непроницаемым, она ответила сестре спокойным ровным взглядом. Этот молчаливый поединок между сестрами прервал Андрей Павлович, сообщивший, что из университета вернулся муж Вероники — Константин и они скоро сядут за праздничный ужин.

За столом разговор крутился вокруг всех насущных проблем; Лада рассказывала о ремонте в новой квартире, ее родители об изменениях в связи с появлением внука, Костик о будущем дипломе, а Вероника о том, как пытается выкрутиться, не выходя в академический отпуск. Влад молчал. Он выпил, чтобы поддержать компанию две рюмки водки и теперь у

него кружилась голова и он никак не мог сконцентрироваться на разговоре.

Лада знала историю отношений сестры и ее мужа и теперь с интересом присматривалась к молодой паре. Они были ровесниками, полюбили друг друга еще на первом курсе и вот, в какой-то момент, из-за всей этой дружбы возникла необходимость брака. Они были слишком молоды, чтобы правильно понимать само слово «брак» и не производили впечатление людей желающих узнать все его преимущества и недостатки. «И как мама с папой рискнули на это мероприятие», — думала Лада, — «Неужели все было слишком запущено? Неужели нельзя было выкрутиться?»

— Влад, а вы почему молчите? Поделитесь чем-нибудь интересным, — сказала Вероника, несколько нагло впоглядывая на мужа сестры, — Вы же, вроде как, журналист, а не молчаливый дорожный рабочий. Болтливость должна быть, так сказать, вашим профессиональным талантом.

Это обращение создало неловкую паузу за столом, во время которой все переглядывались друг с другом, не понимая намерений Вероники. Влад понял ее вызов, но улыбнулся своей естественной улыбкой и, пожав плечами, сказал:

— Знаете, мне удалось повидать столько интересного благодаря профессии, что вечера не хватит рассказывать. Если хотите...

— Сделайте одолжение. Что самое красивое, что вы встречали?

— Мне очень понравилось на Камчатке, Байкал зимой — захватывающее зрелище.

— Как-то неинтересно. Что самое красивое? — не унималась Вероника.

— Моя жена. Природа — это на любителя, — кратко ответил Влад.

Сестры переглянулись. Лада медленно перевела взгляд на Костика и почти незаметно подмигнула ему. Молодой парень покраснел и стал бросать на нее отрывистые, полуоткровенные взгляды через весь стол. Заметив это, Вероника прикусила губу.

— А вам каждая встречная женщина кажется красивой? Первая жена, например, тоже была красивой? — продолжала она.

— Она была молодой, веселой девушкой. Ее, почему-то, всегда хотелось жалеть.

— Хорошо вы ее пожалели — бросив с ребенком.

— Да, я согласен — это было нехорошо. Но я не мог ничего сделать, я люблю Ладу и готов согрешить еще, чтобы оставаться с ней.

Вероника посмотрела на него и покраснела, она не подозревала, что человек мог быть настолько откровенным, чтобы не пытаться дипломатично уйти от скользкой темы.

— Давайте выпьем за эти две прекрасные молодые семьи, — поднял тост Андрей Павлович и прервал младшую дочь.

Вечером Ладу с мужем решили оставить ночевать в соседней квартире, а сама Вероника с Константином и ребенком должны были спать в квартире родителей, чтобы Вера Васильевна могла помогать утомленной ночными дежурствами дочери.

Лада сидела за письменным столом сестры и, положив голову на руки, думала о прошедшем вечере. Влад спал так крепко, что она даже не боялась разбудить его шумом или ярким светом. Она выдвинула ящик стола и заглянула внутрь: здесь были по-видимому самые «дорогие» вещи сестры — какие-то блокнотики с интимными записями, открытки и вырезки из журналов. Она поворошила рукой в кипе этой макулатуры и, внезапно, увидела знакомую фотографию. Этот снимок был сделан в ее медовый месяц в Швеции; Лада с Игорем стояли на фоне гор, у нее была голубая вязаная шапочка из-под которой выбивались взъерошенные ветром волосы, а Игорь улыбался, придерживая рукой горнолыжные очки.

«Это уже перебор», — подумала Лада, — «Хорошо, что она меня не обрезала. А ведь это единственная фотография с Игорем, которую я им давала. Да, сестренка не повзрослела. К чему такая заикленность, ведь он всегда общался с ней, как с ребенком и представить себе не мог, что она влюблена в него, как женщина. Почему эта подростковая болезнь никак не пройдет? Мне надо поговорить с ней».

Открывая входную дверь, она увидела сестру, выходящую из соседней квартиры.

— Еще не спишь? Я хотела поговорить, — сказала Вероника.

Они остановились у лестничного пролета и обе долго смотрели друг на друга.

— У тебя красивый муж, — произнесла Вероника, опираясь на лестничные перила.

— Да. А у тебя еще совсем молодой.

— Знаю: нам будет трудно.

Лада некоторое время молчала, собираясь с духом — было непросто сказать то, что она должна была.

— Послушай, я должна сказать тебе одну очень важную, горькую новость — Игорь погиб. Был шторм, судно затонуло...

Сестра не посмотрела на нее, но громко сглотнула комок, подступивший к горлу. Лада ожидала, что она набросится на нее с причитаниями и упреками, но та молчала. Внезапно, Вероника обернулась к ней и обняла ее.

— Тебе не стоит переживать — он, наверно, простил тебя.

— Я бы не хотела говорить об этом, — Лада немного отстранилась.

— Ты всегда не хотела говорить со мной о нем, — внезапно, воскликнула сестра.

— А зачем? Прости, но какое ты имеешь к нему отношение?

— Ух, как я ненавижу эту эгоистичность в тебе, — выпалила Вероника.

— Зачем ты дразнила Влада? Он тебе дорогу перешел?

— Он... он — твоя шавка. Вы подходите друг другу, это видно. Сам по себе, он не дурен, но рядом с тобой становится умалишенным. Как ты это делаешь, а? Почему все мужики у тебя как марионетки? И снова ты лакомый кусок отхватила, только гляди чтобы он совсем не свихнулся рядом с тобой.

Лада молча взглянула на нее, взяла ее руку и вложила ключи от квартиры.

— Скажешь родителям, что мы уехали рано утром и извинишься.

Вероника стояла на лестничной площадке, когда Лада и Влад вышли из квартиры со своими вещами. Влад попрощался и спустился вниз, а Лада задержалась.

— Мне жаль тебя. Ты задерживаешься в своем развитии. Мой совет: следи за мужем — он у тебя не марионетка и свободно смотрит в разные стороны. А у тебя теперь нет выбора, — сказала она сестре и, не дожидаясь ответа, последовала за мужем.

«Видно не дано мне быть с ней в хороших отношениях», — вздохнула Лада, садясь за руль, — «Ну, не дано и не надо».

Она улыбнулась и посмотрела на Влада, который уперся головой в стекло и заспано смотрел на дорогу. Девушка интуитивно чувствовала, что он все понял без объяснений и не собирается обсуждать ее сестру и спрашивать у нее какие-то подробности. Он догадался, что в свое время так кардинально оттолкнуло сестер друг от друга и осознал, что у этой проблемы нет простых решений.

4

Но оказалось, что не только среди родственников Лады нашелся человек, чувствующий такое резкое раздражение от их брака. Влад с тупым упрямством хотел познакомить свою дочь с женой. Ей самой эта идея не нравилась, но она не могла обидеть его отцовских чувств и согласилась пригласить девочку к ним, тем более, что наконец, появилась возможность: они уже не жили на съемной квартире и теперь имели достаточно средств. Влад решил взять девочку к себе на несколько дней на новогодние праздники; он хотел поводить ее по разным развлекательным шоу для детей, типа цирка и какого-нибудь представления на льду. К их приезду Лада приготовила праздничный ужин из котлет с пюре, домашних пирожных, конфет и лимонада. Она чувствовала себя неловко, совершенно не представляя как общаться с ребенком

Маша оказалась непохожей на отца. Она была коренастой, с широким лицом и длинными, курчавыми рыжими волосами. Глаза напоминали глаза ее матери: голубые, с тенью постоянной обиды; а короткий веснушчатый носик был далек от ровного носа ее отца. Конечно, с возрастом в ней могли проявиться его черты, но пока не было ни намека на их близкое родство. Девочка начала игнорировать Ладу с самого начала; она не отвечала на ее вопросы, ничего не брала из ее рук и вела себя на грани между наглостью и вызовом. Ребенку было всего семь лет и от нее, конечно, не приходилось ждать взрослой сдержанности и ясного понимания происходящего. Она понукала отцом, просила сделать его то одно то другое, постоянно меняя пожелания, и нервно требовала внимания. Лада просидела весь этот вечер, скрипя зубами и стараясь абстрагироваться от ребенка и отца, но у нее это не получалось, так как Влад ежеминутно вовлекал ее в это общение. Когда он оставил их наедине на несколько минут, Маша воспользовалась своей возможностью высказать Ладе все, что она о ней думает. Вернувшись, он нашел дочь в истерике топающую ногами, а жену еле сдерживающуюся от приступа хохота.

— Она назвала меня ведьмой и еще кем-то кого я не разобрала, — пояснила Лада.

Маша начала настойчиво повторять все эти прозвища, занудно подвизгивая детским голоском. Влад успокоил обеих и предложил дочери пойти спать.

Под конец пребывания девочки у них дома, перед отъездом, Лада тихо сказала мужу:

— Я радуюсь твоему общению с дочерью, но в следующий раз, когда будешь брать ее сюда, заранее предупреди меня — я поживу на даче.

Влад молча кивнул. Он сам понимал, что из его плана ничего не вышло и не стоило даже пытаться склеить воедино фрагменты своей запутанной жизни.

Весной в жизни Лады объявился Роман — ее первый парень, сын друзей родителей и жених с первого класса. Она на протяжении долгого времени не меняла номер мобильного телефона и он нашел ее, просто позвонив по знакомому телефону. Лада предложила встретиться и выпить по чашке кофе в кафе, она не видела его больше пяти лет и знала о нем, только по обрывочным слухам от родителей. В последний раз, когда она встречалась с ним, весь его вид вызывал зубную боль и она мечтала поскорее завершить эти отношения. Но теперь, как ни странно, ей захотелось взглянуть на него и узнать, чем он живет. Он, по

видимому, почувствовал тоже самое раз удивил ее этим внезапным звонком и желанием увидеться.

Роман опоздал, так что к моменту его появления Лада уже выпила две чашки крепкого эспрессо. Она сразу узнала его, хотя с удивлением обнаружила, что он возмужал и стал выглядеть серьезней. Роман был немного выше самой Лады, он поддерживал хорошую форму постоянными занятиями в фитнес клубе. Ладу не поразила эта мышечная масса, она знала, что он делает это ради ролей и имиджа, и в этом было так мало от здорового спорта и настоящей мужской силы. У него было симпатичное скуластое лицо, нос с небольшой горбинкой и выразительные голубые глаза; весь этот образ дополнялся вьющимися светлорусыми волосами средней длины. Роман со своей стороны не без зависти отметил, что она не изменилась внешне и выглядела той же молодой эффектной девушкой, хотя теперь у нее появилось что-то другое во взгляде.

— Ну, как ты, рассказывай, — начал он, — Слышал, недавно вернулась из Калининграда. Не понравилось там что ли?

— Мне нравится везде. Но потом, я быстро остываю и намечаю для себя что-то новое. А ты сейчас все больше в сериалах снимаешься, из театра ушел?

— Там надо сильно выкладываться. Сниматься в сериалах выгодно хотя бы потому, что популярность приходит быстрее. Ну, и в рекламе тоже. Больше платят и напряга меньше.

Лада постаралась сдержать ухмылку: она видела его в нескольких проходных фильмах. У него были незначительные роли каких-то туповатых придурков, постоянно греющих задницу в солярии и растягивающих слова.

— Да, театр искусство другого рода.

— Театр еще впереди. А пока, кино дает больше преимуществ.

Лада засмотрелась куда-то поверх его плеча и Роман обернулся, но не найдя того, что могло бы ее заинтересовать, отвернулся и продолжал рассказывать об исполненных ролях. Девушка слушала его, с интересом разглядывая только что вошедших посетителей — в них она узнала Олега и его новую девушку. Они сели за столик в противоположном конце зала и начали изучать меню. Олег заметил ее, как она догадалась, и теперь ее мучил вопрос — скажет ли он брату, что видел ее с каким-то парнем. Она не боялась этого, но ей была настолько интересна психология поведения мужчин, а в данном случае Олега и Влада, после того как он это узнает, что она даже была готова спросить об этом у Олега напрямую. Но, поразмыслив, она никуда не пошла, а осталась на месте и просто разглядывала новую подружку брата мужа. Это была миниатюрная темная девушка в очках. Она выглядела, как типичный сотрудник того предприятия, где работал Олег — НИИ при Минобороны, отдел Олега занимался компьютерными разработками. Они мило беседовали, а Олег исподтишка поглядывал на Ладу и ее спутника.

Роман вошел в кураж и его понесло в профессиональные дебри, он начал рассказывать о том, что даже его возможным поклонникам было бы неинтересно слышать, но Лада не перебивала его, обдумывая что-то свое. Она смотрела на него и в этой улыбке, в мимике и жестах, видела того самого Ромку — своего первого парня, покоряющего девушек одной улыбкой. Она подумала, что ему обязана тем, что возможно никогда не сможет иметь детей... Он все говорил, а ее мысли возвращались в то время, когда им было по семнадцать. Ведь они помнят друг друга с самого раннего детства. Родители дружили еще до рождения детей. До десяти лет Рома проживал в Твери, но переехав в Москву, он не перестал общаться с ней: дети играли вместе, когда родителям удавалось встречаться на даче или у кого-нибудь

в гостях. Им всегда было весело и они были лучшими друзьями. Когда Лада приехала в Москву поступать в институт, Роман был единственным кого она близко знала в этом городе, и он со всей серьезностью начал обучать ее взрослой жизни. Он звал ее на вечеринки, они ночами просиживали в клубах и еле приволакивали ноги под утро домой, но это было тоже весело... У него были девушки до нее и он имел опыт отношений, поэтому ему удалось привязать ее к себе. Родители снимали для Лады квартиру в центре Москвы и, когда их отношения уже не получалось скрывать, он несколько раз пытался переехать к ней и жил у нее по две недели, каждый раз убегая домой от ее жуткого характера и постоянных ссор. На третьем курсе все зашло слишком далеко, но Лада ни секунды не сомневалась, что будет делать аборт. С этого момента веселье кончилось и наступила взрослая жизнь. Роман предлагал все рассказать родителям, обвинял ее в неосторожности и постоянно плакался. Лада категорически запретила ему что-либо говорить родным. Она нашла денег и сама, одна пошла делать операцию. Ей до сих пор становилось жутко холодно от воспоминаний о том дне. С утра кружила метель, сыпал густой снег. Девушка отчетливо запомнила те ощущения: боль, подкашивающиеся ноги, слабость, тяжелая голова и рябь перед глазами. Она сидела на автобусной остановке, не в силах встать и поймать такси или сесть в троллейбус. Ее заметал снег и она не чувствовала своего тела; она дрожала от холода, а ноги будто горели в огне. Лада просидела так больше двух часов, потом собралась с силами и доехала домой (она уже жила в своей квартире). Отогревшись и перекусив, она стала обдумывать случившееся и поняла, что что-то пошло не так. Но у нее изначально не было выбора и она не винила себя в глупости или слабости. Она отлежалась и выздоровела, но в отношениях с Романом произошел надлом. Лада и раньше знала, что он изменяет ей, но не могла его поймать на этом или докопаться правды от него самого. Он все скрывал и отвечал, что по-прежнему любит ее. Вполне возможно, что это действительно была правда, потому что Лада всегда сильно влекла его. Отношения кончились бы сами по себе, если бы Игорь не ускорил этот процесс, а Лада, наконец, вздохнула свободно — к тому моменту бывший самый лучший друг был ей уже неприятен и она до отвращения устала от него.

Припомнив все это теперь, Лада вспомнила и свое неприятие и оскомины. Сейчас она не чувствовала к этому человеку ничего. Он был для нее чужой и был более чем скучен и неинтересен. Девушка начала сожалеть, что согласилась на эту встречу. Что она хотела узнать, кого найти, зачем ей это нужно теперь? Она сама удивлялась. Но Роман продолжал что-то болтать и она из вежливости к детской памяти не могла прервать его.

Олег и его новая девушка уже смаковали десерт, когда Лада и Рома поднялись со своих мест. Проходя мимо их столика, Лада взглянула на Олега и подмигнула ему. Он удивленно посмотрел ей вслед, застыв в одной позе с поднятой чашкой чая. Лада подумала, что у них не самое веселое общение — выражение лица Олега выдавало крайнюю скуку.

Роман подвез ее домой и попрощался, выразив надежду снова как-нибудь встретиться. Лада ответила уклончиво, но натянутой улыбкой дала понять, что не в восторге от подобной перспективы. Вечером она уже забыла про Романа и даже с трудом вспоминала, о чем они проболтали целых два часа. Но сам Рома, по-видимому, был совершенно серьезен в своем желании увидеть ее снова. Через пару дней, он оказался у дверей ее квартиры с бутылкой дорогого коньяка, тортиком и самой сладкой улыбкой. Влада дома не было. Лада скучала за телевизором с тарелкой овощного салата. Она сначала раздумывала стоит ли приглашать Рому домой или сразу развернуть его на сто восемьдесят градусов, но когда заметила торт и коньяк передумала и, проводив его на кухню, побежала за бокалами к серванту.

— Неплохо живешь, — отметил Рома, разглядывая квартиру.

— Весь проект дизайна мой.

— Отлично. Со вкусом. И не банально. Но...

— Но ты любишь больше хай-тэк, — закончила его фразу Лада.

— Да нет. Почему ты так подумала?

— Все мужчины любят хай-тэк.

— Нет, я от этого стиля не в восторге. Слишком просто. Мне нравится ампир. Ты здесь слегка до него не дотянула. А хай-тэк мне никогда не нравился.

Лада хотела ответить колкостью тут же пришедшей на ум, но сдержалась и только усмехнулась. Всем мужчинам нравится хай-тек, а ему нет. Одно из двух: или он врет, или он не мужчина.

Они сели за стол и Роман, открыв бутылку, разлил коньяк по бокалам.

— А помнишь, как нас поймали менты, когда мы пили водку в полночь в сквере и как мы просидели всю ночь в вытрезвителе?

Он вспомнил случай, про который Лада хотела бы забыть; ей и теперь было до ужаса стыдно, но Роман расценивал случившееся, как приключение.

— Да, уж. Ты меня научил жизни тогда.

— А ты и сама была не промах. Помнишь, как опохмелившись пошла на защиту диплома?

— Слушай, хватит выискивать этот бред из прошлого. Сейчас я бы так не поступила.

— Да, ладно. Я же вижу — ты все та же. Любительница ездить сзади без шлема на «взятом прокатиться» мотоцикле, когда у меня даже не было водительских прав. Я сам тогда боялся, а ты нет. Или когда мы с моими друзьями-придурками устроили соревнование: кто сможет перебежать Ленинградское шоссе туда и обратно, поздно вечером, когда была куча несущихся машин. Помню, туда ты перебежала, а обратно не получилось — у тебя сдали нервы. И мы перлись до пешеходного перехода: ты с одной стороны дороги, а мы с другой.

«Зато после того, как мы расстались ты от детских шалостей перешел к шалостям повзрослому», — подумала Лада, припоминая последние сплетни про своего бывшего парня.

— Ты лучше расскажи, как попался под милицейскую облаву с пакетиком конопли в баре, — сказала она.

— А, да это скучно. Я доказал, что наркотик для личного использования и я не собирался им торговать.

— И после этого случая ты завязал?

— Да, торговать, — Рома засмеялся.

Через час бутылка опустела и Лада вытатила бренди из своих запасов. Разговор оживился и Роман уже не был ей настолько неприятен. Теперь он был ей близок почти как... какая-нибудь подружка, которую она знала с первого класса. С ним можно было говорить о чем угодно: он воспринимал ее истории, как новости из информационной передачи, а не душещипательные сетования друга, которому нужно выговориться. Хотя, чем больше он выпивал, тем с большим пристрастием начинал смотреть на свою бывшую подружку, временами в его словах проскальзывала наглость. Поняв куда его клонит, Лада стала обдумывать как бы его выпроводить. Раздавшийся у входной двери шум, ее успокоил: ей самой не придется выталкивать его из квартиры.

— А, твой муж, наверно, идет, — пробормотал Рома, цепляясь рукой за горлышко бутылки, чтобы не упала голова, — Последняя наша встреча была ой как не дружелюбной...

Он мне открыл глаза — оказывается, я тебе надоел и ты бы раньше рассталась со мной. Это так?

— Какая теперь разница?

— Нет, скажи мне. Я тогда нагло повел себя с ним, сейчас начинаю бояться. Он, что был прав? Ох, не встречаться бы мне с ним здесь и сейчас.

Влад зашел к ним в гостиную и удивленно посмотрел на обоих, остановившись перед столом заставленным бутылками и стаканами.

— А это кто? — изумленно протянул Рома.

— Аналогично, хотел бы узнать.

— Роман — мой первый парень, а Влад — мой муж.

— Муж? — удивлению Ромы не было предела: он вытаращил глаза и изумленным взглядом посмотрел на Ладу, — Да, за пять лет многое изменилось. А ты, оказывается, шлюха.

— Ты следи, что говоришь, — сказал ему Влад, — Проводить до двери?

— Не, я как-нибудь сам, — Роман попытался встать, хватаясь за края стола, но не удержался и упал на свой стул, — Ну, чуваки... Лада, а почему бы нам с тобой снова, а...?

Казалось появление Влада не то, что испугало, а совсем наоборот раззадорило его и, больше не сдерживаясь в своих выражениях, Роман стал высказывать все, что приходило на ум.

— Да, тот твой муж, конечно, меня зашугал и я думал: вот сейчас опять с ним встречусь. Не довелось, а у тебя уже новый муж. Моя бывшая подружка — веселенькая шлюшка.

Лада усмехнулась и посмотрела на Влада — сколько еще он будет ждать перед тем, как выкинуть этого парня на улицу? Но она с удивлением заметила, что поведение Ромы совершенно не злит ее мужа, скорее наоборот — он смотрел на подвыпившего парня сочувствующим взглядом и даже не собирался реагировать на его провоцирующие слова и пьяные выходки.

— Да, парень, ты знаешь — у тебя такая жена. Вот так. Каково быть ее мужем? Знают все — моей жене нужна...

Он срифмовал последнее слово с матерным ругательством и сам засмеялся от своей выдумки.

— Влад, да выгонишь ты его, в конце концов? — воскликнула Лада, удивленно глядя на него.

— Он свалится где-нибудь на улице. Я, пожалуй, отвезу его домой. Нельзя же его так отпускать.

От этого предложения Лада осталась еще больше ошарашенной, чем сам Роман, который уже начал ползком пробираться к двери. Влад помог ему подняться и, придерживая его за руку, повел к выходу.

— Где живешь?

— На Крылатской.

За ними захлопнулась дверь, а Лада продолжала сидеть на своем месте, раздумывая над поведением Влада. Ей было стыдно за него; она настойчиво хотела, чтобы он помог Роману посчитать ступеньки у них в подъезде или хотя бы просто пару раз дал ему по роже. Но, Влад решил поступить по-своему и она понимала, что такой поступок больше в его стиле, чем обыкновенное мужское желание разобраться до подбитого глаза или выбитых зубов. Лада догадывалась, какое чувство Ромы настойчиво требовало напроситься на веселенькую драку

— он хотел отомстить за тот случай, когда Игорь припугнул его, чтобы он расстался с ней; конечно, он поспешил бы уйти, если бы в комнату зашел ее первый муж, но, так как это оказался Влад, со свойственным ему чересчур интеллигентным выражением лица человека привыкшего не давать сдачи, то Роман решил не сдерживаться. Тем более, что надо было каким-то образом реабилитироваться перед бывшей девушкой, которая когда-то давно думала, что он никому не уступает.

Когда Влад вернулся через полчаса, Лада с гневом накинулась на него:

— Что за... за... за гуманизм! Ты почему не врезал ему?

— Во-первых, потому что он был настолько пьян, что не стоял на ногах.

— А во-вторых, потому что он, даже в пьяном угаре, мог бы тебя уложить в два приема, а ты продолжал бы что-то невнятно мямлить и позорить меня!

Влад прикусил губу и отвернулся, чтобы не смотреть на нее. Он не хотел рассмеяться при ней.

— Почему ты не выволок его на улицу и не отправил домой пинком?!

— Слушай, с ним могло что-нибудь произойти. Нельзя было просто так отпускать его.

— Ты не знаешь, в каком состоянии мы таскались по городу и с нами ничего не происходило?!

— Так вот откуда все тянется...

— Что?

— Твое пьянство.

— Речь сейчас не об этом, — Лада в азарте даже с силой топнула ногой, — Он тебя провоцировал. Игорь сразу вышвырнул бы его из квартиры.

— Я — не Игорь. Я тебе объяснил уже: он был настолько пьян, что с ним было бесполезно разговаривать и еще более бесполезно что-то доказывать кулаками.

— Ты — жалкая, трусливая свинья. Мне... мне обидно и за себя и за тебя.

Спор закончился и они разошлись по разным комнатам. Лада ушла в спальню, а Влад остался на кухне, чтобы поужинать.

Лада вернулась с работы немного раздраженной: в школе отмечали великое мероприятие — последний звонок, с утра по коридорам бегали перекрашенные старшеклассницы, а учителя не скрывали своего ажиотажа в предвкушении праздничного стола. Лада никогда не любила эту предпраздничную шумиху, пафосные пожелания и напутствия в актовом зале и совместный фуршет с физруком и учителем ОБЖ, которые напившись непременно захотят поближе познакомиться со спецификой своего предмета.

Она заметила, что Влад даже не обратил на нее внимания, когда она зашла. Он сидел за столом, погружившись в какие-то документы, и периодически прибегал к помощи калькулятора, который держал под рукой.

— С каких это пор ты считать научился? — спросила она.

— Да вот, как деньги появились возникла такая надобность.

— В чем дело?

— Помнишь, я скопил небольшую сумму? Так вот, я думаю положить их в банк под процент. Я подсчитал, что если оплачу ими ипотечный кредит, то ставку по нему мне все равно не снизят, а если я буду снимать с них проценты в банке, то смогу ими частично рассчитываться за квартиру.

Лада некоторое время удивленно смотрела на него, не веря своим ушам. Чтобы Влад

заялся планированием бюджета и даже пытался высчитать выгоду — этого она не могла представить даже во сне! Между тем, он настолько погрузился в свои вычисления, что даже не заметил, как удивил ее.

— Кстати, едешь со мной в Германию?

— Вообще-то, не собиралась. А что там будет интересного?

— Мне нужно сделать репортаж про то, как наши гонщики-любители выступят в заезде на Северной петле Нюрбургринга. Со мной едут еще один наш журналист — мой товариш Сережа и оператор. Будет жарко. Мы делаем большие ставки на нашу команду.

— В качестве гонщика я бы поехала, а в качестве приложения к тебе — не очень хочется.

— Жаль. Я хотел, чтобы ты тоже поехала. Будешь хотя бы смотреть прямую трансляцию на нашем канале?

— А ты будешь во время комментариев громко и нецензурно выражаться?

— Конечно.

— Тогда буду смотреть.

Влад рассмеялся и, резко отшвырнув кипу документов, подошел к ней. Она улыбнулась и обняла его.

5

Лада с утра начала готовиться к передаче о гонках в Германии, заранее ожидая от Влада его обычных двусмысленных шуток в запале спортивного азарта. Она прикупила на рынке фруктов и мороженого, поставила охлаждаться бутылку шампанского и заказала домой пиццу. Ближе к вечеру она внезапно вспомнила то о чем просил ее Влад: пригласить Олега и вместе с ним смотреть трансляцию. Лада уныло выдохнула: конечно, ей тоже очень жаль, что Олег расстался с этой своей новой девушкой, но это не значит, что Влад должен вешать брата ей на шею; ей не хочется быть чьей-то жилеткой и специально проводить с этим человеком время, чтобы он не вспоминал свои утомительно-печальные истории расставаний. Хотя Влад и предлагал ему тоже поехать в Германию, Олег отказался. Он оказался более расстроенным из-за последних событий, чем можно было ожидать, он ни с кем не общался и почти две недели никуда не ходил, специально выпросив отпуск на работе. Лада и рада была отказаться и не приглашать Олега, но в последний момент вспомнила про свое шампанское и закуски, которые пойдут лучше в компании, и решила проявить участие.

— Олег, не хотела нарушать идиллию твоего одиночества, но, в общем, приходи сегодня ко мне смотреть передачу, — прощепетала она в трубку.

— Спасибо, Лада. Не стоит меня вытаскивать. Вы за меня не переживайте. Сделай для меня запись, я потом посмотрю.

Воспоминания о бутылке, уже покрывшейся морозной испариной, бередили ее мозг и девушка, стиснув зубы, продолжала:

— Ты меня подводишь. Я ведь обещала Владу. Как ты можешь пропустить его репортаж? Ты же знаешь, он тебе потом полгода это будет припоминать. Давай, чтобы я тебя не уговаривала, хорошо?

— Ладно.

Она почувствовала, что он в этот момент улыбается.

Он пришел под вечер, притащив с собой большую коробку восточных сладостей купленных по дороге в ресторане. Уже на пороге он услышал шум телевизора, гремящего на

всю квартиру. Лада провела его в гостиную, где был накрыт праздничный стол. Олег сел на диван, а она устроилась в кресле с другой стороны стола.

— Ну, что там у тебя произошло с твоей девушкой, делись, — без лишних вступлений спросила она.

Лада с самого начала заметила, что Олег выглядит болезненно, и удивлялась, почему он так долго не может оправиться. Он немного похудел и стал казаться выше, нестриженные волосы густой копной спускались по вискам, а небритость, придавшая его лицу изысканность, подчеркнула его сходство с братом, хотя с первого взгляда они не были похожи ни в чем.

— Да, все как обычно бывает в таких случаях, — Олег не удивился ее вопросу, он знал, что сам того не желая, перепугал всю семью своим занудным отношением к произошедшему, — Встречались, ходили в клубы и кино, в общем — нормально, а потом, ни с того ни с сего, переметнулась к моему сотруднику.

— Эта та самая девушка, которую я видела с тобой в кафе?

Олег, внезапно, покраснел, вспомнив тот случай. Он по-прежнему придерживался своей привычки и не смотрел Ладе в глаза, глядя куда-то в сторону или поверх ее головы, а после ее вопроса, вообще, сник и стал смотреть на обивку дивана.

— Да. Это Люба.

— Тебе она видно сильно нравилась? Так вот: ничего в ней нет такого, чтобы из-за расставания с ней так усиленно переживать. А то, что она выбрала другого, тебе на пользу, а ему во вред. Найдешь себе девушку покруче.

— Просто все странно — почему она сначала выбрала меня, а потом ушла к этому парню?

— Не морочь себе голову этими вопросами. Она ушла, предчувствуя, что ты ее собираешься бросить.

— Но я не собирался!

— А ей так показалось. Женщины чувствительнее.

— Так может быть, сказать ей, что она ошибается. Я не собирался рвать с ней отношения!

— Допустим, ты это скажешь, а она вернется к тебе. А она тебе нужна после этого парня, твоего сотрудника?!

Олег задумался, а Лада закусил губу, чтобы невзначай не улыбнуться и не выдать себя. Она давно знала — мужчины податливы и им можно внушить все, что угодно.

— Да, все запутанно.

— Ты самого себя спроси: а встречал ли я девушку, с которой был бы готов прожить всю жизнь на необитаемом острове? Сомневаюсь, что ответишь утвердительно. Таковую ты пока не встретил. Не трави себе душу и не растрачивай себя попусту. Просто будь внимателен и не упusti нужного момента.

— Все это правильно, но как я пойму: вот он — момент?

Лада сама не знала, как это должно было произойти потому, что жила совершенно по другим правилам, полагаясь на случай и плывя по течению. Но в данной ситуации ей надо было утешить парня и она старалась говорить доходчиво и разумно, не имея понятия о том, как все это происходит в действительности.

— Ты это поймешь сразу, как прекратишь задавать себе вопросы. Тебе уже будут не нужны никакие ответы. Слушай за это нужно выпить. Пойду за солидным напитком.

Отставив полупустую бутылку шампанского, они переключились на водку, которая хорошо заиграла в сочетании с салатом из фруктов.

На экране мелькали низкие спортивные машины и серпантины глянцевой дороги Нордшляйфе, визг колес заглушался голосом журналиста, который шутил и по ходу репортажа бросался смешными эпитетами, но Лада и Олег разговорились и уже не смотрели передачу и не восхищались остротами Влада.

Олег заметно оживился; он уже не казался расстроенным, и немного раскрепостился в присутствии жены брата. Чувствуя, что в ней погибает замечательный психолог, Лада продолжала сыпать своими умозаключениями по поводу отношений Олега с его бывшей девушкой, ее поведения и мужского соперничества, а также коснулась щекотливых вопросов о разнице восприятия у мужчин и женщин.

— Ни в коем случае нельзя говорить, что все женщины похожи. Мы разные. Я терпеть не могу, когда мудреные «якобы» психологи говорят, что женщины с Венеры, а мужчины с Марса. Все люди разные и у каждого своя планета. Ну, вот скажи хотя бы: я похожа на твоих бывших девушек?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты — нет. Но некоторые из них между собой в чем-то похожи.

— А, ну так мы все имеем что-то общее. В тебе, например, я вижу кое-какие качества от моего бывшего мужа, но в тоже время у тебя есть какие-то черты Влада.

— Интересно и что бы они делали на моем месте?

— Мой первый муж — ломал мебель и катался на машине спьяну. А Влад... не знаю... тебе виднее. Наверно, таскался бы за этой девушкой и хватал ее за край юбки, ломая руки и бормоча что-то слезливое. Я права? Как ты думаешь. Или он ушел бы в себя и поехал к монахам в Тибет?

— Не знаю, — Олег рассмеялся, представив картину, как Влад пытается схватить свою девушку за край юбки и задержать, но она вырывается, — Когда от него ушла Ирина, оставив с ним дочь, он ничего такого не пытался сделать. Он ее уже тогда не любил. Потому что если бы любил, постарался бы удержать. Но если это будешь ты... Вряд ли тибетские монахи с их философией смогут ему помочь в таком случае. Думаю, все кончится крайне плохо: выпивать и дебоширить он точно не будет. Скорее всего убьет всех троих разом. Или хотя нет. Убьет конкурента и себя. Тебя он пожалеет.

— Почему?

— В тебе есть цельное зерно, какой-то здравый смысл. А у него не жизнь — а сплошные метания.

— Странно, я думала это у меня жизнь — череда нелепостей.

Лада почувствовала на себе его удивленный взгляд. Когда она посмотрела на него, он смущенно отвернулся. Ей слишком хорошо был знаком этот взгляд — такой же она часто видела у Влада; взгляд, который что-то таит и скрывает, но и одновременно слишком понятный, чтобы быть двусмысленным или неоткровенным. Олег долго не поднимал головы, боясь еще чем-нибудь себя выдать. Заметив его неловкое положение, Лада наполнила свой и его бокал остатками шампанского, подложила ему еще мороженого и печенья и сделала вид, что переключила внимание на экран телевизора, продолжая краем глаза наблюдать за ним. Олег залпом выпил свою порцию и сунул в рот печенье целиком, так что крошки посыпались на пол и на диван.

— О, ну что ты со мной делаешь!?! — воскликнула Лада, — Я так люблю этот диван,

здесь на замшевой обивке теперь останутся жирные следы.

Она наклонилась к нему и стала стряхивать кусочки печенья. Олег вытянулся в струну, прижавшись к спинке дивана; он широко раздвинул ноги, боясь, что она дотронется до его бедра, но она была аккуратна. Ее руки плавно скользили по обивке, не касаясь его джинсов, а растрепавшиеся из прически локоны упали ему на лицо и он почувствовал их запах. Её природный, женский запах — аромат спелого шиповника. Лада медленно подняла голову и посмотрела ему в глаза. На лице Олега застыл ужас; он сидел, не шевелясь, и испуганно глядел на нее. Лада улыбнулась, полуоткрыв в улыбке губы, и тоже застыла в своей позе. Она не чувствовала себя пьяной, но голова немного кружилась и мысли слегка путались в мозгу, хотя она могла бы в эту же минуту четко и грамотно набросать какой-нибудь эскиз. Олег не мог оторвать взгляда от ее глаз, они будто гипнотизировали его, заставляли терять рассудок. Тепло ее близости и тонкий аромат искушали его, требовали прикоснуться к ее упругому бедру или изгибу талии, прижаться губами к изящной шее, почувствовать во рту влажность ее белых зубов. Олег замер и слышал только бешеную пульсацию крови в висках и хрип своего дыхания где-то под диафрагмой. Осознание реальности происходящего плавилось в горящем от лихорадочных мыслей мозгу. Теряя последние способности контролировать себя, Лада внезапно подо двинулась к нему. Она видела его испуг, но ничего не могла сделать, какая-то безумная сила будто понесла ее и она чувствовала только жажду желанья и азарт, как если бы прыгнула с парашютом, но, в одно мгновение решив поиграть с собой, помедлила бы его раскрыть.

— Выбор твой — да или нет... — медленно прошептала она.

Какую-то долю секунды рассудок еще боролся с его инстинктом, но лицо брата, которое последние трезвые мысли пытались вызвать перед его глазами, постепенно начало терять контуры и стало расплываться. Он поймал себя на мысли, что уже не помнит, как выглядит Влад. Между тем его молодежавый голос хоть и раздавался на всю квартиру, но был так далек, как будто звучал за сотни световых лет и они не слышали его. Он резко наклонился к ней и поцеловал.

Лада проснулась и почувствовала на своем затылке чье-то сонное дыхание. Она привстала, потирая лоб и расправляя спутанные волосы, и обернулась назад. Вид Олега, который сном беззаботного младенца спал уткнувшись лицом в ее рубашку вместо подушки, привел ее в состояние эмоционального паралича.

— Твою-то мать! — воскликнула она, наконец осознав все, что произошло.

От этого крика Олег поднялся на локте и с недоумением огляделся вокруг. Он увидел ее рядом, в нижнем белье, прижимающую к себе его футболку как одеяло, резко побледнел и с выражением праведного ужаса вскочил, пытаясь в куче одежды на полу найти свои джинсы. Лада накинула свою рубашку и помогла ему собрать его одежду.

— Я...я... не знаю... почему... как. Я, наверно, моральный урод... Что я наделал?! — запинаясь, пробормотал он.

— Нет, это я, — сказала Лада, устало присаживаясь на диван.

Она просидела несколько секунд, уставившись в одну точку, затем вдруг рассмеялась самым веселым, заразительным смехом. Олег удивленно смотрел на нее.

— Лада, что же мы будем делать?

— Ты, наверно, теперь должен жениться на мне, как честный человек, — ответила она, продолжая смеяться.

В его лице промелькнуло удивление, он был подавлен и растерян. Но эта женщина с ее странными реакциями сводила его с ума в хорошую и плохую сторону одновременно. Лада перестала смеяться и догадалась о его настроении по этому стеклянному взгляду.

— Надо рассказать Владу. Я не могу солгать ему.

— Олег, о чем ты говоришь? Влад не достоин такой жалкой участи. Сбережем его здоровье и свою репутацию. Мы не скажем ему об этом никогда. Пусть это останется между нами.

— Как же я виноват! Я не знаю, что мне теперь делать?! — он с раздражением натянул футболку. У него было спортивное телосложение, но мышцы уже начинали заплывать жирком и выдавать его леность и любовь вкусно поесть и выпить. Лада улыбнулась и с теплотой взглянула на него.

— Олег, ты ни грамма не виноват. Виновата одна я. Это только моя вина. Ты слаб, как и все мужчины. Признай это. А я могла поступить как мне вздумается, но поступила именно так. Это мой грех.

— Как я буду смотреть ему в глаза?

— Как и я, с любовью.

В этот момент он почувствовал, что эта женщина, чужая жена, ближе ему, чем брат и чем кто-нибудь из родных. Она была права во всем и она смогла убедить его в этом и вернуть ему здравый смысл. Конечно, он никогда не сможет сказать Владу о том, что произошло между ними, но эта ночь со всей ее пошлой остротой останется в его памяти и долго (может быть всю жизнь) будет жечь мозг этим воспоминанием.

Олег ушел, а Лада осталась сидеть в той же позе на диване. Она до сих пор ощущала всей кожей чужое тепло; ей хотелось стряхнуть с себя это ощущение, но оно ей было приятно. Ей, разумеется, было стыдно не меньше чем Олегу, но о произошедшем она не сожалела, по крайней мере, не до такой степени чтобы рвать на себе волосы или вопить на всю квартиру. Более того, то, что случилось, ей казалось как минимум забавным и она отчетливо понимала, что сама спровоцировала эту ситуацию. Но почему ей захотелось чтобы события облеклись такой формой? Не только из-за дикой смеси шипучего вина и водки? Она осознавала, что нет. Конечно, алкоголь в крови добавил ей дозы куража, но почему она не пыталась притормозить свой разгоряченный темперамент? Ведь Олег не нравился ей, он воспринимался ею только как брат мужа и симпатичный, разумный парень. Тогда зачем надо было заводить эту и без того неловкую ситуацию в тупик? Отныне они с Олегом всегда будут неизбежно бледнеть в присутствии Влада, боясь неосторожным взглядом выдать себя, хотя сами ни за что не согласились бы разрушить устоявшиеся взаимоотношения. Она слишком хорошо знала, что нравится Олегу и от этого он еще больше боится ее; но ни он ни она никогда не желали бы носить с собой груз этого нелепого грешка, который становился для них не просто интрижкой, а несмываемым пятном на совести, потому что они понимали, что предать такого человек, как Влад — это все равно что предать ребенка, все равно что прокутить в баре деньги на благотворительность или подрезать на дороге автобус с ветеранами. В общем, это было в моральном отношении слишком дурное дело, чтобы можно было себя легко простить. Но Лада, продумав все это, не стала нагружать себя такими мыслями. Казалось к свежему воздуху примешалась слабая струя запаха марихуаны и это не вызывало у нее внутреннего протеста потому, что она не любила простой жизни, не любила планов и ответственности, всегда стремилась пройти по тонкой грани между правильным положением вещей и бредом.

Влад приехал вечером. Лада открыла дверь и метнулась обратно к зеркалу, у которого делала какую-то непонятную прическу. С кухни доносился запах жареного мяса и он почувствовал, что сильно проголодался.

— Ну, как гонка? Помнишь кто выиграл? — спросил он у жены, присаживаясь за стол.

— Там же было несколько заездов. Победили разные пилоты. А что? К чему вопрос? Хочешь проверить насколько я в теме? — она прищурившись смотрела на него.

— Нет, просто хотел обсудить.

Лада поняла, что Влад почувствовал какой-то подвох, но не мог определить к чему он относится. Любые выводы приходили к нему интуитивно, в виде вспышки и он никогда не раздумывал над логикой происходящего. Но этого интуитивного чутья, она боялась больше долгого мыслительного процесса, который в случае Влада ни к чему не приводил.

— А я думала, что ты меня подозреваешь в чем-то. Интересно, как, по-твоему, я могла бы здесь осуществить что-нибудь... недопустимое, если ты повесил мне на шею своего братца?! Даже если бы я и хотела кого-нибудь пригласить, куда бы я его дела?!

— Слушай, не возмущайся. Мне было жаль его. Я думал, ты поговоришь с ним, скажешь, чтобы он не расстраивался из-за бывшей, ну и все такое, в общем, подбодришь его. Тем более, у него дома нет этого канала, а он хотел посмотреть. Он мне, кстати, звонил сегодня, когда я был уже в нашем аэропорту.

— И что сказал? Ему понравилось?

— Он, наверно, и сам тебе это сказал. Да, понравилось. Жалел, что не поехал со мной.

— А я не пожалела... дома лучше.

— Ну, а у меня просто не было выбора. Зато теперь я собираюсь в отпуск на пару недель. Придумала куда едем?

Самолет приземлился на окутанную ясным, желтым светом взошедшего солнца полосу и пассажиры стали медленно спускаться по трапу. Когда Лада просунулась в овальное отверстие выхода, она тут же замерла и шедший следом Влад врезался в ее спину. Хвост, стоящего рядом на полосе самолета, своей обшивкой свинцово-серого цвета сливался с подножием вулкана, озаренного розовыми лучами рассвета. Вдаль устремлялась покрытая снегами горная цепь и терялась в голубой дымке.

— Это Корякский вулкан. Поехали в город, там он ближе.

Влад сказал это таким обычным голосом, как будто говорил, что был бы не прочь съесть на завтрак яичницу. Для его жены, которая впервые узнала какие еще нюансы и формы их выражения может иметь природа, этот пейзаж оказался удивительным.

Петропавловск-Камчатский располагался в бухте почти у подножия Корякского вулкана, который будто открывал проход в страну вулканов, потому что за ним дальше до горизонта возвышались их верхушки, сливаясь с облаками. Город утопал в зелени и пестрил невзрачными домами и избами в пригороде. От этого расположенный позади вулкан выглядел неправдоподобной декорацией или странным миражом. Но он был неизмеримо старше и города, и даже самой бухты, чей узор постепенно менялся тихоокеанским приливом. Он возник, или точнее вырвался из недр земли, когда не было не то что человека, но и условий для его обитания. И, пожалуй, останется и после заката человеческой цивилизации. Этой непостижимой мощью и фантазией природы хотелось восторгаться. И Ладе по-настоящему понравилось на Камчатке; она поняла, за что можно любить эту огнедышащую землю, за что можно запомнить навсегда ее облик.

Они остановились в гостинице и решили сразу после отдыха немного погулять по городу. Завтра их ожидает Кроноцкий заповедник и, если удастся добраться, вулкан Ключевской, который недавно начал извергаться.

Виталий Николаевич был инспектором охраны заповедной территории Кроноцкого парка уже больше десяти лет. Он встретил их у наблюдательной вышки, попыхивая сигаркой. Лада заметила у него за спиной ружье.

— А что может пригодиться?

— Конечно. Чтобы отпугнуть. Вы понимаете, я ведь несу ответственность за туристов, а поведение медведя не предугадаешь.

На берегу небольшой речки стояло несуразное деревянное сооружение — наблюдательная вышка, выстроенное не столько для работников заповедника, сколько для туристов, которые с фотоаппаратами наготове теснились наверху. Их внимание привлекали несколько медвежьих семей, пришедших на кормежку к реке. Лада и Влад с трудом протиснулись к перилам и стали наблюдать за животными. Они заметили, что за медведицей, у которой было двое полугодовалых медвежат, ходит чужой маленький медвежонок. Всякий раз когда она останавливалась, чтобы почесать морду лапами, он садился рядом и прислонялся к ее спине, подставляя нос солнцу и жмуря глаза.

— Это любопытная история, — пояснил им Виталий Николаевич, — Медвежонок — сирота. Он умирал с голоду. Один из старших медвежат, играя, обмазал его материнским молоком и медведица приняла его за своего. Накормила и пустила в их семью. Это удивительный случай. Обычно, такого не бывает.

— Они спасли его?

— Да, он был обречен. Сироты почти всегда погибают.

— Неужели они тоже могут чувствовать и переживать?! — удивлялась Лада.

— Я бы сказал — этот случай скорее исключение, — ответил инспектор.

В это время медведица со старшими медвежатами отправились на мелководье ловить рыбу, а медвежонок-приемыш семенил на коротких лапах у кромки воды и жалобно поскуливал, боясь потеряться. Но семейная идиллия длилась недолго. Из воды в азарте охоты стала выходить другая медведица, она тоже иногда приводила сюда потомство на кормежку. Приемыш попался ей на пути и она, со свистом набрав воздуха, прорычала и ударила по воздуху лапой, собираясь схватить медвежонка зубами за загривок.

Лада вскрикнула и обернулась к Владу. Но его не было на прежнем месте позади нее. Она переглянулась с инспектором, когда они его увидели то, воскликнули уже вместе. Со всех сторон слышались крики других туристов. Влад за это время успел оказаться на берегу. Он спокойно и быстро подошел к месту стычки. Не обращая внимания на разъяренную медведицу, он схватил медвежонка за загривок и с силой резко выдернул перед ее мордой.

— Влад, Влад! — закричала Лада, с ужасом осознавая то, что он делает.

Она хотела побежать за ним. Но ноги вдруг стали ватными, голова закружилась и она, схватившись за перила, чтобы не упасть, присела на ступеньки. Виталий Николаевич с ружьем спустился к берегу.

Влад не сразу осознал то, что по-настоящему с ним происходит. Он оглянулся, чтобы увидеть кричащую на весь полуостров Ладу, но не смог сконцентрироваться и ничего не увидел. Перед глазами все расплылось размытыми пятнами; единственное, что он увидел —

это ощерившаяся пасть громадной медведицы, которая трясла головой и капли с ее мокрой шерсти падали ему на лицо вместе с каплями слизи, тянувшейся между желтыми клыками. Внезапно, что-то теплое живое прижалось к его руке и он понял, что это был медвежонок.

Вдруг он услышал еще один медвежий рев. Из воды на них неслась медведица, которая стала приемной матерью сироты. Двое ее сыновей мчались чуть позади, пытаясь рычать также громко, как она. Обе медведицы встали на задние лапы и несколько секунд старались запугать друг друга своими рыками и оскалом. Они оголяли крупные клыки, вытягивая переднюю губу, и трясли в воздухе мощными лапами, скорее показывая только намерение заломить противника, чем реально вступить в схватку. Прогремел выстрел, затем еще один. Виталий Николаевич стрелял в воздух. Агрессивная медведица резко опустилась на землю и, раздраженно оглянувшись на собравшуюся публику, демонстративно еще раз прорычала и скрылась в лесу. Когда она исчезла, медвежата, стоявшие позади матери, подошли к маленькому братцу. Медведица посмотрела Владу в глаза, громко выдохнула и медленно пошла с детьми в сторону леса.

Влад с трудом поднялся на ноги и стал счищать песок с джинсов. Туристы на вышке хлопали в ладоши и свистели. Инспектор подошел к нему, но ничего не сказал, он не мог. Зато Лада принялась кричать на весь лес, не скрывая своего шока.

— Ты что? Ты что? Я чуть не умерла... там на лестнице. Я чуть не упала с вышки!

Влад не стал реагировать на ее слова. Он нежно взял ее за руку, притянул к себе и обнял.

Вулкан Ключевской уже давно начал готовиться к извержению, он пыхтел и сотрясался и выпускал в небо облака пепла, которые застывали в форме гриба и затем расползались серой массой по голубому гляncу небосвода. Но когда Лада и Влад смогли увидеть это зрелище, оно оказалось поистине грандиозным, потому что вулкан освещало закатное солнце и столб дыма окрасился в яркий золотисто-персиковый цвет, резко контрастировавший с темнеющим ясным небом. Им казалось, что каким-то странным образом они перенеслись во времени, точнее к моменту рождения времен. Они увидели юность земли, ее волнения, ее умиротворяющую грусть. И в мире больше не было ничего, кроме этого застывшего рыжего облака, кроме бледно-сиреневых снегов в расщелинах и идеальной конической формы горы... огнедышащей горы. А вокруг буйствовала зелень, расцветали июньские цветы, у края горизонта блестела луна. В вечерней тишине казалось, что можно услышать даже прилив на тихоокеанском побережье.

— Как ты мог так поступить? — прервала молчание Лада.

Влад покачал головой, но не ответил. Он все смотрел на вулкан и старался в шепоте вечернего ветра услышать шум прибоя, когда-то отхлынувшего от недалекого берега Аляски.

— Нет, ты мне ответь! Ты знаешь, что я чувствовала?! Ты же мог умереть!

— Я не мог оставить медвежонка, ожидая, что медведица убьет его.

— А если бы ты умер? Ты вообще о чем-нибудь думал?!

— Послушай, я бы умирал каждый раз, когда бы вспоминал то, что могло произойти, случись все по-другому.

— Как пафосно. Напиши об этом. Это живая природа, в ней часто происходят такие случаи. Всем ты не поможешь. Это естественно: погибает слабый. Закон природы.

— Нет никаких законов кроме божественных.

Лада удивленно посмотрела на него. В его черных, растрепанных ветром, волосах

переливались то ли лучи взошедшей луны то ли седина. Она раньше не знала, что он верующий. А теперь глядя на это спокойное лицо, понимала, что он не мог им не быть.

Она сама давно не задумывалась о вопросах веры, почти с тех пор, когда на третьем курсе родители с большим трудом вытащили ее из секты, где ей, хотя, так до конца и не смогли промыть мозги религиозными догмами, но почти приобщили приходить каждый день в общину и передавать деньги. Потом она избрала для себя путем познания мироустройства агностический атеизм и больше не задумывалась о христианстве с какой-нибудь прикладной точки зрения. До нынешнего момента, когда Влад вдруг напомнил то, чему ее учила еще прабабушка в раннем детстве. Лада хорошо помнила их разговоры, помнила как ее саму крестили лет в пять. Тот маленький крестик, наверно, до сих пор хранится где-то у родителей. Странно, но ей захотелось сейчас же увидеть его, сжать в руках и прошептать что-то... давно забытое...то чему учила бабушка. Внезапно, она сформулировала то, что хотела бы сказать — поблагодарить за Влада, за то, что он есть, за его поступок, за то, что он остался живым и не пострадал, за его душу.

6

По потолку ползали рваные тени, гул неспящего города наполнял комнату и вибрировал в ушах. Было уже слишком поздно для вечера и еще рано для утра. Лада лежала на кровати и рассматривала блики, разбросанные на стенах светом из окна. Она чувствовала себя больной, ей было жарко, душно, голова кружилась и пространство вокруг вертелось перед глазами как на карусели. Влад был в Карелии, где проходил ежегодный трофи-рейд вокруг Онежского озера, и она в первый раз осознанно пожалела, что его нет поблизости. Наступающее утро не приносило облегчения: она уткнулась лицом в подушку и провела рукой по мокрым, слипшимся волосам. Когда окончательно рассвело, она неспешно встала и, пройдясь по комнате, снова села на кровать. Колени подкашивались от слабости и дрожи. Она сделала несколько глубоких вдохов и почувствовала как сухой воздух обжигает легкие, но ей стало легче. Она добрела до кухни и достала пару лимонов и льда из холодильника. Девушка предчувствовала очередной душный, невыносимо жаркий день, от которых она мучилась последнюю неделю, но сегодня ей было особенно плохо. Она уже знала, что беременна; и знала, что это ребенок не Влада. Интересно, что ее муж может сделать, если узнает, что вместо сына воспитывает племянника? Но ей было настолько дурно, что даже не хотелось думать о подобных вещах. Весь день она провела дома. От жары не спасал ни кондиционер, ни лимонный сок со льдом.

Вечером, когда на улице и дома стало прохладней, а ей было по-прежнему жарко, она поняла, что придется обращаться за помощью. С удивлением она обнаружила, что не знает, кого попросить отвезти ее в больницу: семья — далеко в Твери, близких друзей нет, муж вне зоны досягаемости телефонного звонка. У нее не было другого выбора.

Олег сначала позвонил в дверь, но потом догадался, что она открыта. Лада его не встретила и, услышав шум в прихожей, позвала его в комнату.

— Что случилось? — выпалил он, появляясь на пороге. По его голосу было件нятно, что он торопился.

— Что-то мне хреново совсем. Отвези меня в больницу, — ее глаза болезненно блестели в этой вечерне-матовой обстановке.

— Поехали. Давай помогу.

Она ухватила одной рукой за его плечо и он медленно повел ее к двери.

— Ты знаешь — я беременна. Думаю, я потеряю этого ребенка, — объяснила она, пока Олег помог ей накинуть плащ.

— Может быть все обойдется.

— Вряд ли. Но думаю, это даже к лучшему. Ты бы хотел, чтобы Влад воспитывал твоего ребенка?

Олег хотел что-то сказать, но слова замерли на его губах, он стоял и молча смотрел на нее.

— Разве я не права? Я же тебе тогда сказала, что это был мой грех. Вот видишь, теперь я его искуплю.

— Не говори так. Так нельзя...

— Это почему же?

Олег не знал, что ответить. Эта женщина простой быть не может. Но ему было жалко ее. И снова стыдно за тот случай. Но вместе с удушающим стыдом, он испытывал странное чувство восторга и легкости, когда вспоминал ту ночь, хотя это показалось бы ему диким, если бы он дал себе отчет в этих чувствах.

Звонок мобильного телефона застал Влада в самолете. Пассажиры толпились в проходе и он никак не мог достать свой рюкзак с верхней полки.

— Влад, ты в Москве? — у Олега был усталый голос.

— Да, только приземлились.

— Лада в больнице. Я ее привез сюда сегодня вечером.

— Что случилось? — Влад почти заорал в трубку.

— У нее выкидыш.

Влад выбежал из здания аэропорта и тут же поймал такси. Когда машина подъехала, он подошел к водительской двери и торопливо сказал:

— Заплачу тройную цену, но я поведу, — а когда таксист пересел на пассажирское место, добавил, — Советую пристегнуться.

Лада лежала в полутемной палате. Над ее головой светил маленький ночник и отбрасывал луч на белое одеяло. Ее немного лихорадило, но она была рада уже хотя бы тому, что не было душно и голова перестала кружиться. Она опять потеряла ребенка, ему было не больше полутора месяцев. Но в этот раз, в отличие от прошлого, она не переживала из-за этой несостоявшейся беременности. Изначально все было неправильно. Неправильно то, что отцом ребенка был бы брат того, кто на самом деле должен быть отцом. Единственное, что ее заботило — сомнения о том, что Влад не догадается об истинности своего отцовства. Но она боялась больше не за себя, а за Олега — она не хотела служить разделительной полосой между братьями. А как может повести себя Влад не знает никто, даже он сам. Она знала это по себе.

За дверью слышались неспешные шаги Олега. Он ходил по коридору возле ее палаты, ожидая Влада. Лада позвала его и он вошел, но остановился на пороге и не стал подходить к ее кровати.

— Как ты? — спросил он.

— Намного лучше, чем весь этот день. Спасибо, что приехал за мной.

— Я всегда тебе помогу, чтобы не случилось.

В коридоре послышалось какое-то движение. Быстрые шаги, резкий голос Влада и испуганные ответы медсестер. Влад зашел в палату и, не заметив брата, подскочил к кровати жены и нагнулся к ней. Он ничего не говорил, только смотрел на нее.

— Ты быстро. Я тогда поеду, — сказал Олег.

Влад только теперь увидел его.

— Да... да... Олег...я, — он запинаясь, не зная, как поблагодарить брата.

— Не стоит, — Олег его понял, — Поправляйся, Лада.

Они обменялись быстрым взглядом, но эта резкость сильнее привлекла внимание, и Влад странно посмотрел сначала на жену, а потом медленно перевел взгляд на Олега. Вспышка какой-то нелепой, омерзительной догадки осенила его. Он не верил этой мысли, не понимал откуда она взялась, но она назойливо отравляла мозг, выстраивая догадки и визуализируя предполагаемые события. Влад закрыл глаза и встряхнул головой. «Этого не

может быть. Этого не может быть», — твердил он, пытаясь убедить в этом самого себя, но интуиция упрямо воспроизводила неприятную мысль. У него на лице застыла гримаса отчаяния и, казалось, он с трудом выговаривает слова сквозь плотно сжатые зубы.

Лада видела, что он о чем-то догадывается и с замиранием сердца наблюдала за ним. Олег тоже не мог оторвать взгляда от брата, в его глазах отразились отголоски того ужаса, который в них был перед той ночью и после, утром.

— Мне... мне как-то плохо. Перенервничал что ли. Пойду подышу воздухом, — сказал Влад и стремительно вышел.

Лада и Олег переглянулись. Молчание тянулось недолго. Влад также быстро вернулся — похоже он так и не дошел до выхода на улицу. Он опять резко подбежал к кровати жены и сжал руками ее лицо. Его глаза покраснели.

— Как я перепугался! Ты не представляешь, как я боялся за тебя, — твердил он жене.

Олег облегченно вздохнул и незаметно вышел. Влад всегда прежде всего верил доброму началу в любом человеке. Он был удивительным странным человеком. И даже Лада иногда удивлялась ему, хотя сама была удивительной для многих.

Внезапно, Влад выпрямился и громко крикнул:

— Олег, подожди. Вернись на минуточку.

Олег зашел и встал на пороге, всем видом показывая, что не собирается задерживаться. Влад исподлобья взглянул на него и как будто сам постыдился своих мыслей или этого взгляда, он покраснел и добавил:

— Спасибо за помощь.

— Не стоит, брат.

Дверь захлопнулась, а Влад перевел взгляд на Ладу. У нее похолодело все внутри, но она заставила себя ответить ему спокойным взглядом. Влад отвернулся.

— Все... как-то... как-то... непонятно. Почему Олег? Почему ты попросила его отвезти тебя?

— К чему вопрос?

— Почему он? Почему не тот твой бывший парень, ты, кажется, с ним в друзьях?

— На Рому нельзя положиться. Он скажет, что будет через полчаса, а придет через полдня. Олег ответственный.

Лада поняла скрытый подтекст в его словах, но теперь была готова хоть целую ночь отвечать на его вопросы и лгать под самыми зверскими пытками. Лгать, лгать до тех пор, пока сама не поверит в свои слова, а если поверит она, то сможет убедить в этом кого угодно.

— Влад, говори прямо: подозреваешь, что я изменила тебе с Олегом?

Влад так сильно вздрогнул, услышав эти слова, что чуть не упал с края кровати, где сидел. Он промолчал и не стал смотреть на нее, зная, что ее черные глаза прожигают на нем дыры в эту минуту.

— Да? Тебе самому не гнусно от этих нелепых подозрений? Тебе не стыдно, что такое вообще могло родиться в твоей голове?!

— Я... не... не... я еще ничего не говорил.

— А я по-твоему дура и не догадываюсь, что ты там крутишь у себя в мозгу?!

— Послушай, я не знаю, что мне показалось. Но мне почему-то стало дурно, как будто зашел в темную комнату с кучей мышей.

— Тебе почудилась какая-то дурь, так зачем сваливать на других?! Ты знаешь, что я

перенесла в этот день?!

— Лада, хватит. Это действительно нелепость. Прости. Я переночую где-нибудь тут поблизости, в коридоре на кушетке. Позови, если что.

Он вышел из палаты, а Лада громко выдохнула, она так дрожала, что у нее даже стучали зубы.

Утром ее выписали с длинным списком предписаний и они поехали домой. Влад всю дорогу был неразговорчив. Видимо, он совсем не выспался и был помятый, как будто сошел с поезда Владивосток — Москва. У Лады, напротив, было отличное настроение. Она чувствовала небывалую легкость от того, что вся ситуация с чужим отцовством решилась таким естественным способом.

Прошло несколько дней за которые они не возвращались к предмету прошлой ссоры. Но как-то вечером, Лада почувствовала, что Влад, сидевший позади нее на диване, пристально смотрит ей на затылок, как будто хочет вынуть мысли у нее из мозга. Она резко обернулась.

— Что-то вспомнил?

— Да. Олег здесь спал на диване, когда оставался после передачи?

— Нет, со мной в спальне! — Лада вспыхнула и с шумом поставила кружку с чаем на журнальный столик, — Все было, Влад. Вот как раз все то, что ты думаешь — оно и было. Да-да. Ты прав.

— Перестань кричать.

— Как тут не кричать? Ты же меня не слышишь!

Влад ходил и угрюмо молчал еще неделю, но потом, видимо доказав себе, что у него нет достаточно оснований, немного успокоился; и в то же время постарался убедить себя принять эту ситуацию, если она была в действительности. Несмотря на эти события, он не переставал также сильно любить жену, возможно даже случившееся заставило его дорожить ей с удвоенной силой. Но сама Лада чувствовала опустошенность. Она тоже любила Влада, но ее чувство как будто опреснилось. То, за что раньше ей хотелось жалеть Влада и относиться к нему с нежностью, теперь ее раздражало и чуть ли не бесило. Его постоянные причуды и фантазии теперь выводили ее из себя и она с удивлением думала о том, что с ней происходит, не понимая этих изменений. Она устала от него, устала от этой любви. Впервые в жизни Лада поняла, что и от любви, и даже от самых приятных отношений надо иногда отдыхать. Она решила взять тайм-аут, на время, на неопределенный срок. Как действовать дальше, она решит потом, по обстоятельствам. А пока она хотела одного — передышки.

В начале сентября она уволилась с работы и, подгадав то время, когда Влада не будет дома, собрала необходимые вещи, взяла кота и уехала к родителям, оставив мужу записку с довольно пространными объяснениями. Но не успела она пробыть и двух дней дома, как Влад, вместо простого телефонного звонка, приехал за ней в Тверь. Он наотрез отказался подниматься в квартиру и попросил ее спуститься вниз, поговорить в машине.

Его покрытая дорожной пылью машина стояла у обочины, недалеко от подъезда, но Лада не сразу ее узнала и он посигналил, чтобы привлечь ее внимание.

— Что это за отписки: нам нужно пожить отдельно? — спросил Влад, не здороваясь, сразу как только она села рядом.

— По-моему все ясно. Нам надо пожить отдельно друг от друга. Я хочу одиночества. Понимаешь? Наши отношения топчутся где-то у тупика. Нам нужна какая-то новая струя что ли... И я решила, что для нас обоих будет лучше пожить немного отдельно.

— Я это уже понял из твоего письма. Можешь не пересказывать мне эту галиматью! Что

случилось, Лада? Это из-за моих подозрений?

— Нет, твои подозрения и твое поведение тут не причем.

— В чем дело? У тебя кто-то появился? Скажи мне сразу!

— Нет, клянусь. Ты не хочешь меня понять! Я устала от наших отношений. Хочу пожить одна, собраться с мыслями. Может быть заняться чем-то новым, а-то мне кажется меня засасывает рутинка. В общем, хочу что-то изменить.

— И сколько времени ты собираешься так жить, одна?

— Не знаю. Пойму в процессе.

— То есть любовь прошла, готовь паспорт для нового штампа?!

— Нет, я не имею это в виду. Я тебя все еще люблю.

— «Все еще»! Звучит как-то угрожающе. Как будто любовь — это остатки бензина в баке. Сколько еще до Москвы? Доехать хватит или придется заправиться? В общем, поехали домой, там разберемся.

Лада не успела кивнуть, а он уже включил зажигание и машина направилась к выезду на улицу.

— Мои вещи, наш кот, — воскликнула Лада.

— Я завтра за ними съезжу.

На следующий день Влад пришел домой рано. Он заметил, что Лада сидит в гостиной за компьютером и сразу подошел к ней.

— Ну, что, я поеду за твоими вещами и Локки?

— Не нужно, я сама все заберу.

Влад почувствовал подвох и, заметив это по его лицу, она поспешила все объяснить, понимая, что это не та ситуация, когда загадочность воспринимается хорошо.

— У меня серьезная новость. Я переезжаю в Петербург. Поживу там несколько месяцев.

— А, новый бой-френд из северной столицы?!

— Перестань! У меня никого нет! Я нашла там художественную школу. Понимаешь, все школы принимают детей, мне уже поздно учиться. А эта школа специально для взрослых людей, которые хотят научиться рисовать, писать акварелью. В институте у меня было несколько курсов академического рисунка. Помню, я тогда увлекалась этим. Но теперь мне хочется узнать больше. Ты знаешь, я чувствую — это мое. Я должна попасть туда, я должна окончить курс.

— Хорошо, я перееду туда с тобой.

— Ну, уж это лишнее. У тебя здесь слишком хорошая работа, чтобы ей так разбрасываться. Проживу там без тебя. Может быть буду приезжать на выходные.

— Нет, я тоже поеду туда.

— Ты — больной что ли? Я же говорю: это как раз то, что нам нужно на этом этапе наших отношений. И то, что нужно лично мне. Влад, ты же прекрасно все понимаешь. Ты же знаешь меня. Знаешь это чувство, когда хочется что-то изменить, куда-то стремиться.

Влад устало опустился на диван. Он понимал ее. Он сразу ее понял, понял все из неказистой отписки на листе бумаги, оставленной для него в прихожей, понял из выражения ее глаз в машине, понял из необычайной легкости, которую она ощущала после травмы и выкидыша. Он чувствовал, что переубедить ее не удастся — его самого можно было переубедить с большим трудом. Влад скрепя сердце согласился ее отпустить, но взамен потребовал точный адрес квартиры, которую она будет снимать и новый номер телефона. Итак Лада этим же вечером уехала на поезде в Тверь, еще через сутки она должна была быть

в Петербурге.

Влад провожал ее на Ярославском вокзале. Он что-то пытался ей внушить, привлечь внимание, но она не слушала его. Она только кивала, а в ее глазах блеснул разгоревшийся огонь, как будто кто-то зажег костер от одной спички.

— Я понимаю, это действительно твоя область деятельности, тебе надо совершенствоваться. Ты можешь многое упустить, если не займешься живописью, — твердил он, но казалось больше убеждал в этом самого себя, — В общем, за три дня ты устройся, а в субботу я буду встречать тебя в Шереметьево.

— Конечно, как договаривались. Я уже забронировала билет.

На перроне не было суеты и было удивительно пусто. Яркие, желтые фонари освещали вечернее небо и отражались в окнах вагонов.

— Слушай, плюнь на эту железную дорогу. Давай, я тебя отвезу туда. Будешь в два раза быстрее.

— Нет, я так решила. Родители встретят меня, а завтра посадят уже на поезд до Питера.

Поезд начал издавать гудки и люди стали спешить проститься. Лада первая обняла Влада и прижалась ему. Он почувствовал, что это было дружеское объятие и ему стало не по себе от ощущения безысходности. Ведь она любит его, он знал это наверняка; ведь у нее и в самом деле никого нет и она не уезжает от мужа к кому-то. Просто так случилось, все изменилось. Она готова к переменам, она хочет их, а он остался где-то посреди пути и не знает куда двигаться. Не знает, что сделать, чтобы снова идти с ней рядом.

В субботу Лада вернулась, как и обещала. Она сразу рассказала про квартиру, которую нашла для себя почти в центре, и поделилась первыми восторгами от художественной школы. Влад постоянно перебивал ее вопросами и сам начал радоваться этим положительным новостям. В воскресенье он проводил ее в аэропорт и уточнил взяла ли она билет на следующие выходные. Лада успокоила его тем, что купить билет можно перед вылетом и попросила встретить в следующую субботу.

Влад кое-как прожил понедельник, вторник показался ему невыносимым, а в среду вечером он, не заезжая домой, поехал на машине в Петербург. Выехав из Москвы около пяти, он оказался в городе у Невы чуть позже полуночи и сразу направился по адресу, который оставила Лада. Дверь открыла пожилая женщина и с испугом посмотрела на него.

— Лада Коченова у вас живет.

— А Лада? Она хотела снимать у нас комнату, но потом нашла что-то ближе к центру.

— А вы не знаете адрес?

— Нет, к сожалению, не могу помочь. А вы, наверное, Влад. Да? Она оставила вам письмо. Хорошо, что вы приехали. Не люблю когда что-то оставляют, приходится ждать когда заберут.

Влад остановился перед машиной и, дрожащими от нервов пальцами, вытащил письмо из конверта. Лада была как всегда непроницаема.

«Я предполагала, что ты будешь разыскивать меня, поэтому специально пошла на небольшую хитрость. Уж извини. Влад, прими новое положение вещей как данность. Я приеду домой, когда посчитаю нужным. Прошу не переживай! Ты такой чувствительный. Чересчур. Живи своей жизнью. Занимайся работой, она ведь тебя увлекает. Отдыхай. И кстати не гоняй на машине, как сорвиголова. Это тебе уже не по возрасту. Увидимся, как я тебя и предупредила. Не знаю когда, потому что не знаю, когда ты прочтешь это письмо».

Ее мобильный телефон оказался отключен, как и все последние дни. Влад немного погулял по набережной, успокоился и поехал домой.

Когда он приехал в Москву было еще раннее утро, но он сразу же отправился на работу в редакцию. Мысли о том, как он вечером вернется в пустую квартиру весь день жгли его мозг, но когда он пришел домой, то сразу лег спать от усталости и почти не вспоминал отчего он целый день боялся здесь оказаться.

Лада сдержала обещание. Он увидел ее одной из первых в группе прибывших пассажиров. У нее постоянно в кармане гудел телефон: приходили смс о том, что он звонил, и Лада, стирая каждый новый message, криво усмехалась и расстроено смотрела на него. Он догадался, что за целую неделю она в первый раз включила мобильный.

— Ты был в Питере? Твое сообщение с угрозами — шедевр, — сказала она.

— А ты представь: четырнадцать часов в дороге, без цели и результата.

— Почему ты меня не хочешь слушать?

— Почему ты не оставила мне свой адрес?!

— Я не хочу чтобы ты разыскивал меня. Дай мне пожить спокойно пару месяцев, позаниматься живописью, а потом я вернусь в Москву. Все вполне пристойно! Что тебе кажется ненормальным?

— То, что мы не вместе.

— Иногда быть «не вместе» полезней. Надо отдохнуть друг от друга. Влад, это же не финал, это, так сказать, перезагрузка...

Влад не стал с ней спорить, зная, что начнет попусту раздражаться. Он спросил про художественную школу и сразу увидел, что настроение Лады изменилось, в ней появился азарт. Уже подъезжая к дому, Влад вспомнил, что надо ее подготовить к небольшому сюрпризу.

— Я купил тебе машину. Помнишь, ты говорила, что хочешь настоящий внедорожник, но не громоздкий, а компактный? Думаю, Джип Cherokee — то, что как раз тебе подходит. Он рамный, жесткий и конкретно внедорожный, как ты хотела. Правда, в следующем году появится уже новая модель, но мне она как-то не понравилась: упрощенные формы. Но если захочешь, мы сможем поменять. Эта машина лучше — она выглядит поджаристой, мускулистой.

Он заметил, что Лада обрадовалась этой новости, а ее восторг увеличился, когда она увидела эту машину. У джипа был отлично подходящий этой модели цвет — перламутровый хаки: смесь золотистого с болотно-зеленым. Лада обошла машину кругом и нежно провела рукой по округлому краю крышки капота. Она не могла сдержать девчачьей радости: Влад ее понял, именно такую машину она хотела — харизматичный американский внедорожник, способный справиться с капризами любителя офф-роуда, удобный и маневренный в городе, позитивный и стильный.

— Садись за руль, поедемся, — предложил он ей.

Лада уже потянулась к ручке двери водителя, но, вдруг, нерешительно остановилась и отошла от машины.

— Ты знаешь, нравится. Но я уже не хочу ее. Не стоило этого делать, Влад.

— Ты что?! Я же вижу — он тебе нравится!

— Да, но это опять рутина. Куда я буду ездить? За покупками, в школу и иногда в ресторан?

— На нем можно рискнуть и поехать куда-нибудь подальше, по настроению.

— Я понимаю, но мне уже не хочется.

— Ты не хочешь что-то брать у меня?! — Влад удивился жестокости этой внезапной мысли.

— Нет, — Лада сжала его руку и отрицательно покачала головой, — Дело не в этом.

— А в чем?

— Я не знаю, как объяснить, но лучше пока не делать подобных поступков. Сдай его обратно или обменяй на что-нибудь. Сколько ты будешь еще на своем старье ездить?

Влад молча отвернулся и пошел к подъезду. Лада долго смотрела на джип, потом глубоко вздохнула и направилась домой. Она понимала насколько жестоким выглядит ее поведение в глазах мужа, но чувствовала, что это правильный шаг. Не потому что она собиралась в перспективе расставаться с Владом, а скорее из-за того что она не хотела иметь в Петербурге что-то напоминающее о ее жизни в Москве, она хотела с корнями «вырвать» себя из привычной среды и ощутить что-то совсем новое, неосознанно желая ощутить изменения и в себе самой.

Когда она зашла в прихожую и увидела, что Влад не снимая куртки и ботинок, лежит на диване в гостиной, то сразу поняла, что очередного скандала не избежать. А она слишком устала от их перепалок и так хотела спокойствия.

— Ты бросаешь мне вызов, что ли? — спросил он, услышав ее шаги у холодильника.

— Нет, я хочу все расставить по местам, я хочу порядка в своей жизни.

— Со мной у тебя не жизнь, а бардак?!

— Ну, не так амбициозно. Нет, просто рутина. Черета, вереница похожестей и понятностей. Постарайся меня понять. Пойми то, что я тебе скажу. Я больше не буду приезжать на выходные и вернусь в Москву через пару месяцев без предупреждений. Я хотела немного облегчить тебе этот процесс... процесс расставания, но вижу, что из этого ничего не вышло. Все стало только хуже. Мне надо побыть одной, подумать о себе.

От этих слов Влад поднялся на диване и уставился на нее не моргающим взглядом. Он понимал, что рано или поздно этим кончится.

— В общем, я возвращаюсь в Питер. Не пытайся что-то выяснить у родителей. Они так же как и ты не знают моего адреса. Прими все, как есть.

— Я тебя ненавижу, — бросил он ей.

Лада поставила чашку с недопитым кофе на стол, взяла свою дорожную сумку и пошла к выходу.

— Ты поймешь меня через какое-то время. Поймешь, что я права.

Влад подскочил и хлопнул перед девушкой входную дверь, упираясь в нее рукой.

— Ты никуда не поедешь.

— Хочешь запереть меня в этой квартире? Что ты от меня хочешь?! Ну, не могу я так. Не могу дольше оставаться в этой обстановке. Хочу что-то изменить.

Лицо Влада покраснело от напряжения и Лада криво усмехнулась, глядя на эту гримасу.

— Перестань, Влад. Будь в конце концов мужчиной. Ты — не мальчик. Тебе не двенадцать. Ты уже вырос. Рассуждай с умом. Я во всем права — мы просто немного отдохнем друг от друга, а потом я вернусь и мы будем жить как прежде. Мне не нужен никто кроме тебя. Я вернусь к тебе.

Она приоткрыла дверь и выскользнула в щель. Влад уперся лбом в стену и стоял так некоторое время, потом схватил с тумбочки ключи от машины и выскочил за ней. Он не смог догнать ее такси в дороге. Было плотное движение и он, пытаясь вырваться из

дорожных заторов, постоянно резко обгонял, тормозил и упирался в стоячий у обочин транспорт. Он бросил машину у вокзала и забежал внутрь. Лада уже купила билет и шла по перрону.

— Ты не можешь так оставить меня! — крикнул он, хватая ее за локоть.

— Сделай мне одолжение: передай Олегу, что я права по поводу тебя, а он сам тебя не до конца знает.

— При чем тут Олег? И какого хрена вы там меня обсуждали?! Ладно, об этом потом. Ты так не уедешь.

— Отпусти меня. Вспомнишь, что я тебе говорила: через пару дней тебе будет стыдно. Я ведь сказала, что вернусь.

Это были ее последние слова. Она развернулась и пошла вперед. Влад остался. Дверь в квартиру Олега была не заперта и Влад зашел, не стучась. Брат встал с дивана и пошел ему на встречу, но Влад на ходу схватил его за ворот рубашки и резко встряхнул.

— Лада просила тебе передать, что ты сильно ошибаешься на мой счет, а она знает меня лучше. Что между вами было?!

В его глазах застыл ужас, он ждал ответа, но в то же время не хотел его услышать. Олег, наконец, догадался в чем дело и задумчиво посмотрел на брата.

Это был первый день, когда за прошедшую зиму солнце пригрело по-настоящему. Еще было холодно, кругом лежал не спешивший таять снег, но приближение весны ощущалось, в воздухе появилась новая свежесть.

Влад не видел Ладy с тех пор, как она уехала тогда в начале октября. Он не мог до нее дозвониться, родители были не в курсе ее местонахождения, а пробные вылазки в Питер не принесли никаких результатов. Прошло почти пять месяцев. Влад от безысходности впрягся в работу и смог разобраться со всеми проектами только к концу февраля. Это был первый день, когда он наконец захотел отдохнуть и вечером приехал на Воробьевы горы.

Он вспомнил, как два года назад они с Ладой здесь соревновались на скорость и опять отчетливо и остро ощутил боль от ее отсутствия, тоску и глухое, звериное отчаяние. Он покатался по дорогам вокруг Университета и выехал на Мосфильмовскую улицу. На встречной полосе машины медленно двигались в вялой пробке, но Влад сразу заметил красную Субару Импреза, выделяющуюся в общем потоке. Окно водителя было опущено и оттуда высывалась маленькая женская рука с сигаретой. Этот жеманный жест настолько рассмешил Влада, что он решил немного похулиганить. Он сбросил скорость до сорока километров и, поехав вплотную к встречным машинам, поравнялся с Субару и выхватил сигарету из рук девушки, сидевшей за рулем. Прибавив газу, он выкинул чужой окурок и рассмеялся. В зеркале заднего вида он с удивлением заметил, что машина развернулась на сплошной полосе и поехала за ним. Импреза догнала БМВ и даже попыталась обогнать, но загоревшийся светофор остановил обе машины перед переходом. За рулем Субару сидела девушка лет тридцати в темной бейсболке. Она улыбнулась ему и эта улыбка будто замерла на ее лице. Нельзя было сказать, что девушка была особенно привлекательной, но что-то цепляющее в ней было. Румяное, широкое с крупными скулами лицо, круглый нос и короткие, надутые губы. Ее яркие, светло-голубые глаза тоже излучали весенний позитив и жажду жизни. Влад подумал, что за последние полгода давно не встречал таких улыбчивых людей.

7

Пошел дождь. За окном шум ударов капель сливался с монотонным стуком колес по рельсам. В Петербурге было облачно и сыро, по сердитому небу носились рваные клочки туч, ветер смешивал запах болотистой сырости и морской брыз с залива. Лада сидела на своей полке и последние полтора часа смотрела в окно: снаружи яркий оранжевый лист прилип к намокшему стеклу и дрожал, загибая оборванные концы. До остановки оставалось не больше пятнадцати минут и с этих пор этот город должен стать ей родным, как минимум, на ближайшие пару месяцев. У нее перед глазами все еще стояло лицо Влада. Она жалела, что напомнила ему про Олега. Олег совершенно ни при чем, надо, чтобы Влад это понял. Но он поймет, не сразу... Влад слишком хорошо знает ее, знает чего она хочет, просто ему трудно смириться с этим. Трудно быть в отчуждении хоть какое-то время. Хотя они оба понимают, что все равно будут вместе. Их отношения не изменятся, но, может быть, изменятся они сами.

Выйдя из вокзала, Лада поймала такси и направилась к себе на съемную квартиру. Ее жилище находилось в одном из старинных и ныне ухоженных домов в Петроградском районе, в пешей доступности от Невы. Она уже успела купить необходимые для занятия живописью предметы и теперь это все занимало тесную и полупустую квартиру. Но Ладе нравился этот аскетизм. Он заставлял больше работать и больше созерцать. Она любила по вечерам разглядывать город из окна; ее вдохновляли фонарные столбы, одинокие пешеходы, лепнина дома напротив.

Она взяла несколько уроков академического рисунка, больше для того, чтобы вспомнить то, что уже проходила в институте, и сконцентрировалась на живописи, но здесь ей пришлось выбирать технику исполнения работ и она долгое время металась между акварелью, темпорой и маслом, под конец, предпочтя последнее. После занятий у нее оставалось много свободного времени и она с удовольствием тратила его на фитнес. Увлечение спортом перебороло ее первоначальное желание походить по питерским барам. Она не стала изменять здоровому образу жизни и к концу долгих, темных месяцев зимы похудела и стала выглядеть свежей и моложе. Она теперь почти не пользовалась косметикой, не отказываясь только от румян и светлых теней. Присущая ей женственность стала сексуальностью юной девушки, а худощавость и бледность добавили ее облику романтичности и очарования не уверенной в себе женщины, а созерцающего и увлеченного миром художника, скрывающего под светлым обликом темные стороны души. Лада стала выглядеть как студентка старших курсов, хотя сама окончила институт чуть меньше десяти лет назад. Она принимала все перемены и чувствовала, что они перекликаются с ее душой.

Окончив художественные курсы, она не ринулась обратно в Москву. Ей хотелось еще немного пожить в этом городе, напитаться атмосферой, запомнить изящные формы архитектуры. Она бродила по улицам, рисовала с натуры и все запоминала. Под конец у нее скопилось небольшая коллекция работ, часть из них она подарила знакомым по школе, несколько продала художникам торгующим на бульваре, некоторые просто оставила, когда съезжала с квартиры. Из оставшихся она забрала свой зимний пейзаж Исаакиевского собора и осенний закат на Финском заливе.

Возвращалась домой она с легким сердцем и сознанием наполненным всем прекрасным и удивительным. Ей доставила особое удовольствие эта аскетичная жизнь без распорядка и одинаковости, открывшая ей глаза на мир и добавившая в них новое сияние.

Лада открыла дверь ключом, включила свет и спустила Локки с рук. В квартире было пусто. Она прошла по комнатам и заглянула в холодильник, надеясь отыскать что-нибудь, чтобы перекусить с дороги. Отсутствие хоть каких-нибудь продуктов ее удивило. Она заварила чай и вытащила оставшиеся бутерброды, которые брала с собой в поезд.

Свежий майский ветер прогнал последние остатки пыли и развеял удушливый воздух в квартире. Она стояла у окна и любовалась расцветающими вокруг пруда деревьями.

«Да, я немного задержалась. Рассчитывала вернуться к Новому году, а приехала к празднованию дня Победы. Влад, наверное, настолько зол на меня, что придется долго уговаривать его помириться. Но зато я так по нему соскучилась, так хочу его увидеть! Как жалко, что он сегодня не дома. Надо бы, кстати, узнать где он».

Она позвонила Олегу.

— Я уже в Москве. Пару часов назад приехала.

— Рад за тебя. Все нормально? Хорошо добралась?

— Да, отлично. А где, кстати, Влад? В командировке? Где он сейчас: в Германии или в Китае? Или его еще куда-нибудь подальше послали? — она смеялась, по голосу было понятно, что у нее хорошее настроение.

Олег несколько секунд молчал. Лада насторожилась.

— Так где он?

— Боюсь, он в Москве.

— В Москве?!

— Лада, зачем ты его бросила?

— Я его не бросала! Мы с ним поняли друг друга. К чему это ребячество?! Где он?

— Он уже около полутора месяцев живет с другой женщиной. Лада, подожди, не клади трубку! Давай встретимся, поговорим. Он не виноват. Ты все поймешь.

— Я всегда все понимала, Олег.

Девушку звали Кира. Ей было двадцать шесть и последние три года она работала бухгалтером в крупной иностранной компании, слушала рок музыку, читала новеллы японских авторов и радовалась обладанию ярко-красной спортивной машиной; в общем, вела стильную, позитивную жизнь обычной современной женщины. Она естественно была одинока и Влад это сразу же понял, как только опустил окно водительской двери и девушка предложила сходить в кафе. Это спонтанное приглашение застало его врасплох и ему пришлось согласиться.

Сидя напротив нее и уже достаточно изучив ее лицо, Влад смотрел в окно и вспоминал тот день, когда он пил здесь кофе со своей женой. Кира не была красива, но у нее определенно было запоминающееся лицо с подвижными, яркими глазами. У нее была короткая стрижка на прямых темно-русых волосах и ее было трудно представить в другом образе, она выглядела органично с этими темными, короткими волосами и ярким макияжем. Она много говорила и, казалось, ее совсем не беспокоило то, что собеседник ее не слушает.

— А ты живешь один? — спросила она, резко прервав свой предыдущий монолог и переключившись на другую тему.

— Нет, я женат.

— Но живешь-то ты один. Это по глазам видно.

Влад смутился и отвернулся: что еще она может узнать по его глазам?

— Можешь не отвечать. Все понятно, — невозмутимо продолжала Кира.

Он пожал плечами, не собираясь никак реагировать на ее слова.

— У тебя хорошая машинка — Субару версии WRX.

— Презент моего бывшего. Угодил. И с цветом угадал. Я не сильно разбираюсь в марках, но про эту машину мне постоянно все говорят. Все: друзья, знакомые. Ее нельзя не заметить. Она всем нравится.

— Да, но ее надо уметь водить. В руках любителя она не реализуется.

— И что на ней надо как-то по-особенному ездить?

— Она может делать то, что не умеют некоторые другие машины.

— Ну, покажи.

В подтверждении своих слов Владу пришлось проехать боком в управляемом заносе вокруг газона перед главным зданием университета, недалеко от того места, где они встретились около часа назад. Девушку этот маневр впечатлил и она долго хвалила его, восхищаясь тем, что его не пугает полуобледенелая дорога и проезжающие мимо машины. Глядя на эту веселую девушку, Влад почувствовал тихое спокойствие, у него на душе уже давно не было так легко и приятно. Находиться рядом с ней было позитивно, жизнь начинала казаться забавной и легкой и, главное, отрицала появление каких-либо претензий. Кира предложила встретиться еще и всю долгую паузу пока Влад думал над ответом, крепко держала свою приветливую улыбку. «Согласиться на зло Ладе? Или себе? Или отказаться и ждать? Черт, я даже не знаю и не представляю, что Лада делает в этот момент!» — думал Влад, а Кира улыбалась и ждала.

— В общем, он приехал ко мне домой поздно вечером и стал рассказывать про свои отношения с этой девушкой, — говорил Олег, сидя с Ладой у себя на кухне в тот же вечер, когда она вернулась. Она не могла ждать и решила тут же сама приехать и все выяснить. И теперь сидела напротив него с неподвижным лицом, стеклянным взглядом и слушала, — Они познакомились на Воробьевых горах. Он же любит там кататься. А у нее оказалась спортивная машина. На этой почве и возник интерес. Они встречались неделю, а потом он переехал к ней. Накануне он приехал ко мне за поддержкой... или за критикой.

— Ты поддержал?

— Нет, но мои доводы были бездоказательны. Ты уехала, ты оставила его.

— Но он мой муж!

— Ну, он твой муж, а зачем ты уехала?! Хотя можешь не говорить. Он сказал мне, что понял тебя. Сам я понять не могу, но он говорил убежденно. Тебе хотелось перемен и душевной свежести? Но зачем надо было оставлять его? Это я спрашиваю от себя. Ты же знаешь: он неуравновешен, он вспыльчив, он поступает опрометчиво.

— Связь с любовницей ты объясняешь его опрометчивостью?

— В какой-то степени. И душевным кризисом. Он сломался. Когда он был здесь у меня, он был в каком-то странном состоянии, как будто решал не лично его касающиеся вопросы, а какого-то постороннего человека. Он не влюбился в нее, это очевидно. Но она чем-то задела его, тронула. Из его слов я понял, что она живет вечно вся на позитиве. Мир прекрасен, все люди братья, не стоит грузить лишние проблемы, жизнь хороша именно

сейчас. Я понял, что ему с ней легко. Может быть, конечно, у них возникло и... какое-то физическое притяжение. Не знаю, не уверен. Он не был в особо восторженном состоянии. Скорее всего она нравится ему больше как человек, чем как женщина.

— Не успокаивай меня.

— Не был бы он твоим мужем, я мог бы поверить, что она вызывает у него какие-то эмоции. Влад очень придирчив. Стал...

— Я знаю. Наверно, на этом резком контрасте между мной и ей, он и полюбил ее.

— Полюбил? Полюбил, но только не ее, а себя. Захотел вернуть себе уверенности. Он тут же вернется, когда узнает, что ты приехала.

— Нет, не вернется. Я не приму.

Она встала, чтобы уходить. Олег заметил, что она сдерживается из последних сил.

— Лада, тебе надо успокоиться и все обдумать. Не говори сгоряча.

— Я уже все обдумала. Он больше не будет жить со мной, даже если вернется.

— Ты сама сначала подвела его к этой черте. Подвела за руку к краю пропасти и сказала: «прыгай, а я посмотрю, что с тобой будет», — Олег расстроился и почти кричал на нее.

— Не утрируй. Многим парам приходится расставаться на какое-то время. Это не повод пускаться в загул.

— А то, что... что...мы... что было между нами! Это по-твоему не измена?!

— Это был пьяный бред. Любой здравомыслящий человек не посчитает это за измену.

— Да, но это сделает ему больно.

— Больно?! А то, что испытываю сейчас я простым словом «больно» не назовешь!

Она резко развернулась и пошла к двери. Олег молча проводил ее. На пороге она обернулась и, посмотрев на него другим, более мягким взглядом, сказала:

— Спасибо тебе, что ты сдержался и не сказал ему правды.

— Никогда не смогу этого сделать. Он был в таком отчаянии, после твоего отъезда, не помню, чтобы я его таким видел.

— Ну, сейчас все наладилось.

В песочнице играли дети, кидались друг в друга пластмассовыми лопатками и ведерками и пытались перекричать самих себя. Запах сирени обволакивал и насыщал воздух терпким ароматом. Лада сидела на скамейке под деревом во дворе незнакомого дома и пристально наблюдала за подъездом. Она не стала звонить Владу и радовалась своей предусмотрительности, тому, что не сделала этого сразу как приехала, а узнала обо всем от Олега. Желание увидеть Влада сохранилось, оно теплилось в ней все последние месяцы. Она скучала по нему. Но теперь, она знала наверняка, она не хочет ничего кроме этого. Только увидеть. Ни слова, ни взгляда. Она не будет подходить, не будет разговаривать с ним, не потребует объяснений, только посмотрит на него издалека и уедет. Что будет потом, она не загадывала. Наверно, надо будет как-нибудь устроить развод. Она найдет адвоката и он сделает так, чтобы ей не пришлось встречаться с бывшим мужем, не пришлось смотреть этой женщине в глаза и ругать за то, что она отняла у нее. Лада не хотела никаких оправданий от него, она боялась представить себе его с жалостливой гримасой, услышать его голос, уловить в нем прежние мягкие и тонкие нотки. Она боялась увидеть его карие глаза, с их вызовом и преданностью. Она любила его и будет любить. Но времена изменились. Они сами изменились. И Лада отчетливо это поняла, когда увидела Влада и сначала не узнала его.

Из подъезда вышла парочка: низенькая, коренастая девушка в больших солнцезащитных очках и сутулый, немного обрюзглый мужчина. Влад был в непривычном для него деловом костюме, который скрывал последние остатки его формы и накаченных мышц. Солнечные лучи переливались в его посветлевших волосах, выделялись поседевшие виски. Лицо осунулось и посерело, а во взгляде не осталось ничего. Его глаза ничего не выражали; выражение лица тоже было безразличным, а движения и походка стали медлительней и выдавали крайнюю усталость и утомленность жизнью. Ему было тридцать семь и он уже выглядел на свой возраст. Лада ужаснулась его внешнему виду и даже привстала со своего места, чтобы его получше разглядеть. Она не видела его какие-то семь месяцев и никак не могла поверить в то, что он мог так измениться, постареть за это время. Но теперь, как раз, он выглядел вполне нормально, он не выделялся в толпе, не привлекал внимания и казался обычным мужчиной своего возраста.

Влад не мог не почувствовать ее взгляда. Он бы почувствовал ее в темной комнате с закрытыми глазами. Он остановился перед машиной и посмотрел на детскую площадку. Кира продолжала что-то щебетать, не обратив внимания на его задумчивость, а он, ничего ей не объясняя, развернулся и пошел через двор к скамейке, где сидела жена. Лада встала и ждала пока он подойдет. Сначала она испугалась, когда поняла, что он заметил ее, но потом ей стало спокойней и она перестала волноваться. Она увидела этот присущий ему откровенный, восторженный взгляд и сразу же успокоилась. Он по-прежнему любит ее. Когда он смотрел на нее, в его облике проявлялось что-то от прежнего Влада, в глазах блестел тот же огонек, в выражении лица и неповторимости его черт присутствовала та же утонченность, но седина в волосах не исчезала, а резкость движений похоже навсегда сменилась скорбной медлительностью. Лада с болью осознала, что он действительно постарел и никогда уже не станет таким, как был раньше. Что-то ушло из его души, а что-то изменилось в его психологии и, наверно, эти изменения были вполне естественны, но тем болезненней было их осознавать. Влад тоже заметил в ней определенные перемены: он раньше не видел ее такой юной и теперь мог представить, как она выглядела на выпускном балу в школе. И эта новая Лада нравилась ему не меньше той опытной и разумной женщины, с которой он привык жить. Но отлично ее зная, он понимал, что не все так просто: за ангельской оболочкой скрываются те же бесы, просто они теперь стали хитрее и интеллигентней.

— Как живешь? Вижу, что-то ты постарел, — сказала Лада, не здороваясь, — Наверно, это тебе на пользу.

— Да, твой отъезд особенно пошел мне на пользу, — сказал он с усмешкой.

— Разве нет. Вон, появилось очаровательное существо, которое ждет тебя возле машины и от удивления никак не может закрыть рот... или ей брекеты мешают.

— У нее нет брекетов.

— А-а, это значит свои зубы такие? Бедняжка... Я, собственно, не хотела с тобой встречаться. Приехала так... взглянуть на тебя издалека.

— Лада прости меня. Это все так глупо.

— Не смей, Влад, так говорить. Никогда больше не произноси этих слов. Наше будущее — суд и раздел имущества, — она с трудом сдерживала гнев.

— Лада, прости. Я был так слаб и мне так было не по себе в связи с твоим отъездом.

— Это, значит, моя вина, что ты мне изменяешь?!

Она ударила его по щеке. Влад немного отпрянул, но продолжал стоять на месте, она

ударил его еще раз, а затем снова и снова. У него покраснела и распухла щека, а у нее уже горела ладонь, но она не чувствовала облегчения, наоборот его вид, эта бабенка у подъезда, собравшиеся во дворе зеваки — все бесило ее и доводило до бешенства. Она толкнула его в плечо, Влад хотел поймать ее за руку, но она увернулась и, собравшись с новыми силами в азарте борьбы и всплеска всех своих негативных эмоций, стала пинать его ногами. Вполне возможно, что со стороны все это выглядело довольно комично, но ситуация была такой острой, что почему-то никого не потянуло засмеяться или хотя бы хихикнуть. Вскоре у него все брюки были в песке и следах от ее обуви, он не пытался увернуться и о том, что на самом деле ему больно, говорила его красноречивая гримаса. Наконец, Лада немного остыла. Разгоревшийся в ее глазах огонь потух, она плюнула ему под ноги, развернулась и ушла.

Влад простоял некоторое время на одном месте, затем вернулся к Кире.

— Хорошо она тебя отмочалила! Это кто, жена что ли? — спросила девушка, дотрагиваясь рукой до его щеки. Она была, как обычно, в веселом настроении и этот эпизод никак его не испортил.

Он, не церемонясь, убрал ее руку и сказал:

— Открой квартиру, я хочу собрать свои вещи.

— Уходишь от меня? После вот этого?! После того, что она тебе устроила?!

— Ладно, потом заберу, — он вытащил ее сумочку из машины и отдал ей.

Кира смотрела на него удивленными, полными непонимания глазами и даже не смогла ничего сказать, когда он захлопнул дверцу машины и уехал. Она осталась стоять у подъезда и, наконец, смущаясь заметила жалостливые взгляды, обращенные к ней всеми участниками этой сцены, а ведь почти все ей знакомы и теперь во дворе будут гулять сплетни про нее, а ей самой каждая встречная старушка будет с жалостью смотреть в глаза и спрашивать, как ее здоровье. Она медленно развернулась и нерешительно пошла домой.

Влад приехал домой и, не пытаясь остановиться и все обдумать, зашел в квартиру. Лада делала вид, что не ожидала его появления, хотя знала, наверняка, что он скоро появится, поэтому и торопила таксиста, рассчитывая приехать раньше мужа. Злость заиграла в ней с новой силой и, как только Влад переступил порог квартиры, в него полетела разная кухонная утварь. Она нарочно брала самые тяжелые и небьющиеся предметы. Ей под руку попалась склянка с перцем, она разбилась об стену и Влад стал чихать. Но вместе с чиханием, она услышала, что он смеется и это взбесило ее еще больше.

— Ты, наглый урод! Зачем ты приперся сюда за мной?! Ты уже устроил свою жизнь, оставь меня в покое! Ты, подлое дерьмо, скотина! Опустившийся имбецил! Прimitивный ублюдок! — она выкрикивала самые изощренные ругательства приходившие ей в голову и, под конец, когда она уже больше ничего не могла придумать, Влад рассмеялся еще сильнее и сказал:

— Сразу видно — творческий человек! Такая изобретательность!

Лада уже никак не могла стерпеть такой наглости. Она набросилась на него со стулом в руках, замахиваясь им с такой легкостью, как будто это была шариковая ручка. Стул разлетелся на несколько отдельных частей, его резные ножки отлетели к окну, а мягкая спинка ударилась о холодильник. По видимому, это сбilo спесь с Влада, он перестал смеяться и сощурился от боли. Девушка глубоко выдохнула и вернулась на кухню.

— Вон из квартиры!

— Я никуда не уйду, — сквозь зубы процедил Влад и ушел в ванную.

Лада успокоилась только когда его фигура исчезла за дверью. Она чувствовала себя так, как будто только что хорошо позанималась в фитнес-клубе, но перед глазами всплывало лицо этой веселой и, как ни странно, уверенной в себе девчушки и она снова чувствовала в себе прилив ярости и снова была готова ломать и портить все вокруг. Ситуация принимала вид замкнутого круга. Чем сильнее Лада понимала, что по-прежнему любит своего мужа, тем больше злости чувствовала к нему и тем острее осознавала, что не сможет его простить.

Когда через полчаса Влад услышал, что она успокоилась, то постарался как можно бесшумнее выйти из ванной и зайти на кухню, чтобы поесть. В комнате Лады не было, а так как он не слышал как открывалась входная дверь, то предположил, что она в спальне. Лада провела в комнате остаток вечера и около полуночи зашла в гостиную. Влад сидел на диване, скорчившись, перед ним на столе стоял стакан с анальгетиком.

— Ты еще здесь? — громко спросила Лада, — Вон! Убирайся, я не собираюсь ночевать с тобой в одной квартире.

— Я... я сейчас уеду. Поеду в травмпункт. Но потом вернусь.

Он обернулся и она увидела, что у него сильно опухло лицо и на висках и щеках горят бардовые ссадины. Его болезненность внезапно успокоила ее и она решила не накалять обстановку.

— Это из-за оплеухи? Поезжай к своей девке, она тебе обработает йодом.

— Я к ней больше не поеду.

— Отчего же? Так мило пожил у нее целый месяц.

— Она мне никто.

— А когда ты с ней спал, она тоже была никто?

— В целом, да.

Он встал и, прихрамывая, пошел к двери, на ходу придерживаясь за бок, где у него, по видимому, болело, потому что он морщился от каждого движения.

— Стоп. Вернись, — приказала Лада, поглядывая ему в след. Она не хотела быть сострадательной, но она не могла видеть его таким. — Давай я тебе помогу. Что у тебя болит?

Он сел на свое место и снял рубашку, а Лада принесла все необходимые средства вроде мазей, йода и бинтов. У него болели несколько ребер слева и она подозревала, что они треснули и ему придется делать снимок. Влад мужественно сжал зубы, когда она, сев ему на колени, пыталась нащупать переломы и дотрагивалась до гематомы, расплывшейся ниже. Она так ничего не определила, но плотно перебинтовала, чтобы он, двигаясь, меньше тревожил больное место. На припухлый висок уже было бесполезно прикладывать лед и Лада сделала повязку с рассасывающей мазью.

— У тебя теперь нескоро будут съемки, — она нагло рассмеялась.

Влад молчал. Ее близость демобилизовала его, он ничего не слышал и ни о чем не думал; он так скучал по ней, он так хотел увидеть ее и почувствовать. И теперь после всего этого скандала, после истерики и криков, она рядом, у него на коленях и сидит прижавшись к нему. Он уже забыл как выглядит Кира, забыл месяц проведенный с ней как короткий сон. Он не может жить без Лады. Почувствовав его настроение, Лада пересела и сказала:

— Ты не очень-то распаяйся. Сегодня переночуешь, а завтра катись на все четыре стороны. Спи вот тут, на диване.

Она ушла к себе в спальню, а Влад остался в комнате.

Смеркалось. Ни одной вибрации ветра в занавесках. Лада лежала, разглядывая рисунок на ширме, и прислушивалась к звукам в квартире. Телевизор не работал, свет был выключен — по всей видимости, Влад уже уснул. Она встала и, стараясь издавать как можно меньше шума, стала пробираться на кухню. Девушка уже практически дошла до середины комнаты, когда, наконец, заметила, что Влад сидит в кресле перед окном, подперев голову рукой, и о чем-то думает. Он почувствовал ее присутствие и обернулся.

— Раз уж ты сидишь тут и, вероятно, что-то обдумываешь, придется мне к тебе присоединиться. Нам давно надо все обсудить, — она налила себе воды и села на диван, ее голос доносился из глубины комнаты.

Влад развернул свое кресло, он не видел ее в темноте, но по голосу понимал, что она настроена серьезно.

— В общем, Влад, несмотря на все твои поступки, буду с тобой откровенна. Ситуация этого требует. Старайся понять все, что я скажу.

— Я уже заранее тебя понимаю и даже догадываюсь, что ты хочешь сказать.

— Тогда может мне и не стоит говорить вовсе?

— Нет, скажи. Облеки мысли в форму.

Лада ухмыльнулась: Влад всегда ведет себя нетипично и нельзя знать наверняка в каком он настроении в определенный момент.

— Скажу честно: за твою измену я тебя никогда не смогу простить. Я много думала об этом и поняла, что не хватает во мне тех чувств, которые мне помогли бы это сделать. Мой тебе дружеский совет, совет близкого человека — возвращайся к Кире. Она, судя по выражению ее лица, когда я ее видела, влюблена в тебя. Она хочет быть с тобой. Ты сам видишь: она позитивна, понятлива. Что тебе еще нужно? Ты можешь весело пожить с ней. Не со мной. Со мной по-другому. Сам знаешь, со мной все сложнее и труднее. Кира — то, что нужно тебе на этом этапе твоей жизни. У нас с тобой не будет прежних отношений. Я тебя не прощу. А Киру мне просто по-человечески жаль. Ты теперь поступаешь с ней нехорошо.

— Не люблю повторяться: мое отношение к Кире ты уже знаешь. Я вообще не понимаю, почему я должен к ней возвращаться? Лада, я с самого начала говорил ей, что будет. Она была согласна иметь со мной отношения на этих условиях. Она мне чужой человек. С тобой я не расстанусь ни при каких обстоятельствах. Я предупреждал ее, что мы не будем вместе и я люблю жену. Ей было все равно. Не вижу причин почему ей стоит обижаться. Ты — другое дело. Перед тобой я виноват. Но ты ведь знаешь, что мы не можем друг без друга. Прости меня, Лада. Постарайся, я хоть и виноват, но мне самому тошно из-за этой измены. Вообще-то, мне же это не свойственно. Так все вышло. Ты должна понять меня. Пойми насколько мне было тогда плохо и прости.

— Не получится, Влад. Поэтому и говорю сразу, чтобы ты возвращался к ней.

— Я уже сказал все по этому поводу и решения не изменю.

— Ладно, тогда давай жить вместе, но как... как друзья, как соседи, не претендуя ни на что большее. При таких условиях мы сможем сосуществовать, если это дружеское равновесие нарушится — мы расстанемся. Это единственный выход для нас.

Влад закусил губы, он предполагал, что Лада готовит ему какой-нибудь подвох и уже был готов к нему, но такого поворота вещей он не ожидал. Он долго молчал, обдумывая ту ситуацию, в которую сам себя загнал. Казалось, Лада в темноте читает все его мысли как будто он говорил их в слух; она чуть заметно улыбалась, когда он поглядывал на нее, обдумывая каждую новую мысль. Но Влад знал, что она сама не сможет продержаться в таком режиме — рано или поздно она его простит. А пока пусть будет так...

8

Прошел месяц. Лада и Влад действительно все это время жили как настоящие жильцы коммуналки: встречались утром на кухне, вечером вместе смотрели телевизор и обсуждали новости. В выходные Влад оставался дома и сочинял статьи, а Лада куда-нибудь уезжала на полдня на его машине и к вечеру возвращалась с покупками. Они были как прежде духовно близки и даже его измена не испортила этой необычной кармической близости, когда они могли понять друг друга без слов и целыми часами обсуждать одну волнующую обоих тему, на которую никто больше не заострил бы внимания. Эти темы могли быть самыми разными, но обсуждение их отношений — было негласным табу. Казалось, оба боялись нарушить это хрупкое равновесие, потерять баланс, необходимый для поддержания их совместной жизни.

Лада вышла из подъезда и направилась к машине Влада, собираясь сделать очередную вылазку в супермаркет и на рынок. Рядом с БМВ стояла красная Субару и из нее тут же вылезла девушка, как только Лада подошла к машине. Кира была взволнована. Очевидно, ей пришлось потратить много времени, чтобы подкараулить Ладу здесь. Ее лихорадочный румянец подчеркивал загар иссушенного солярием лица; она остановилась перед Ладой и в упор посмотрела на нее.

— Ну что, вернула его? Мужа. Довольна? Чем ты его держишь? Почему он сразу же ошалел, когда тебя увидел? Да, он же... он же... был невменяемый. Это ненормально. Он сам не знает, что ему нужно. Ты портишь ему жизнь.

Лада молча остановилась перед ней и посмотрела на нее сверху вниз, изучая эти светлые, вытаращенные глаза; глаза обманутой женщины. И вспоминала, что сама была на ее месте три года назад. Но в ней ничего не изменилось: тогда она оборонялась от нападков Ирины — жены Влада, теперь она столкнулась с обвинениями его любовницы. И по-прежнему она не собиралась опускаться до уровня разборок на базаре — тот уровень когда спорят из-за обвешивания или какого-нибудь иного материального надувательства, хотя эта девушка всем видом показывает, что готова общаться только в таком стиле.

— Я его не держу. Он может уйти когда угодно, но сам не хочет, — просто ответила Лада.

— Да, ладно! Рассказывать мне тут! Чем ты его прицепила? Ты же ведьма! Это сразу видно.

— Он — мой муж. Какие у тебя претензии? — Лада понимала, чего так боится Кира. Она не хотела упускать Влада, он был даже выше предела ее желаний и она готова была побороться с кем угодно за право быть в его жизни. Ладе только было непонятно, чего эта женщина хочет добиться таким разговором; неужели она считает, что своими резкими обвинениями сможет заставить ее оставить Влада? Или она просто слишком долго терпела и это был последний крик отчаяния?

— Со мной ему так спокойно, весело. А что можешь предложить ты? За что он так

рвется к тебе, как собака? Ты — ведьма. Ты делаешь ему больно, а он... он ползет за тобой. Подлая тварь, ты ничего не понимаешь в жизни.

Кира резко развернулась и, не выслушав ответа, села в свою машину.

— Ты недостойна такого мужчины, — добавила она в открытое окно и ее машина скрылась в облаке пыли.

— А ты что ли достойна? — усмехнулась ей вслед Лада.

Она почувствовала, как в ней самой закипает злость, но вместе с тем эта девушка откровенно ее рассмешила. Она кинула сумку на соседнее сидение, завела мотор и ее БМВ рванула следом. Не зная, чего она хочет этим добиться, Лада догнала красную Субару и пристроилась за ней. Теперь она уже не видела ничего плохого в рискованной уличной вендетте. Наглость Киры взбесила ее. Лада не была из категории людей получающих удовольствие от скандала на улице перед случайными зрителями, но эта дуэль на дороге вполне ее устраивала.

Это была чокнутая, бешеная гонка. Кира увидела машину Влада в зеркале заднего вида и попыталась оторваться. Рев японского турбированного мотора оглушал попутные машины. БМВ была бесшумной, она плавно и быстро маневрировала в потоке, так что многие водители еще не успевали ее заметить, а она уже скрывалась за поворотом. Машина вела себя послушно. Она безропотно и без лени выполняла любое желание Лады и девушка вспомнила то, что говорил о ней Влад и только теперь поняла, что он тогда имел в виду. Кира нервничала, ее выдавал характерный стиль вождения: она постоянно резко тормозила, пыталась кого-то объехать и тут же перестраивалась, неумело подрезая соседние машины. Лада была аккуратней; просчитав заранее ее траекторию, она ушла на крайнюю полосу и, быстро разогнавшись, перестроилась перед Субару и зажала ее перед отбойником. У обоих включилась аварийная сигнализация и обе выскочили из машин и кинулись к друг другу. (Эта сцена доставила немало удовольствия проезжающим мимо водителям — слишком характерные жесты и мимика были у обеих женщин).

— Если я еще раз увижу тебя у своего дома, получишь неслабо? Ты поняла?! — сказала ей Лада, — Влад говорил, что ты шлюха. Так вот, найди себе кого-нибудь другого, а нас оставь в покое. Я предупреждаю только один раз.

— Влад, Влад ничего не понимает. Я... я... да у меня было много парней, но... но это... так... не имеет значения. Ему будет хорошо со мной, а ты делаешь ему больно, — Кира попыталась достать сигарету дрожащими руками.

— Я уже это слышала. А ты, кто — врач, что ли? Рядом с тобой он тупеет, а он не должен, не может быть заурядным человеком. Он — необыкновенный. Он — прекрасный журналист и тонкий, умный человек. Думать, переживать, страдать, любить — его судьба. Без этого он бы не был самим собой. А ты хочешь сделать из него заурядного, утомленного жизнью, парня, говорящего последнее прощай уходящей молодости. Да, что я перед тобой распинаясь?! Ты же не слова не понимаешь! — внезапно, Лада рассмеялась. Она все больше понимала Влада, когда он говорил, что у него нет ничего общего с Кирой.

Кира продолжала настаивать на своем; она пыталась что-то внушить, обрывала себя на полуслове, начинала новую фразу и тут же вообще теряла смысл того, что хотела сказать. Ее разговор принимал характер несвязанного бреда. Лада еще раз предупредила ее не появляться у нее на глазах, села в машину и резко отъехала, чуть не задев боковым зеркалом зеркало Субару, хотя это было сделано нарочно. Кира испуганно посмотрела на свою машину и осталась на том же месте, пока ее фигура не исчезла из вида.

За окнами вибрировал гул нарастающего дождя. Вспышки молний сияли отблесками на стеклах. Наступившая внезапно гроза сделала коротким самый длинный день в году.

Спутниковое телевидение не работало, сеть «повисла», даже свет в квартире иногда мигал и гаснул. Лада и Влад последние три часа сидели в гостиной за столом и пили кофе. В комнате было так шумно как будто улица ворвалась внутрь, капли дождя иступленно молотили подоконники. Лада была задумчивой: последняя встреча с Кирой вывела ее из состояния равновесия. Она глубоко вздохнула и опять посмотрела на Влада, который с невозмутимым видом пил кофе, обернув лицо к окну, так что его рельефный профиль выделялся темным силуэтом. Он вдохновенно сообщал, что скоро поедет на полигон тестировать гоночную модель, которую умелые японцы поставили на конвейер, чтобы сделать серийным автомобилем. Но Лада его не слушала.

— И как это было? Теперь ты можешь мне рассказать — мы же друзья, — сказала она.

— Что было?

— Как ты спал с Кирой? Она тебя впечатлила или не очень?

Влад поморщился и посмотрел на нее. В его взгляде мелькнуло отторжение.

— Ну, давай, расскажи. Ты же откровенный человек, тебе незачем меня стесняться. Все нормально. Расскажи, как... как... рассказал бы Олегу.

Влад смотрел на нее и не понимал: над кем больше она издевается — над ним или над собой?

— По-моему, неудачная тема для разговора.

— Очень даже удачная. Влад, ты же знаешь мы гораздо ближе друг другу, чем муж и жена. Мы можем быть откровенными.

— Лада, в сущности это все пустое, так что не стоит ни говорить, ни вспоминать об этом.

— Да, но из-за этого мы с тобой стали обычными друзьями. Так что, я имею право знать, стоило ли этих жертв?

Лицо Влада исказилось, выражение взгляда Лады, напротив, не выдавало ни одной эмоции. Она вопросительно кивнула и продолжала:

— Смелей, Влад. Ты же видишь — я уже спокойно ко всему отношусь. Похвастай, давай.

— Я ее не любил, поэтому и говорить нечего. Спать с тем кого не любишь — все равно что питаться полуфабрикатом, ешь ради того, чтобы не умереть от голода.

Лада на секунду представила Влада и как он обнимает голые плечи Киры, как они улыбаются друг другу и она (наверняка она это делает) гладит его волосы. У нее похолодело где-то ниже сердца и она вздрогнула.

— Нет, не то. Это все я знаю и понимаю куда ты клонишь. Отвечай конкретней. Я хочу прямого сравнения: в чем разница между мной и ею?

Влад был смущен. И его покрасневшее лицо вызывало странное умиление. Совсем некстати в эту минуту.

— Как тебя вообще можно с кем-то сравнивать?!

— Влад, я сказала: прямой вопрос — прямой ответ.

— Она... она какая-то наигранная, в ней сплошные клише и догматика книжного бреда, все эти советы из бабских журналов. Как будто не человек, а робот. Даже в постели. Ты естественней и вообще...откровенней, — Влад запнулся и вовсе замолчал.

Лада опять представила его рядом с Кирой; он смотрит на нее, говорит с ней, им так приятно быть вместе... так же как... ему с ней сейчас. Нет, она не сможет простить. Эта нелепая дружба между ними ни к чему. Несмотря на его любовь, несмотря на привязанность к ней, она не в силах простить эту измену. Она не может побороть себя и перестать думать и представлять, как он был с Кирой; пусть это были простые отношения без обязательств и любви, без взаимопонимания и истинной близости, но он был с ней, и под утро он утыкался лицом в ее плечо и пил сваренный ею кофе.

Прошло еще полтора месяца. Отношения между Владом и Ладой не изменились, они по-прежнему оставались друзьями, но оба понимали, что ситуация дошла до переломного момента. Кира практически исчезла из поля зрения, хотя все равно изредка позванивала Владу и, когда он в очередной раз не брал трубку или снова повторял, чтобы она не звонила, девушка начинала звонить его брату. Олег философски воспринимал сложившееся положение и старался им лишний раз не рассказывать о ее звонках.

Лада с мужем провела несколько дней на даче у ее родителей и как-то вечером после грозы они ехали домой; Влад на следующий день рано утром должен был тестировать на полигоне новый автомобиль и им пришлось уехать раньше.

На небе пылали закатом облака. Вечерняя природа была умиротворяюще тиха и взгляд приковывало огненное небо со своими насыщенными оттенками.

— Поедешь завтра со мной на полигон? Я попрошу, чтобы тебе тоже разрешили проехаться, — спросил Влад.

— Нет. Я бы поехала, но не смогу встать в такую рань. Бери с собой Олега.

— Ладно, придется взять его. Я так нервничаю. Я раньше никогда не ездил на таких гоночных автомобилях, не знаю, как он себя поведет.

На руках у Лады дремал Локки, она нежно его поглаживала и, казалось, о чем-то задумчиво вспоминала.

— Меня Игорь называл Фрейя. Знаешь эту скандинавскую богиню, которая везде появляется с котом? Похожа я на нее? — спросила она, улыбаясь.

— Фрейя — вечная вдова. Не очень-то хорошо быть на нее похожей.

— Ну, тогда придумай что-нибудь поинтересней.

— Лада, я не люблю сравнивать. Знаешь их же скандинавскую легенду сотворения мира? В начале времен была бездна — пустота и хаос — ничто, по краям этой бездны располагались два мира: Нифльхейм — обитель туманов, снегов и вечного льда и Муспелльхейм — пространство огня. В бездне забил источник и холод Нифльхейма стал превращать воду в лед, но жар Муспелльхейма заставлял льдины подтаивать. Они громоздились и терлись расплавленными краями, от этого трения стали возникать искры. По преданию эти искры — души людей. Суть в том, что мы в себе совмещаем и жар Муспелльхейма и ледяной холод Нифльхейма. В идеале баланс двух энергий. Но, мы люди, и поэтому зачастую впадаем в крайности и каждого тяготит свой мир.

— Чья энергия лучше холода или огня?

— Спроси у себя. В тебе они проявились ярко.

— Спрашиваю постоянно. Но, боюсь, до конца света не успею понять. Осталось так мало времени...

— А ты уже готовишься?

— А как тут подготовишься? Ты веришь, что что-то случится?

— Я думаю, процесс уже запущен. Только этот «конец света» не совсем то, что мы себе представляем.

— Хляби небесные разверзнутся, пойдет огненный дождь и поскачут всадники — предвестники. Нет? Разве этого не будет? Такая красочная картина складывалась.

— Конец неотъемлемая часть начала. Добро проявляется на фоне зла. Вся вселенная действует, благодаря различным полюсам: добро — зло, расширение — сжатие, свет — тьма.

— Хочешь сказать, что мини-концы света происходят периодически?

— Да. Старое отживает, приходит новое. Меняется сознание, меняются идеи.

Они приехали домой поздно. Владу нужно было рано вставать, поэтому он, ничего не перекусив, сразу лег спать. Лада выпила чай и тоже пошла в спальню. Она остановилась в гостиной и посмотрела на Влада. Ей хотелось еще поговорить с ним, обсудить их отношения и, наконец, простить его, помириться с ним. Позвать с собой. Но он уже спал и она, еще раз глянув на его умиротворенное, красивое лицо, ушла к себе.

Лада проснулась поздно, когда Влада уже не было. Она распахнула настежь все окна и решила немного убраться в квартире. В спальне все еще пылились привезенные из Петербурга картины и она, первым делом, распечатала их и стала выбирать места на стене, куда бы их повесить. Взглянув на свои работы, после довольно долгого промежутка времени, она подумала, что в них нет ничего особенного и если это результат всей цепочки событий, которая привела к тому, что они с Владом живут почти порознь, хоть и видят друг друга постоянно, то не стоило этого начинать. Исаакиевский собор под снегом выглядел невзрачно; единственное, что разбавляло композицию от которой так и веяло холодом — это яркая позолота маковок, получившаяся у Лады настолько натурально, что казалось она сама присутствовала в момент строительства собора и первой увидела его законченный вид. В осеннем пейзаже все же было что-то выразительное, что могло пленить взгляд случайного зрителя. Лада подумала, что Владу наверняка понравится эта картина, потому что в ней есть определенные эмоции, тонкий стиль. По морскому простору и песчаному пляжу нельзя было понять какое время года изображено, но игра красок на небе выдавала хмурую грусть осени с ее глубоким, голубым небом, которое только в этот период бывает особенно ярким и насыщенным лазурью.

Лада просверлила две дыры в стене в прихожей и повесила картины, так что они теперь сразу бросались в глаза, когда кто-нибудь заходил в квартиру. Она как раз убирала мусор, когда во входную дверь громко постучали. На пороге стоял Олег, он быстро зашел в квартиру и захлопнул дверь. Лада никогда не видела его в таком состоянии. У него было серое лицо с отпечатком ужаса, а взгляд, казалось он ничего не видел и почти ни на что не реагировал, он был погружен в себя и сначала не поздоровался и просто стоял и молчал.

— Олег, что случилось?

— Влад разбился. Я был там с ним...

— Как это...

Лада резко ослабла и стала сползать по стене на пол. В последний момент она ухватилась за дверную ручку и это не дало ей упасть совсем. Она прижалась к торцу двери и посмотрела на Олега, какими-то несвойственными ей глазами с отчаянием и болью.

— Там был туман... на полигоне. Он видно не рассчитал со скоростью на повороте.

Машина перевернулась и тут же загорелась. Мы даже подбежать не успели, — Олег с трудом произнес эти слова, глядя мимо нее. Он не мог видеть ее глаз.

Лада ни о чем не спрашивала, она закрыла лицо руками и уткнулась в дверь. Олег увидел как капли слез заструились у нее между пальцев.

— Лада, я должен тебе сказать... Я понимаю, сейчас... после всего... но тебе надо это знать.

Лада посмотрела на него таким взглядом, что она уже готова к любой новости и ее уже ничто не может тронуть или задеть.

— Я сейчас, когда приехал к тебе, встретил здесь у вашего дома Киру. Она только подъехала. Лада, она беременна. От Влада. Третий месяц. Она говорит, что это его ребенок. И она просто приехала сообщить ему об этом. Она хотела встретиться с ним.

— И что она от меня хочет, чтобы я ей алименты выплачивала? — Лада ухмыльнулась.

— Я сказал ей о том, что случилось и она упала в обморок у меня на руках. Мне пришлось отвезти ее домой. Она переживает. Я думаю, она не стала бы врать про отцовство Влада, тем более, что это легко проверить. Ты меня прости, но мне... мне почему-то жалко ее.

Ладу покорило то, что о случившемся узнала первой не она — жена, а любовница, почти посторонний человек, пусть даже вынашивающий его ребенка. Это было несправедливо и болезненно.

— Жизнь Влада была застрахована, — сказала Лада. Ей вернулась возможность трезво смотреть на вещи и теперь она снова стала похожа на прежнюю Ладу, — Я должна получить очень приличную сумму. Возьми эти деньги и распредели поровну между его детьми. Но только сделай так, чтобы моего присутствия нигде не требовалось и чтобы я не видела ни его детей, ни их матерей.

Она встала, опираясь руками о стену, и прошла на кухню, чтобы сварить себе кофе. Олег посмотрел ей вслед и, глядя на эту стойкую, сильную женщину, ему стало спокойней и состояние безысходной грусти сменилось задумчивой рассудительностью, присущей восточной мудрости.

1

Белые стены, медные колокола звонницы, под сводом приоткрытые железные ворота, которые ненавязчиво приглашали войти. Лада разглядывала монастырь и внешне он ей нравился все больше; строгая аскетика, лаконичные формы, пробуждающие скорее умиротворенность, чем восторг. Девушка, немного отдохнув, снова повесила сумку с вещами на плечо и прошла внутрь, в ворота, которые, казалось, были приоткрыты специально для нее. Двое встреченных по дороге сестер- послушниц проводили ее к настоятельнице монастыря. С матушкой Антониной Лада общалась через Интернет и после настойчивых просьб девушки, монахиня пригласила ее в монастырь.

Настоятельница встретила ее на скамейке перед церковью, где проходили службы. Это была невысокая, полная женщина; у нее было румяное лицо и яркие светлые глаза, искрящиеся и выдающие внутренний покой. И действительно она не производила впечатления человека, терпящего лишения (как впрочем и остальные монахини монастыря), скорее наоборот — в каждой встреченной здесь женщине было что-то особенное, как будто они все вместе обладают чем-то, что отсутствует в светской жизни обычных людей.

Лада поздоровалась и присела рядом.

— А утро-то сегодня какое! Как спокойно и свежо, — матушка Антонина слегка нагнулась к клумбе с цветущими белыми розами, разглядывая цветы, — Последние дни перед заморозками. Вы твердо решили пойти к нам, стать послушницей? Вы видите наш уклад: нет суеты, нет спешки. Жизнь здесь одинакова и размеренна, каждый день похож на другой.

— Да, я не могу иначе. Я как будто в тисках, мне нужно освободиться.

— Я понимаю, то что вы мне написали о себе — это очень горькая правда. Потерять двух мужей — тяжело, тем более в такой короткий отрезок времени. Пусть покоятся с миром.

— Мне кажется: моя жизнь проклята. Я как будто приношу несчастье. Я виновата во всем, я нагрешила с необыкновенной силой, но мои грехи искупили эти два человека. Я сильно любила обоих, но, видимо, и заставляла их страдать. Не могу я дальше жить так, голова раскалывается от этих мыслей.

— Поймите: вы бежите от чего-то, а в монастырь приходят к чему-то. Насколько серьезен этот шаг?

— Это самый серьезный шаг во всей моей жизни. На мне тяжесть вины и я не смогу уже от нее избавиться, но я должна научиться жить с этим, переносить это.

— Вы не виноваты в случившемся. Все было predetermined. Вы сами это поймете, но для этого нужно время. Ну что ж, поживите у нас кандидаткой в послушницы пару лет, а потом, если ничего не изменится, примите постриг. Будете помогать сестрам на кухне, а жить в пристройке в келье.

Келья оказалась не такой маленькой и темной, как представляла Лада. Это было небольшое светлое помещение с деревянной кроватью и парой тумбочек. За окном росла береза и ее ветви бились в стекло во время сильного ветра и сыпали пожелтевшие листья на подоконник.

Само одноэтажное здание одним торцом примыкало к монастырю, где тоже находились кельи. Метрах в двадцати от другого его края располагалась довольно большая изба, служившая столовой и трапезной, там сестры готовили и обедали. Определение на кухню порадовало Ладу. Именно этого она, пожалуй, и хотела. Она не смыслила ничего в садоводстве и не смогла бы помогать выращивать овощи и ухаживать за цветами; шить она тоже не умела, поэтому вряд ли от нее было бы много пользы той группе монахинь, которые шили одежду для детских приютов; для сестринского дела ей бы не хватило усидчивости; в общем, Лада оказалась на своем месте. Пар и жар кастрюль ее никогда не смущали, а то, что готовили послушницы пищу в печи на открытом огне, было для нее настоящим откровением. Сестры, занятые на кухне, просыпались раньше всех — чуть позже трех часов, растапливали печи и подготавливали продукты, потом уходили к четырем на молитву, а по возвращении принимались готовить завтрак. Ладу ознакомили с содержанием постного меню и она поразила его изобилием и тому, как из, казалось бы, скудных продуктов получаются насыщенные и питательные блюда.

Послушницы поначалу относились к Ладе настороженно, они думали, что она будет всему удивляться и совершенно растеряется у плиты перед живым огнем. Но сама обстановка и вид печи, пропитавшейся запахами разных кушаний, придали ей силы и Лада тут же закатала рукава и убрала косынку чуть выше на лоб. Готовили пироги с капустной начинкой, а в больших чанах уже варился смородиновый кисель. Сестры не стали нагружать ее работой и просили только помочь разложить пирожки на противень. Когда все блюда были готовы и уже дымились на столах, стали подходить остальные послушницы и, с благословения настоятельницы, они принялись ужинать.

Как и говорила настоятельница в монастыре действительно каждый день был похож на другие дни, а небольшой нюанс в проживание здесь приносили лишь сезонные изменения погоды, хотя образ жизни оставался тем же. Монахини одинаково вставали около четырех, вне зависимости от того вьюга валит снег, или уже поют птицы на раннюю зарю. Лада познакомилась с послушницами, но близких подруг у нее не появилось. Сестры не замечали в ней тех эмоций, которые были у них и не верили, что она может задержаться у них надолго. Темный огонь в ее глазах выдавал жгучую жажду жизни, она не могла быть в монастыре, это не подходило ее требовательной, азартной натуре. И если на этом этапе она с упорством отказывалась от прежней жизни и посвящала себя молитвам, то это не значило, что подобный стиль жизни заставит ее укорениться в этом тихом месте.

Магушка Антонина часто встречала ее по вечерам в церкви, в то время, когда уже все службы были закончены. Она понимала, что эта женщина ищет и не может найти покоя. Лада с тихой грустью вскидывала свои раскосые глаза к куполам, всматривалась в лики святых на иконах и искала ответы, но судя по тому, что это все повторялось каждый день, ответы были для нее недостижимы.

Настоятельница встретила ее как-то вечером у церкви и заговорила, надеясь выяснить, что тревожит молодую женщину.

— Моя жизнь не угодна Богу. Вы видите, люди близкие мне пострадали. Косвенно это моя вина. Не могу найти покоя, все думаю об этом, — ответила Лада.

— Нам не дано знать, что Господь думает о нашем пути. Мы считаем, что жизнь бессмысленна, но это потому, что мы не смотрим в глубину, мы ищем ответы на поверхности.

Они стояли перед анфиладой у опавшей березы и суровый осенний ветер развивал

концы их темных платков. Монахиня заметила, что на дневном свету в лице Лады исчезала средиземноморская теплая смуглость и оно приобрело серо-бронзовый оттенок. Девушка кивнула и, попросив благословения, ушла: все внутренние проблемы она привыкла решать наедине с собой. Тем более, что она итак знала, что в ее случае может сказать настоятельница, чтобы подбодрить и знала, что это мало подействует на ее совесть, пока она сама не поймет того, к чему так стремится.

На следующий день поздно вечером она опять стояла перед алтарем. Она сжимала в ладони крестик, тот самый, который ей дали при крещении больше двадцати пяти лет назад. И снова в ее глазах читался немой вопрос: «Моя жизнь бессмысленна. Бесцельна. Зачем же я живу? Я ведь принесла горе. Они оба могли бы еще жить. Они достойны хорошей жизни, а получилось так... У них обоих были цели, стремления и вот... это все оборвалось. А я? У меня нет ни того ни другого, а живу... Для чего?»

Ноябрь выдался холодным. Спустя два месяца монастырской жизни Лада почувствовала все значение слов матушки Антонины: здесь можно было прожить двадцать лет и потом опомнится, почувствовав, что прошло всего две недели; здесь время шло не спеша, но пролетало быстро.

В этот раз Лада оставалась после ужина на кухне, чтобы прибраться и поставить тесто на опару. Все действия за время проведенное в монастыре уже выработались и она делала все машинально. Вычистив кухню и разложив сухую посуду, она принялась за тесто. Чтобы помещение не промерзло, они поддерживали постоянный огонь в печи, поэтому Ладе пришлось сходить в сарай за бревнами и заложить новых дров. Она подождала пока бревна разгорятся, прикрыла дверцу и перешла к соседнему шкафу, чтобы взять продукты для приготовления теста. За окном жалобно выл ветер и по полу постоянно проносился сквозняк. Лада не хотела ни о чем снова задумываться и пыталась сосредоточиться на своих действиях, но мысли назойливо вызвали в воображении образы тех, кого нет и она, в конце концов, села на лавку и, обхватив голову руками, заплакала. Сколько прошло времени пока она так сидела, девушка не знала, но из этого состояния ее вывела ночная тишина и слабый треск бревен в печи. Лада закончила готовить тесто, убрала его и, погасив свет, покинула кухню.

В келье было прохладно и темно. Девушка включила свет и села на кровать. Она уже собиралась ложиться, когда внезапно, заметила яркие отблески в окне. Лада подбежала и выглянула наружу.

— Опять моя карма! — воскликнула Лада, просунув лицо в узкую щель приоткрытого окна.

Блики огня отражались в стекле, а густой дым желтоватым столбом выделялся на фоне ночной мглы. Горела кухня, и причем уже успела схватиться основательно: всполохи огня начинали подниматься над крышей. Лада выбежала из пристройки, на ходу схватив ведро, и кинулась к дому. Ее лицо озарило пламя и она на миг остановилась. Но затем, опомнившись, она резко рванулась вперед и остановилась у крыльца, не зная, что предпринять дальше. Удушливый запах схватил ее за горло. Она закашляла и уперлась рукой в горящую рейку, у нее кружилась голова. За ее спиной раздавались испуганные крики послушниц, но Лада не стала никого ждать. Она ступила вперед и тут же упала на пол.

Лада открыла глаза и увидела над собой глубокое, звездное небо. Морозный воздух освежил легкие и проветрил симптомы головокружения и тошноты. Она лежала на скамейке, а вокруг столпилось человек пять послушниц.

— Все, расходимся. Чего встали? Нечего тут мерзнуть, — приказала настоятельница и, протиснувшись к скамейке, наклонилась к Ладе.

— Спасибо, — слабо простонала Лада, обращаясь к расходившимся сестрам, она не знала, кто конкретно вытащил ее из горящего дома, но чувствовала, что переживали за нее все.

— Я, кажется, вам кухню спалила? — спросила она.

— Да, ничего. И так обновлять собирались. Все к лучшему, — улыбнулась матушка Антонина.

— А где же вы теперь готовить будете?

— Приспособим пока пристройку.

— Видите, доказательства? Я же говорила. Это какой-то рок. Из-за меня у вас сгорело здание. В смысле, я, конечно, не хотела чтобы так случилось, но... но... это судьба.

— Самое большое проклятие — неверие в силу и замысел божий.

— Но, я не вижу его замысла в том, что произошел пожар по моей вине, или в том, что случилось с моим мужем.

— Вы пока не готовы понимать. Но время придет, когда вы все узнаете. Вы не должны терять веру и отчаиваться.

Лада понятливо кивнула, но в ее глазах мелькнуло сомнение и она с трудом подавила вздох скепсиса. Она была слишком утомлена, чтобы пытаться доказать правоту своих убеждений.

Олег сразу узнал Ладу, хотя она была одета, как обыкновенная монашка: в темное пальто и платок. Она остановилась перед его машиной и посмотрела на нее испуганными глазами. Это была машина Влада, она сама отдала ее его брату, но теперь... как будто увидела привидение. Лада села рядом и обернулась назад, чтобы в последний раз взглянуть на монастырь. Кованные ворота все еще были приоткрыты и выглядели, как эффектный элемент всего архитектурного ансамбля. Этот подмосковный монастырь мог бы быть образцом монашеской жизни и монастырского уклада и она пожалела, что не смогла понять всего смысла пребывания здесь и остаться в общине. БМВ медленно отъехала и белоснежный комплекс исчез из вида. Лада была рада встретить Олега; он единственный из ее родных и друзей не отговаривал девушку пожить здесь, а теперь не будет упрекать и досаждать своими умозаключениями на счет ухода.

— Что теперь собираешься делать? — спросил он, когда она повернулась.

— Наверное, поживу на даче какое-то время. А в квартиру пушу жильцов, заодно подзаработаю.

— Тебе нужна машина, пока будешь жить на даче.

— Да, не помешала бы, но сейчас у меня нет свободных средств.

— Забирай свой Джип.

— Джип Cherokee? Влад отдал его тебе?

— Да, у меня тогда не было машины и он подарил мне его. Ты же отказалась. Тебе он все еще нравится?

— Конечно, — Лада обрадовалась. Эта машина, купленная ей в подарок, служила сладким воспоминанием о муже, которого она уже не увидит, но можно почувствовать его присутствие в его вещах, понять его мысли и настроение, отпечатавшиеся навсегда в его поступках.

Тонкий слой белой снежной пелены покрывал поля зеленеющей травы и задерживался на опущенных ветвях лиственниц, трепещущих на морозном ветру вместе с облетевшими березами. Вода в Волге была как никогда черной и быстрой; ее ровное движение разбавляло монотонность однообразного пейзажа поздней осени. Лада отошла от окна и бросила на подоконник кисть с успевшей высохнуть краской. На чистом полотне было всего пару мазков, которые не выдавали ни намека на замысел автора. Как она не пыталась себя заставить что-нибудь изобразить, ничего не получалось — у нее не было ни вдохновения ни особого желания рисовать.

Она включила телевизор: те каналы, которые не были заняты очередными новостями о мировом кризисе и его обсуждением с активным поиском виноватых, показывали знакомые всё лица — широкое улыбочливое лицо Николая Баскова сменялось худощавой фигурой Галкина, в образе какого-нибудь светского персонажа. Не дослушав русской-народной песни с веселыми гиками и красочным мельканием перед экраном, она выключила телевизор и убрала пульт на полку. В буфете за стеклом, за жестяными банками с чаем и наборами специй, стояла бутылка бренди и, казалось, наблюдала за ней. Лада помнила: еще одна в шкафу в спальне, но уже окончательно забыла, как приехав, расставила их. На столе появился стакан и кое-что из закуски.

За окном плыли хмурые тучи, небо переливалось свинцом, а в комнате было тепло и комфортно; сладкая, коричневая жидкость в стакане приносила ощущение летней утомленности. Приглашала задуматься о насущном, но посмотреть на вещи совсем под другим углом; вспомнить прошлое и уловить в нем новые оттенки. Время шло, бутылка пустела. Жизнь казалась все более и более бессмысленной. Судьба слишком громкое название для того, что происходит с рождения до смерти; этот период лишь череда случайностей и странностей, которые не поддаются анализу.

«А ведь они не любили меня, ни Влад, ни Игорь», — думала Лада, — «Игорь любил море, но он бы не узнал, что это такое, если бы я не придумала перебраться в Калининград. Ему не нужно было ничего, кроме этой лодки, чтобы быть там... быть в море. Он даже не стал за меня бороться. Он — такой вечно гордый, честолюбивый, смог отдать меня какому-то почти нищему журналисту. Как же он любил меня? А, Влад... он, вообще, любил все что угодно, кроме меня. Единственное, что доставляло ему радость — его статьи. Меня не было в его мыслях. Это истина, мне надо бы смириться. Я любила их, я тратила на них свои эмоции, отдавала им свою жизнь, а они просто были со мной рядом». Она обхватила рукой горло бутылки и уперлась лбом в сложенные пальцы.

Лада проснулась рано от жажды. Обе бутылки стояли на столе в окружении оберток от конфет и крошек печений. Она допила остатки чая и взяла ключи от машины.

Джип резко остановился у магазина ближайшей деревни, перекрыв выезд несколькими машинам, и девушка неровными шагами зашла внутрь. Изумленные покупатели посторонились и позволили ей сделать покупки без очереди. Выбор алкогольных напитков не вызывал ощущений восторга и Лада была вынуждена остановиться на московском коньяке и водке. Она купила несколько бутылок (тут же забыв это число), кое-какие продукты и уехала обратно.

Лада стояла в табачном дыму перед картиной и пристально смотрела на полотно. В одной руке у нее застыла кисть, а в другой в стакане плескался коньяк, который она

периодически отхлебывала, после завершения какой-нибудь линии. Пепел с сигареты уже начал осыпаться ей на одежду и она выкинула окуроч в тонкую щель приоткрытого окна.

«Я все понемногу начинаю понимать: меня никто по-настоящему не любил. Игорь был всегда погружен в работу, а потом, когда не стало целей и планов, его внимание переключилось на путешествия по морям. Он жил в свое удовольствие. Он не вспоминал обо мне. Да, он даже не опомнился, когда я ушла. Влад, вообще, — странная история. Все, что у него на уме, можно прочесть по лицу. А там не так уж много: зарисовки статей, новинки автопрома, природа, «которая заставляет его изумляться и понимать этот мир». В общем, это его цельная натура. А я? Где же я? Почему же я его любила?» — она размышляла, облокотившись на подрамник и болтая жидкость в стакане.

Так прошло несколько дней, пока однажды Лада не проснулась с головной болью. За это время она успела нарисовать несколько картин и они сразу бросились ей в глаза, когда она встала с кровати. «Это что за мазня?» — подумала она, пристально вглядываясь в полотна. Она со злостью стала сдирать картины с рамок и рвать их в клочья. Вскоре на полу образовалась куча разноцветных клочков, шуршащих под ногами. Лада стояла в центре и удивленным взглядом смотрела на свое творчество. Ноги подкосились и она неловко упала, уперлась руками об пол и расплакалась. «Что же это со мной? Что же это я думала? Как мне могло прийти в голову, что они меня не любили? И Влад и Игорь любили меня. Я все время старалась как-то переделать их. Я смеялась над Игорем, над его деловой хваткой, над азартом в бизнесе, я разрушила все его перспективы, а он мог бы достичь еще большего. И в результате он нашел себя в другом деле и поменялся. Я заставила его поменяться. Также, как и Влада. Он жил в своем фантазийном мире, а я начала опускать его до реальности, заставляя научиться вести дела и, наконец, начать работать. У него вышло неплохо, он смог интегрироваться в эти изменения, оставаясь таким же как и был. Они любили меня, каждый по-своему, но оба одинаково сильно. И мне теперь не хватает этой любви. И я не могу свыкнуться с тем, что случилось, с тем, что я одна. А я ведь так и не простила Влада. Мы расстались навсегда... а он теперь не узнает, что я хотела простить его. Это непоправимо. И я уже никогда ничего не смогу изменить. Он говорил, что Игорь простил меня за то, что я его бросила. Но его самого я так и не успела простить. Он никогда не узнает, что я хотела все вернуть». Продолжая плакать, она потянулась за бутылкой, содержимое которой приветливо булькнуло и сверкнуло отражением лампы с потолка. Итак, стиль ее мышления поменялся, но образ жизни остался прежним. Понимая, что все это ведет к болезни, она не могла отказаться, эта привычка помогала справиться с дурными мыслями и почувствовать себя спокойней.

Этот день выдался особенно морозным. Воздух звенел свежестью, шел мелкий снежок, обжигающий кожу так, как будто с неба падал лед. У Лады с утра опять болела голова и даже утреннее опохмеление ей не помогло. Она решила прогуляться к реке.

Волга уже покрылась льдом и снежный покров серебрился там, где через полгода снова будут нестись бурные воды, скрытые теперь под ледяной корой. Лада спустилась к берегу и, не замечая границ реки, пошла по льду. Внезапно, раздался отрывистый хруст. Тишина. Через пару секунд треск повторился и постепенно перерос в протяжный гул. Лед треснул под ее ногами и начал лучами расходиться от той точки, где она стояла. Лада смотрела себе под ноги и не решалась сдвинуться с места. Наконец, с оглушительным ревом льдины стали раздвигаться, она поскользнулась и упала в образовавшуюся полынью. Холодная вода в миг освежила ее, выветрив все остатки алкоголя, накопившиеся за прошедший месяц.

— Ох, что мне делать? Что мне делать? — повторяла девушка, хватаясь за края обломившихся льдин.

Она чувствовала, что мощное глубинное течение уже окутало ее и готово подхватить в любой момент и утащить под лед. Она пыталась барахтаться ногами, но течение было сильнее, с каждой секундой с большей силой утягивая за собой. Лед начал крошиться под ее пальцами. Она пыталась ухватиться руками чуть выше, но ладони соскальзывали, оставляя красные полосы от пораненной кожи.

— О, Господи, Господи, — только и повторяла она, оборачиваясь вокруг себя в проруби и пытаясь схватиться за край.

Лада почувствовала, что холод пробрался внутрь и начинает сковывать ее движения. Ноги онемели, а руки нестерпимо болели от ран и обморожения. В голове усиливался странный звон, перекрывая все другие звуки, даже ее собственное дыхание.

— Нет, нет. Я не хочу так. Я ведь ничего не понимала, Господи, — проговорила она чуть слышно, губы свело из-за холода и она уже не могла их раскрыть, — Я хочу последний шанс!

Вдруг, течение слегка ослабло и немного изменило курс. Она попала в какое-то завихрение в воде и ее, как пробку, слегка вытолкнуло на поверхность. Не раздумывая что делать, она просто вытянула руки и зацепилась ногтями за лед. Лада выбралась и доползла до берега. От изнеможения и усталости она упала в снег, повторяя только одно слово «спасибо». Немного придя в себя, она поднялась и огляделась. Оставленная ею прорубь зияла темной рваной раной посреди серебристой ледяной поверхности.

— Больше ни грамма алкоголя в рот не возьму. Последнее слово, раз и навсегда. Все! Это мой обет, — сказала она, растирая лицо снегом.

2

И это действительно подействовало. С этого момента образ жизни у нее кардинально поменялся: она опять занялась спортом, пыталась питаться с пользой и всячески оздоравливать свой организм.

К ней вернулось (или скорее она обрела) творческое вдохновение и каждый новый день приносил ей радость от возможности создавать работы. У нее выработался свой неповторимый художественный стиль — она изображала, в основном, пейзажи, природу в разных ее ипостасях, но стильным элементом каждой картины была какая-нибудь нереальная, невозможная при простых условиях, деталь, удивительный штрих, придававший картинам оригинальность. Так например, в зимнем пейзаже, среди покрытых снегом сосен и укутанных голубоватой пеленой берез, появилась цветущая яблоня. Она выделялась своим теплым, нежным белым цветом со штрихами розового; и эта мягкость резко контрастировала с холодными оттенками зимней природы. Шторм на море заполнял все полотно и в перспективе тянулся к горизонту, а на переднем плане в прозрачной бирюзовой воде плавали стройные косяки разноцветных рыб; темно-серое море и свинцовое небо служили идеальной оправой, чтобы выделить яркость подводного мира. На другой картине переплетались улицы осеннего мегаполиса, занятые спешащими людьми, опавшими листьями и растянувшимися цепочками из стоявших в пробке машин, но, если приглядеться, то в глаза бросится крадущаяся фигура динозавра, вышагивающего из-за угла дома, при этом присутствующие рядом объекты будто не замечают его или принимают за обыденность. Особенно красочной получилась картина показывающая узбекский базар во всей пышности восточной колористики с переливающимися на солнце халатами из ханатласа и контрастными тюбетейками на продавцах и покупателях, и вдруг, возле одного из прилавков стоит пришелец, такой как обычно изображают инопланетян в серебристом комбинезоне и с вытянутой головой светло-зеленого цвета, он приценивается к лепешкам и по разгоряченному лицу продавца видно, что яростно с ним торгуется. Такие сюрреалистичные сюжеты присутствовали в каждой ее картине, но в некоторых эта двойственность раскрывалась не сразу, требовалось время, чтобы изучить и понять многообразие пейзажа. Трудно было сказать глядя на картину, был ли у автора какой-то определенный замысел или он изображал лишь полет своей фантазии. Что могло означать цветущее дерево в зимнем лесу или динозавр, никого не удивляющий своим присутствием среди людей. Была ли здесь аллегория? Или просто тень волшебства, желание заявить, что в повседневности присутствуют чудеса и надо уметь их видеть?

Вскоре выполненные работы заполнили второй этаж и уже не помещались на первом, в мастерской. Лада хотела назвать всю коллекцию «невозможное возможно», но потом решила, что это слишком большая дань моде и назвала лаконично «крайности».

Отпраздновать наступление Нового года Лада уехала в Тверь к семье, она не собиралась там задерживаться и предполагала вернуться на дачу уже в первых числах января. Родители относились к ней как обычно, стараясь особенным вниманием не напоминать о случившемся с ее мужем. А Лада, все последнее время погруженная в свою собственную жизнь и думавшая в основном о себе, только теперь узнала об изменениях у родных.

Оказалось, что Вероника пару месяцев назад развелась с мужем. Прошло чуть меньше года, как Костик ушел от нее; первые полгода после разрыва Вероника еще пыталась вернуть его, но это было бессмысленно и родители уговорили ее подать на развод.

Вера Васильевна как раз тихо, боясь разбудить ребенка, рассказывала старшей дочери о выходках бывшего зятя, сидя за чаем на кухне, когда с работы вернулась Вероника и зашла к ним. По обрывкам фраз она сразу поняла о чем речь.

— Ну, как тебе концовка моего романа? — спросила Вероника сестру, слегка кивнув ей вместо приветствия.

— Переживаю за тебя. Эти отношения, наверно, сильно вымотали тебя.

— Конечно, дома кричащий ребенок со своими потребностями, а муж — то с подругами в баре, то сидит в офисе с сотрудницами до полуночи. А потом все отрицает, и отрицает...

— Он тебе с самого начала не подходил.

— А кто мне подходит теперь? В разводе и с ребенком...

— Ника, не стоит опять об этом, все устроится, — по интонации Веры Васильевны было понятно, что она уже не в первый раз произносит эти слова.

— Не надо, мама. Не будем друг перед другом играть. Права я, Лада?

Они обе посмотрели на Ладу и заметили, что она побледнела.

— У тебя, по крайней мере, есть ребенок, а у меня...

Вера Васильевна и Вероника переглянулись, они подумали, что Лада сейчас заплачет и попытались заранее придумать какие-нибудь слова в утешение, но та молчала и выглядела невозмутимой.

— И это хорошо, что у меня его нет, — продолжала Лада спокойно, — Хоть это хорошо. А у тебя, Вероника, в любом случае есть еще возможность наладить жизнь. Не жалея, что Костик ушел. Есть мужчины гораздо лучше. Когда ты встретишься с таким, будешь жалеть, что потратила время на первого мужа.

— Да уж, что касается мужских качеств, кому как не тебе это знать... — Вероника усмехнулась.

— Да, обращайся за советом, если нужно. Всегда рада помочь, — Лада ответила ей такой же усмешкой.

— Как работа? Отметила с сотрудницами наступающие праздники? — перевела разговор Вера Васильевна.

— Да, выпили по бокалу вина и закусили нарезками бекона. Все по правилам.

— Ну, так давайте и мы заморочимся праздничным ужином, — сказала Лада, закатывая рукава.

По спокойной интонации ее голоса ни за что нельзя было догадаться о чем они говорили и что было лично у нее на душе. Вера Васильевна и Вероника удивленно переглянулись и встали рядом с ней, ожидая указаний.

Смеркалось. Джип монотонно ревел на низкой передаче, разбрасывая за собой снег и выталкивая себя из снежных сугробов ведущей задней осью. Лада всматривалась в петляющую дорогу и прислушивалась к звукам из багажника, побаиваясь того, чтобы не опрокинулась какая-нибудь сумка с продуктами, которые она везла с собой на дачу. При таких погодных условиях обычно никто не приезжал в их деревню и она удивленно наблюдала за свежей полосой оставленной недавно проехавшей машиной. Вскоре она увидела и саму машину. Это была темно-синяя Ауди А6, которая безнадежно села на днище,

пытаясь заехать на холм, и теперь три ее колеса беспомощно покачивались в воздухе в сантиметре от рыхлого снега, который она до этого удачно вспахала при помощи своего полного привода. Лада притормозила на уклоне и вылезла из машины, чтобы посмотреть сможет ли она объехать застрявший автомобиль по целине. Водительская дверь Ауди была приоткрыта, но в машине никого не было. Девушка отошла и стала притаптывать снег у обочины, чтобы легче было съехать. Сквозь тихий гул работающего двигателя, она услышала треск сучьев в лесу и затем, через некоторое время, увидела мужчину, вышедшего на дорогу с охапкой еловых веток.

— Э, вы извините, что так получилось. Я вам мешаю проехать... наверно, — сказал он, останавливаясь перед своей машиной.

— Да ничего. Всякое бывает, на таких машинах обычно зимой сюда не ездят.

Мужчина оглянулся на ее джип и улыбнулся.

— Да, пожалуй. Хотя обидно... полный привод...

— Ну что, выгащить вас что ли? Освобождайте крепеж, сейчас я объеду и подцепим вашу машину.

Джип на привычной для него пониженной передаче выехал на обочину, раскидывая комки снега, и встал перед застрявшей ауди.

— Спасибо, если бы не вы, не знаю как бы выбрался, здесь вряд ли еще кто-нибудь появится до завтрашнего утра, — он снял пластиковую панель у противотуманной фары и пристегнул крючок троса.

— Готово? — Лада высунулась из окна и, когда он крикнул, что все в порядке, нажала на газ.

Несмотря на длинный прицеп сзади, внедорожник без пробуксовки медленно покатился в гору. Ауди сначала опустила передними колесами на снег, тяжело перевалилась через сугроб и, наконец, бешено вращающиеся в воздухе задние колеса оперлись о землю. Лада выехала на ровное место и остановилась.

— Дальше будет легче. Уже почти приехали, — сказала она, отстегивая трос.

Мужчина подошел к ней.

— Спасибо. Где вы живете? Я вам привезу конфет или шампанского.

— О, ну это лишнее. Тем более, что вы опять застрянете. Не стоит. На самом деле, я не очень-то хотела вам помогать, но уж тут, кто если не я.

Они посмеялись и девушка села обратно в машину. Мужчина остановился у ее приоткрытого окна и, несмотря на холод, настроился еще немного поболтать. Лада заметила, что он замерз и пытается согреть руки ободранные еловыми ветками.

— Вас там, наверно, заждались... там куда вы ехали.

— Не думаю. Мой приятель просил привезти для его матери кое-каких продуктов, он сам не смог. Так что, старушка, конечно, ждет гостинцев, но не переживает из-за задержки. Она даже не знает, что я к ней поехал.

— Какая у вас ответственная миссия! Ну ладно, вы замерзли. Если бабуля не угостит вас чаем, приезжайте ко мне, хоть у камина отогреетесь.

Парень махнул рукой в знак благодарности и спотыкаясь в снегу пошел к своей машине. Они заехали в деревню, Лада направилась к дальним домам на холме, а Ауди остановилась на перекрестке у въезда, приблизившись к забору одного из участков.

Вскоре Лада забыла об этом случае, поэтому, когда у ее ворот раздался гудок, она сначала удивилась и не стала сразу выходить. Ей понадобилось пару минут, чтобы

вспомнить, что она, оказывается, кого-то пригласила домой.

— Ваше приглашение еще в силе? Может я смогу вам помочь, дров наколоть хотя бы? — парень положил руки на калитку и слегка покачивался, опираясь на одну ногу.

— Эх, с этим предложением, да пораньше бы. Я уже затопила печку. Заходите.

Он оставил машину у ворот и прошел за ней к дому. В прихожей горел теплый свет лампы и им пришлось некоторое время привыкать к нему. Протерев заболевшие глаза, Лада обернулась и посмотрела на гостя. Это был высокий, немного полный парень с привлекательным скуластым лицом на котором выделялись светло-серые глаза и тонкий нос с горбинкой. У него была короткая стрижка и волосы казались взлохмаченными из-за влажности. Его небольшие, блестящие глаза с интересом изучали ее саму и Лада, задумчиво приподняв одну бровь, медленно развернулась и провела его в гостиную.

— Я Кирилл. Кирилл Пикаренских. Живу, работаю в Москве... это так... чтоб разговор начать, — он присел за стол и кивком поблагодарил за чашку кофе, которую она придвинула ему.

— Лада. Я, как видите, проживаю здесь, на даче родителей. А свою московскую квартиру сдаю в аренду. Но мне уже начинает это надоедать. Поеду обратно. Выгоню квартирантов и опять буду привыкать к жизни в большом городе. Вернусь работать в школу. А вы где работаете?

— Я пилот. Пассажирские авиалинии. С такой работой нельзя никаких дел планировать, нет никакого расписания. Могут поставить в рейс в любое время. Хотя, ко всему привыкаешь.

Его темно-русые волосы наконец высохли, посветлели и он пригладил их рукой. При таких неярких чертах, у него было смуглое лицо с выраженным теплым оттенком загара и это делало запоминающейся его внешность.

— А ты откуда?

— Ну, вообще-то, с Украины. Я родился в Киеве, но летное училище окончил в России. А что выделяюсь фамилией или лицом?

— Да, нет. Ничем не выделяешься. В Москве столько разного народа живет, что ты здесь заведомо свой. А что кто-нибудь когда-нибудь тебе указывал на место, в виду твоей национальности?

— Что-то не припомню. Но я думаю, москвичей уже достали эти приезжие.

— Наверно, когда приезжаешь на родину, привозишь много анекдотов про москалей.

— Зря ты думаешь, что на Украине так относятся к русским. Большинство считают нас братскими народами, которым нужно жить в тесном союзе. Негативные настроения просыпаются ближе к польской границе.

— Историческая подоплека...

— Да, старо как мир.

Локки, на которого никто не обращал внимания, наконец, устал тереться головой о ножку стола, легко запрыгнул на колени гостя и свернулся в клубок. Кирилл улыбнулся и погладил его.

— А ты рисуешь картины? Я только сейчас обратил внимание, что у всех картин в этой комнате есть что-то общее, какой-то стиль. Необычно, красиво, — он огляделся, разглядывая развешенные на стенах работы.

— Это ты так говоришь потому, что у меня в гостях. А пришел бы ты на выставку, предварительно купив билет рублей за пятьсот, и увидел бы это творчество, сказал бы

совсем другое, — рассмеялась Лада.

— Ну, я на выставки вообще не хожу. Но думаю, если ты когда-нибудь выставишь свои картины, то я схожу. И заплачу за билет даже больше. На твои картины просто приятно смотреть. Последнее время стали создавать такое, на что смотреть не хочется.

— Ну тогда, можешь рассчитывать — я тебе бесплатно пригласительные пошлю.

— Отлично. Ловлю на слове, — он отодвинул чашку и как-то нерешительно встал, — Мне пора. Завтра с утра в рейс, а мне еще до Москвы доехать. Спасибо за кофе.

Лада проводила его до машины, закрыла за ним калитку и помахала рукой пока он задом выезжал на дорогу. Как ни странно, этот парень ее совсем не утомил своим разговором. В нем не было столичной наигранности и той необходимой доли пафоса, который непременно присутствует при первых знакомствах. И Лада это оценила, именно с таким человеком она могла бы сейчас общаться.

— Сегодня пусто. Видимо, народ зимы испугался, — сказал Олег, разглядывая пустые серпантины полигона.

— А тогда... еще кто-нибудь был? — Лада подняла свой меховой воротник и уткнулась в него подбородком.

— Да. На этой машине должны были прокатиться еще два журналиста. Они ждали очереди... Влад был первый... Смотри вон эта петля.

Он указал рукой на изгиб дороги, к которому они медленно направлялись.

— Здесь даже... даже... — он, внезапно, замолчал.

— Что?

— Следы остались, — тихо договорил Олег и остановился перед поворотом.

— С тех пор?! Может быть... это чужие...

— Нет. Влад тогда начал тормозить в самый последний момент, машину занесло и она проехала в заносе несколько метров, потом резко выровнялась, выскочила на обочину и стала вертеться...

Лада увидела четыре черные полосы, оставленные горячей резиной. Они обрывались перед обочиной. Последние секунды движения той машины впечатались в асфальт и эти короткие линии отмерили ее финиш. К лету они окончательно сотрутся, после февральских снегопадов и майских ливней. Летом исчезнут последние свидетельства и дорога станет вновь неисписанным листом.

— Поехали, Лада. Не стоит здесь задерживаться.

Девушка кивнула и пошла за ним, но по дороге несколько раз обернулась, чтобы опять посмотреть на это место, как будто там кто-то остался стоять и она хотела попрощаться.

— Спасибо, Олег, что привез меня сюда. Я думала, ты откажешься.

Они сели в машину и он включил зажигание, чтобы подул теплый воздух.

— Почему? Я... знаешь... сам думал об этом... хотел съездить. А потом твой звонок, оказывается ты тоже... хочешь побыть здесь.

— Что там с его отпрыском?

— С ребенком Киры?

— С ребенком Влада, если это, конечно, его.

— Недавно родился. Кажется, ему пару недель. Она меня просила забрать их из роддома. Странно, как будто больше некому. Хотя, я же, типа, его дядя.

— Созванивается с тобой?

— Да, часто. Слишком. Ну, ладно, я ее понимаю. Одна и с ребенком. Вроде как и помочь некому. Это сын. Спросила как назвать, я предложил Вадимом, а она назвала Владом. Ладно, это ее дело.

— Это неплохо. Пусть будет Владом.

— Я думал, тебе не понравится эта идея.

— Мне уже давно все равно. Он был с ней, жил у нее месяц. Это не перечеркнешь. Она имеет право назвать сына именем отца.

Олег посмотрел на нее и молча кивнул, он не удивлялся ее отношению, он видел, что она поменялась...

— Ты сейчас куда?

— Обратно на дачу.

— Хватит там сидеть, Лада. Переезжай опять домой. Не хочешь по чашке кофе или пообедать? — предложил он.

Лада встретила с ним взглядом и отрицательно покачала головой.

— Торопишься?

— Нет, но по-моему мы с тобой вместе уже как-то пили. И чашкой кофе тот случай не ограничился. Олег, я тебе чужая. Твой брат любил меня, он был моим... Не стоит спутывать наши с тобой истории.

Она догадалась обо всем еще раньше, чем он что-либо успел сказать. Олег хмыкнул, уперся руками в руль и задумчиво покачал головой.

— Найди себе кого-нибудь. Тебе нужна девушка, чтобы ты мог о ней заботиться. Это в твоем характере. А мне не нужен никто. Но мы с тобой все таки родня, так что, если возникнет необходимость как-нибудь еще пообщаемся. Жизнь как-то быстро проносится, не успеваю за ней, — она вздохнула, разглядывая лучистые снежинки падающие на лобовое стекло, — Это видимо, начался какой-то новый этап в моей жизни, только я его никак не осознаю. Притормози тут, мой джип стоит за поворотом. Береги себя.

Она накинула капюшон и выскочила на мороз. Падающий снег сразу скрыл ее силуэт. Олег проехал следом за ней несколько метров и в открытое пассажирское окно окрикнул ее. Лада обернулась.

— Кстати, прости, я совсем забыл, с днем рождения тебя. Просто я вспоминал весь день... про Влада. Хотя я с утра подумал: тридцать первое, не забыть бы тебя поздравить.

— Спасибо, Олег. Не страшно, что сразу не вспомнил. Я сама, если честно, забыла какое сегодня число.

— Будешь отмечать?

— Да... конечно, — она нерешительно кивнула, — Сама с собой. Ну, пока, до встречи.

Снег сыпал густой пеленой и ее фигура скоро исчезла в его непроницаемой серебристой мгле.

За окном в вихрях ветра кружились белые хлопья; следуя его порывам они устремлялись сначала в одну сторону, потом резко меняли направление, сталкивались, падали на дороги и сметались вдоль обочин у тротуаров. Интенсивное падение этих белоснежных клочков тополиного пуха продолжалось весь июнь и проходило только после гроз, которые струями тропических дождей прибывали его к земле. В городе было влажно и душно, летний зной растворялся в пропитанном дождевой сыростью воздухе. Эта погода утомляла.

Лада крутилась на кухне, собирая продукты в дорогу. Она просидела почти полгода в

пыльном, душном городе, спровадила несколько классов на каникулы, пожелав хорошо отдохнуть от черчения и рисунка, и решила вернуться на дачу хотя бы на месяц.

На природе летняя жара ощущалась не так сильно, как в городе. Тополы там не росли, зато кругом в садах цвела запоздавшая сирень и окутывала окрестности своим дурманящим запахом, к которому примешивался аромат преющих от влажности сосен.

Разложив вещи и оставив утомленное поездкой животное, Лада пошла прогуляться к реке. Волга наполнилась ливневыми водами и теперь ее течение бесилось и кружилось в песчаных берегах, подгоняя бесконечные косяки рыб и вспениваясь в заросших камышом заводях. «Зачем я тогда полезла зимой на лед? Что бы со мной стало, если бы я не смогла выбраться? Наверное, меня бы потом выловили в нескольких километрах отсюда вниз по течению, в какой-нибудь проруби для ловли рыбы. Жуть», — подумала Лада, присаживаясь на холме и разглядывая мутные воды внизу.

Она немного пришла в себя после всех стрессов и нервного напряжения прошедшего года, теперь она относилась к прошлому спокойней, уже не ожидая ничего особенного от жизни и все больше начиная относиться к ней с фатализмом, а к событиям и окружению с определенной долей равнодушия. Вряд ли что-то теперь могло ее сильно задеть или напугать, но и обрадовать уж точно не могло ничто. Но она свыклась со всем и теперь все больше занималась насущными делами, не раздумывая над жизнью, кроме как на житейские аспекты. Лада собиралась за месяц закончить пару картин из своей коллекции и рассчитывала ближе к августу выставить всю экспозицию в одной из выставочных галерей, конечно, не без помощи денежного поощрения музею. Хотя, втайне, она надеялась, что найдутся желающие, которые смогут оценить ее творчество и приобрести несколько работ. Но пока, так далеко она не загадывала. Сейчас главное собрать всю коллекцию, продумать названия и надеяться на то, что за это время договоренности с галереей останутся в силе.

Лада рассчитывала поработать на даче над картинами в одиночестве, но события пошли против ее планов. Через несколько дней после того, как она поселилась в своем доме, к ней нагрянул неожиданный гость. Она как раз готовилась к обеду, когда услышала автомобильный гудок у забора. Кирилл стоял у калитки и помахал рукой, заметив ее на крыльце.

— Привет. Я тут опять проездом, решил заглянуть. Не очень нагло?

— Ну да, нагло вато. Но ты не переживай, заходи пообедаешь у меня.

Она сразу его вспомнила. Его легко можно было узнать несмотря на то, что в последнюю встречу он был закутан в куртку, а теперь стоял в футболке и джинсах. Приглядываясь к нему, Лада подумала, что он моложе, чем показался ей в прошлый раз. Ему было не больше тридцати.

Кирилл попытался отказаться, но она всегда умела уговаривать и через десять минут они уже сидели за столом, на котором дымился плов из морепродуктов.

— На самом деле, я несколько раз заезжал к тебе за эти месяцы, но дом был пуст. Хотя я был почти уверен, что летом ты снова здесь поселишься.

— А ты все возишь продукты той старушке?

— Да, приходится.

— Душевный ты человек! Не каждый бы взвалил на себя такую обязанность.

— Ну, это скорее потому, что я искал лишнего повода заехать сюда. Хотел с тобой пообщаться, — он улыбнулся, но Лада почему-то вздрогнула, не поверив его искреннему голосу.

Кирилл задумчиво изучал ее лицо и, когда она посмотрела на него, резко отвернулся. У него по спине пробежала дрожь. Такие глаза... если черная дыра — нечто, что можно измерить и физически описать, то она будет не темнее этих глаз. Именно в этот момент он решил, что практически наверняка расстанется со своей девушкой.

— Я заметил, ты странно подписываешь свои работы: Лада М.К. Беловодина. Почему? — Кирилл со своего места разглядывал ближайшие картины.

— У меня было несколько фамилий. Лада Маренкова Коченова Беловодина.

— Ты замужем?

— Сейчас нет. Поэтому я и вернулась к девичьей фамилии. Оба мужа меня оставили.

— Почему же твои мужья, извини за прямоту, тебя оставили?

— По независящим от них обстоятельствам.

Кирилл удивленно хмыкнул и замолчал, ожидая встречных вопросов, но девушка молчала. Вместо этого Лада сказала:

— Слушай, всегда хотела прыгнуть с парашютом, ты можешь это как-нибудь устроить? Я заплачу любую сумму и подпишу любой договор, типа, что при плохом стечении обстоятельств никто не виноват, кроме меня самой. Только устрой это как-нибудь.

— Нет проблем. С какой высоты?

— С самой высокой.

— Я все выясню, уточню даты и сразу сообщу тебе.

— Отлично. Буду ждать.

Кирилл удивился ее просьбе, но так как искал любой повод завязать с ней знакомство, был даже готов пожертвовать профессиональным авторитетом и провести ее на полигон летного училища, зная, что именно в этих условиях, прыжки с парашютом перестают быть забавой и становятся экстремальным видом деятельности. Он понял, что Лада хочет как раз таких живых ощущений и ей глупо предлагать попрыгать с группой любителей на тушинском поле.

Лада стояла перед проемом и смотрела вниз, туда, где на бешеной скорости уносились прочь поля и равнины, спрятанные за прозрачным слоем облаков. Только теперь она вдруг подумала, что, на самом деле — это занятие не для слабонервных и раньше она его недооценивала. Ей казалось, что единственная сложность — это момент приземления, но теперь она понимала, что самое сложное — сделать шаг... шаг в бездну, которая несется на тебя и заставляет затаить дыхание. Сзади стоял Кирилл в таком же комбинезоне как она; он собирался прыгать следом, потому что она сама просила пустить ее вперед. Она оглянулась и по лицам остальных участников группы поняла, что всех задерживает. «Ну и что?! Подождут. Для них это дело привычное, а я в первый раз. Я может быть вообще не буду этого делать», — подумала девушка и снова посмотрела вниз. Облака стали тоньше и сквозь них просматривался рельеф раскинувшейся под ними местности.

Лада отступила на шаг и развернулась. У нее было бледное лицо и сконцентрированный, уставший взгляд. Кирилл хотел сказать ей, что не стоит прыгать в этот раз и они смогут приехать потом, но она закрыла глаза и расставив руки, как парящая птица, упала вниз. Отсчитав положенные секунды, он кинулся следом. Мгновения полета, мгновения когда все проносится перед глазами вместе с обрывками из собственной жизни, когда душа растворяется в ветре и все становится не имеющим значения... и земля. И желание, что когда-то земля уже не будет тебя притягивать и ты уже не ощутишь ее под

своими ногами... никогда и навечно.

Кирилл приземлился и долго не мог выбраться из парашюта, накрывшего его, как колпак. Когда он сбросил его, то увидел Ладу. Она стояла рядом, улыбаясь, и тут же подошла к нему... схватила рукой за плечо и поцеловала.

— Это необыкновенно! Это...это... настолько...что, я не знаю. Никогда такого не испытывала, — сказала она, глядя на его удивленное лицо.

Что же, если жизнь ей внезапно преподнесла возможность избавиться от скуки и одиночества в лице Кирилла... зачем отказываться? Лада поняла это сразу, как только увидела его у своих ворот в тот зимний вечер. Встретив ее, он теперь не сможет так просто с ней расстаться. Это было предсказуемо.

Они сдали свои костюмы и наспех сложенные парашюты, и Кирилл предложил где-нибудь пообедать, но Лада отказалась и отказалась снова, когда он предложил встретиться на следующий день. Парень был расстроен, но попрощался с надеждой в голосе. Она была ему непонятна.

Вся экспозиция картин Лады размещалась в двух залах, совмещенных переходом в виде арки. В других помещениях проходила выставка черно-белых фотографий, которые покрывшись пылью висели здесь больше полугода. Лада поочередно подходила к каждой картине, настроившись относиться к работам, как критик, скептически, но не могла. Они все были ее дети, а детей любят всякими. И она любила каждую картину по-разному, вспоминая то настроение, которое навеяло ей мотив и свои чувства, когда она ее писала. В зале помимо нее было еще несколько журналистов из небольших печатных изданий специализирующихся на культуре и искусстве. Они не знали, что она автор работ, и она могла с интересом разглядывать выражения их лиц, меняющиеся в зависимости от экспозиции.

Пришли родители и ей пришлось потратить на них около получаса, объясняя значение изображенных элементов у тех картин, которые были трудными для восприятия. В целом, выставка им понравилась, но она чувствовала, что живопись сама по себе им не интересна. Хотя в ее работах они уловили своеобразный стиль, но по-видимому, до конца его не поняли. Мама сообщила, что должна подъехать Вероника со своим мужем. Лада пожалала плечами и улыбнулась: «Буду рада ее увидеть».

Они уехали домой, чтобы подождать ее там и вместе пойти в какой-нибудь ресторан, а девушка продолжила наблюдать за посетителями. В затемненном углу стоял мужчина и всматривался в картину, наклоняя голову из стороны в сторону. В этом неуловимом движении было что-то до боли знакомое, близкое. «Влад» — волной пронеслось по всему ее телу. Она подошла ближе.

— Олег, ну как тебе?

— А, привет, Лада. Рад, что ты сейчас здесь. Ты знаешь, это здорово, интеллектуально. Необычно, но в то же время подано так, что понять может каждый.

— Да не надо ничего понимать. Ты просто чувствуй глазами. Не пытайся осознать и проанализировать. Какие чувства у тебя вызывает эта картина?

Они стояли перед работой, где был изображен пришелец выбирающий лепешки на узбекском базаре.

— Ну, мы все разные. И порой мы так далеки друг от друга. Но мы все — одно целое, общая часть чего-то всеобъемлющего и грандиозного по своей сути, — он посмотрел на нее и она кивнула в ответ.

— Смысл ты точно уловил, а ощущения? Нет ощущения, что вся жизнь, выражаясь твоим словом, грандиозный спектакль, только мы не заучивали заранее ролей?

— Да, ощущение того, что в жизни есть неотъемлемая доля пафоса и мы сами этого не замечая, принимаем условия игры.

— Это точно. Верно, — Лада рассмеялась, — Кто-то называет это знаки судьбы, совпадения, но твое определение самое подходящее. Пафос и есть.

Она заметила, что лицо Олега изменилось, когда он увидел другое полотно. Он стал серьезней, а в глазах протянулась струна тоски. Это был пейзаж зимнего леса с цветущей яблоней. У самой художницы появилось ощущение чего-то щемящего.

— Знаешь, я так понял: уход из жизни — естественный процесс и он также естественен, как все вокруг. Надо просто это понимать.

— Тут нечто большее. Противопоставление. Переход в следующую жизнь или воскресение в ином мире.

Лада была задумчива, какая-то неясная мысль мелькнула в голове, но она не успела ее обдумать и отчаянно пыталась ее вспомнить. Но Олег смог выразить словами то, о чем она думала, когда создавала эту работу.

Они подошли к следующей картине. Девушка поглядывала на Олега, пытаясь посмотреть на рисунок его глазами. На сиреневой поверхности неба выделялся обычный пассажирский самолет, но вместо луны вдалеке крутилась зеленоватая планета с кольцами, солнце было овальной формы и имело неправдоподобный лимонный цвет. Где-то под крылом самолета, в далекой перспективе, маячила маленькая голубая точка, по цветовому исполнению становилось понятно, что это Земля.

— Ощущение бесконечности, — прокомментировал Олег, разглядывая парящий Боинг.

— Согласна. И того, что в этом мире нет никаких правил и ограничений.

— Знаешь, я хотел тебе сказать, — он не мог решиться, но, по-видимому, это была важная информация для него, — Я живу с Киной. Мы недавно расписались и я официально усыновил сына Влада.

— Наверно, это правильно, — Лада пожала плечами. Она не могла сразу определить, как ей относиться к этой новости.

— По крайней мере, я буду рядом с его сыном. Он почти и мой сын.

— Да, в этом есть здравый смысл. Я сразу заметила, что ты пытаешься быть похожим на брата, но ты — не он. И даже не близко. Но, если ты хочешь поднашивать за ним до сих пор...твое право. То, что брат бросил — ты подобрал. Это нормальная ситуация. Я не против.

Внезапно, она услышала знакомый голос и обернулась — у входа в зал стояла Вероника. Она поспешно простилась с Олегом и подошла к сестре. Он остался стоять на том же месте и задумчиво посмотрел ей вслед.

— Ну, я вижу, все как и должно быть, — выпалила Вероника, показывая жестом свою высокую оценку.

— Не больше не меньше.

Лада повела сестру в другой зал, чтобы скрыться от взгляда Олега. Он, наверно, стоит и думает насколько она непонятна, непредсказуема и вообще с ней не стоит иметь ничего общего. Пусть думает, но его поступки тоже не совсем адекватны для здорового человека. Хотя, может быть, ему понравилась Кира и он, вполне отдавая себе отчет, хочет быть с ней. Кира первой узнала о том, что случилось с Владом. А она — жена, так и не простила его.

Какое она имеет право упрекать Олега? Но Лада не могла скрыть свою первую реакцию на эту новость. Пусть Олег думает, что хочет.

Ее взгляд замер на розовом румянце на скуле у сестры. Она сегодня хороша. Про нее можно сказать, что новый брак ей на пользу. Так и должно быть, она достаточно помучилась с прежним замужеством.

— Познакомься с Николаем, — сказала ей Вероника и подвела за рукав нового мужа.

Из слов родителей Лада знала всю предысторию этого брака. Николай был сыном одного из чиновников в правительстве Тверской области. Образованный яппи нового поколения практически вырос в Лондоне и, когда стал вполне способным заниматься личным бизнесом, переехал в свой дом на Рублевском шоссе. Судьбоносное знакомство состоялось на фуршете после охоты в тверских лесах, куда были приглашены чиновники из администрации и из местных органов исполнительной власти. В отличие от ее первого замужества, с этим родители явно не просчитались. Свадьба, как и положено в подобных случаях, прошла в Лас-Вегасе, а постпраздничный пир в загородном доме его отца, куда по этому случаю приехали выступить самые известные певцы русского шансона. Лада в ту пору занималась своими картинами, но даже если бы она полгода сидела дома без дела, то все равно отказалась бы посетить данное мероприятие. Как-то оно ей было не по духу. Теперь, глядя на сестру, она понимала — все сложилось неплохо, и испытывала настоящее теплое чувство счастья за близкого человека. Несмотря на их разногласия, несмотря на ее детские претензии и свою житейскую мудрость, хоть какое-то время можно почувствовать себя счастливой...

Николай был чуть выше своей жены. Под обтянутыми рукавами его рубашки угадывались накаченные мышцы. Он привык заниматься собой; это бросалось в глаза. Он был симпатичен с этим особенным типом настоящей среднерусской внешности: широкие скулы, прямой, большой нос, озорные карие глаза, густые, русые волосы. Он был молод и умен, хотя умел не вызывать зависти своими качествами, как врожденными так и приобретенными.

— Очень, очень приятно. Вы с сестрой так похожи, — сказал он Ладе, весело улыбаясь, — Сначала можно даже подумать, что вы близнецы.

— Только, к сожалению, с разницей в девять лет, — улыбнулась Лада.

— Если бы вы не сказали, я бы не догадался.

— Это комплимент сестре или упрек мне? — ухмыльнулась Вероника.

— Думаю, комплимент вам обоим. Вы обе поглядев друг на друга, можете посчитать это комплиментом в свой адрес.

Они прошлись по залу и Лада показала молодоженам наиболее интересные по ее мнению работы. Правда, ее несколько смутило то, что вскоре туда же зашел Олег. Он остановился у одной из картин и задумчиво посмотрел на бывшую невестку. Лада понимала, что разговор между ними еще не закончен, но она так не хотела его продолжать. Она не хотела вспоминать о своем муже, о его любовнице... хотя бы сегодня.

В зал вошел новый посетитель и с интересом осмотрелся. Попрощавшись с сестрой и ее мужем, Лада направилась к нему. Кирилл помахал рукой в знак приветствия и его лицо воодушевилось радостной улыбкой. Она взяла его под руку и, не оглядываясь, повела к выходу, на ходу что-то весело рассказывая.

Кириллу удалось припарковаться почти перед входом и они сразу же подошли к его машине. Рядом стоял покатый серебристый спорт-кар с броским шильдиком парящих

крыльев... Астон-Мартин. «Наконец, и сестре посчастливилось покататься на таком», — подумала Лада, догадываясь чья это машина. Но, как ни странно, лаконичная крикливость этого автомобиля не вызвала в ней бурю умиления или восторга. Она вспомнила свой перламутрово-черный Рено. Она любила эту машину, но тот этап прошел в ее жизни. Она запомнила ее и стала жить дальше, осознавая, что жизнь, как река, постоянно движется и надо уметь принимать все изменения.

3

Олег стоял, наклонившись над коляской, и изучал лицо спящего ребенка. Мальчик, почувствовав чей-то взгляд, открыл глаза и уставился на него. Он уже был похож на Влада. Если бы Лада увидела эти крошечные карие глаза, она бы простила мужу связь с другой женщиной, ну или по крайней мере, как-то оправдала бы ее. Хотя нет, вряд ли. Лада очень конкретна в некоторых своих поступках. Она уже однажды сказала, что не простит ему этого предательства и теперь ничто не сможет заставить ее изменить решение.

«И все-таки она должна увидеть этого ребенка. Может быть, это поможет ей свыкнуться с потерей, как помогает мне», — думал Олег, с интересом разглядывая сморщенное личико, — «Но я не рискну предложить ей это. Ладно, пусть все останется, как есть».

Он посмотрел на часы, которые полчаса назад отстучали полночь. Киры не было дома с вечера. Ей надо было развеяться в городе с подругами. Но почему она забыла про ребенка? Женившись на ней, он отчаянно надеялся, что найдет в ней то, что ищет в женщине — желание быть счастливой в своей семье. Но Кира была другого сорта. Все в жизни ей давалось легко. Она легко спустила деньги доставшиеся от Влада на поездку в Японию и второе высшее образование в области финансов. Даже ребенок ее совершенно ничем не обременил. Олег сам с трудом принимал любое решение и поведение жены его начинало все больше изумлять. Он боялся признаться самому себе насколько была права Лада в своем заключении относительно его брака. Взяв в жены любовницу брата, он хотел приблизиться к нему, но лишь больше запутал свою жизнь и теперь не мог вырваться из этого замкнутого круга, осознавая, что у него есть своя уникальная судьба, но он нарочно отворачивается от нее и идет в обратном направлении.

— Ну, как погуляла?

— Все так здорово, так классно, — выдала Кира с порога, — Надо почаще выбираться. Очень утомляюсь, когда сижу дома.

— А ты попробуй не утомляться.

Она удивленно посмотрела на него. Он — не Влад. И даже близко не был на него похож, ни внешностью, ни характером. Почему она согласилась выйти за него замуж? Не так, чтобы она остро нуждалась в деньгах или мужском внимании. Кира сама не понимала этого решения. Но в какой-то момент в ней родилось странное чувство, что этот человек должен быть рядом с ее сыном, с сыном Влада. Но если он так близок ее сыну и так далек ей самой? Что делать? Кто и чем должен жертвовать? Она не старалась проанализировать эти вопросы. Ответ сразу всплыл сам собой. Жизнь так быстро пролетает, чтобы ее еще усложнять.

Лада проснулась и некоторое время лежала, не открывая глаз. С кухни струился аромат свежесваренного кофе и слабый гул улицы из приоткрытого окна. «Влад там сейчас что-нибудь разобьет или продукты в холодильнике перепутает», — подумала она, вставая. Но, внезапно, после этой мысли остатки сна мгновенно развеялись, она обхватила голову руками и как-то странно посмотрела в окно.

Кирилл читал газету и доедал многослойный бутерброд, один из тех, которые он

смастерил из имеющихся продуктов и которые теперь ожидали Ладу. Заметив майонез и сыр, девушка поморщилась и потянулась за пачкой сигарет.

— Это как-то нездорово. Бросай курить, — сказал он ей, откладывая прессу.

— Я недавно только начала, а ты уже «бросай».

— Ты на дачу не собираешься? Я сегодня опять поеду в ваш колхоз. С продуктами.

— Поезжай. Давно не был. У меня сегодня интервью с журналистами кабельного телевидения. Буду рассказывать про свою экспозицию.

— Ну, это серьезно. Хотел бы проводить тебя, но дела.

— Да я и сама справлюсь. Поезжай к старушке. Она наверно тебя уже потеряла.

Через час изматывающей езды в вялотекущих пробках, Кирилл оказался на другом конце Москвы в районе Перово. Там жила та самая «бабуля», которой он возил продукты. Ее звали Еленой и она была на восемь лет моложе Лады. Зимой девушка отдыхала у родственников на даче, а Кирилл приезжал ее проведать. Она была его девушкой чуть больше трех лет.

— Я тебе второй день не могу дозвониться. Где ты бродишь?

— У меня такая работа! Я с полета. А ты опять за свои претензии?

— Ты меня обманываешь!

— Раз ты мне не доверяешь, нам надо расстаться. Мне надоела постоянная ругань! — он произносил эти слова уже не в первый раз. Подобные разговоры начали возникать с того момента, как он стал приезжать к Ладе.

Он не мог открыто признаться ей во всем, не хватало духа. Но интуитивно понимал, что при подобном подходе, она сама в скором времени откажется от него. Слишком явной становилась его связь с другой женщиной. Хотя, в целом эта двойственность его не тяготила. И похоже совсем не заботила Ладу, которая тоже о чем-то догадывалась, но которой эта ситуация была просто безразлична.

Кирилл не просто полюбил Ладу, как женщину. Она была ему интересна своей незаурядностью, оригинальностью. Он понимал, что рядом с ней многому научится и многое узнает. Не каких-то конкретных или абстрактных сведений, а подходу к жизни, к окружающему миру. Она была старше его на два года, но по сознанию превосходила его на несколько уровней и он, ощущая это, стремился, узнавая ее, сократить эту разницу.

А Лада... Она просто жила как обычно, плыла по течению. И если в этом течении к ней прибилась какой-то... вполне нормальный парень, то можно было плыть дальше с ним. Она не была против, но и не испытывала особых эмоций от его присутствия. Она уже давно отвыкла вообще испытывать какие-нибудь эмоции.

Земля приближалась с бешеной скоростью. Перед глазами, как элементы в калейдоскопе, сменялись поля, леса и голубые озерца. Ветер создавал такую усиленную вибрацию в ушах, что этот гул перекрывал любые другие звуки. Наконец, последние секунды парения и жесткая твердь земли. Лада отстегнула парашют и села рядом на траву. Это был уже ее восьмой прыжок. Она принципиально не брала с собой Кирилла — хотела острее чувствовать одиночество. Но, чем больше она прыгала, тем меньше эмоций вызывал каждый очередной прыжок. «Иссяк интерес. Я выдохлась. Надо придумать что-то новое для себя. А ведь и в самом деле, если бы моей экспозицией заинтересовались СМИ и я бы поехала давать интервью, как и соврала. Это было бы интересней. Жаль, что я не там где солгала, а

здесь. Но с парашютным спортом я закругляюсь. Поищу себя в другом деле».

— Я устроилась на работу.

— Не понял... А как же школа? Ты первого сентября не выходишь? Что у тебя опять на уме, Лада? Почему ты опять бросаешь преподавание? Я ничего не понимаю.

— Хватит болтать, меня послушай. Да, я опять уволилась со школы. Никогда не хотела там работать.

— И что теперь? Куда тебя понесло? Даже боюсь узнать, — Кирилл осторожно пил свой горячий чай и изумленно смотрел на нее.

— Я устроилась работником в психиатрическую клинику.

Кирилл замер и какое-то время сидел в одной позе, даже не меняя выражения лица.

— Ладно, давай конкретней. Без приколов.

— Я уже сказала.

— Бред какой-то.

— Но это правда. Мне еще пришлось сделать подарок начальнице отдела кадров, чтобы она закрыла глаза на то, что у меня нет ни подготовки, ни опыта, ни образования.

— Она не посмотрела на тебя таким же взглядом, как смотрит на пациентов их клиники?

— Думаю, она слишком хорошо знает, что такого взгляда заслуживает каждый из нас.

— Лада, чего тебе еще не хватает в жизни?

— Ты говоришь словами моего второго мужа, когда он нашел у меня спрятанную бутылку бренди. Но с какой-то поры, я объявила личный мораторий на алкоголь и теперь мне нужны другие средства для того, чтобы углубляться в подсознание. Анализировать.

— Для этого тебе непременно нужно либо пить, либо наблюдать за психами?! Слушай, походи на курсы йоги, научись медитировать. По крайней мере, без вреда для здоровья.

— Это не то. Понимаешь, они проникают в подсознание, когда расслабляют тело и успокаивают дух. Их душа и тело приходят в равновесие. Я, только когда чувствую эмоциональную остроту. В этот момент мои душа и тело находятся в балансе.

— Не думаю, что в дурдоме, ты почувствуешь какие-нибудь другие эмоции кроме омерзения.

— Пока не знаю. Проверю.

Но это было еще не все, чему предстояло удивиться Кириллу. Через несколько дней он узнал, что Лада продала свой джип и подбирает себе мотоцикл, параллельно занимаясь на курсах. Это ее новое желание, было конечно более понятно, чем желание работать в психиатрии, но вызывало больше опасений. Хотя, когда он увидел ее в обтягивающем кожаном костюме с шлемом в руке, то сразу подумал, что это того стоило. Трудно было сказать: это черная кожа настолько выгодно выделяет ее спортивную фигуру или ее выразительная фигура придает шик байкерскому наряду. Она уже присмотрела себе мотоцикл. То, что ей приглянулось, было собрано умельцем-любителем и не являлось официальной техникой, изготовленной на заводе. В этой машине ни одна деталь не совпадала по маркировке и ее можно было зарегистрировать только с помощью взятки. Но когда Лада увидела этот байк, сначала на фото в Интернете, а потом вживую, она больше не думала, она сделала свой выбор. Мотоцикл, действительно, чем-то в своем роде был уникальным; у него была крепкая аэродинамичная конструкция и эффектно отформованные детали корпуса. Но сама Лада не очень-то разбиралась в тонкостях сборки мотоциклов, ей

он понравился просто харизмой и мощью, которая читалась во всем, даже в подрулевых переключателях.

Кирилл все чаще начинал думать о том, что он так до конца ее никогда не поймет. И вообще глупо пытаться научиться чему-то разумному у человека, который сам далек от понятий адекватности и логики. Но чем больше он ее не понимал, тем больше испытывал к ней интереса и тем чаще задумывался о том, что сам погружается в этот гипнотический омут.

Психиатрическая клиника, где работала Лада, располагалась в таком психоделическом месте, что трудно было представить, что здесь может быть что-то еще, ну кроме дома для престарелых. Огороженную непреступным забором территорию окружал густой сосновый лес; внутри росли кусты можжевельника и весной зацветала яблоня. В общем, красоты природы стремились укрепить пошатнувшуюся психику и вернуть ощущения реальности. Хотя для того, чтобы вернуть ощущение реальности стоило это место перенести куда-нибудь поближе к свалке отходов, может быть скорее наметился бы прогресс к выздоровлению. Природа расслабляла и без того расслабленный мозг местных пациентов и больше погружала их в ощущение небытия и растворения в окружающем мире.

Примерно тоже самое думала Лада, когда в одно ясное теплое утро приехала в первый раз на работу. В виду того, что она не имела специального образования, ей поручили работу, где контакт с пациентами сведен к минимуму. Она убирала столы в столовой, стелила скатерти и поливала цветы. Но после выполнения всех служебных поручений, у нее оставалось свободное время, которое она проводила в саду, наблюдая за больными. Здесь были самые разные люди: молодые — в основном бывшие наркоманы, средних лет и пожилые, у которых болезнь уже принимала самые изощренные формы. На прогулку выпускали тихих и безобидных пациентов, больные с агрессивным поведением содержались в отдельных палатах и выходили во двор только в сопровождении санитаров. Но это совсем не значило того, что на определенной стадии лечения любой агрессивный больной не мог стать спокойным и наряду с остальными гулять уже в одиночестве. Такой подход несколько удивлял Ладу. Она совсем не была уверена в том, что даже после усиленного лечения человек может настолько перемениться, чтобы забыть свою истинную суть. Хотя те люди, которые гуляли в саду, действительно выглядели совершенно спокойными и прогуливались под присмотром всего нескольких медсестер.

«И что это меня дернуло напроситься сюда? Я же не последователь Зигмунда Фрейда, чтобы заниматься здесь психоанализом. Думала, поработать на пользу общества. Но выбрала место поэксклюзивней. Лучше бы просто донором стала. Кирилл прав, здесь сам скоро станешь таким, что стыдно будет появиться в нормальном обществе. Уже замечаю какие-то странности у персонала», — думала Лада, сидя на скамейке у входа в больницу и разглядывая гуляющих туда-сюда пациентов.

Неделя прошла настолько монотонно и обыденно, что Лада уже перестала удивляться этому месту, как таковому. Это была банальная больница. Ну кого может удивить бабулька, постоянно поющая песни Вертинского? Или мужичок с настоящей деревенской внешностью, который таращил глаза и водил зрачками из стороны в сторону, ожидая что за ним придут агенты внешней разведки? А молодая девчонка, бегающая по саду и обнимающая деревья, при этом называя их все время разными мужскими именами? У каждого свои игры разума. Сначала, это все, конечно, казалось любопытным аттракционом, но со временем Лада

перестала относиться к этим людям, как к моральным изгоям, ей просто было их жаль.

В целом, Лада не нашла здесь того, что искала: каких-то любопытных легенд, запутанных историй, бывших разведчиков, упрятанных за обладание уникальной информацией, брошенных жен, отомстивших мужьям и их любовницам; здесь были вполне обычные люди с зачастую самыми распространенными клиническими случаями. И наблюдая за их повадками, она понимала насколько много таких же психов, но которые живут вне этих стен и берегут в себе свои странности.

— Ну как психи? Не буянят? — Кирилл встретил ее после работы. Была пятница и они собирались поехать в кино.

— Те которые буянят, сидят под замком. Я вижу в основном спокойных.

— Ну ладно, как спокойные психи? Повеселили тебя?

— Слушай они больные люди. Их стоит пожалеть.

— Вряд ли. Они больные, но не осознают этого. Стоит пожалеть того, кто знает, что болен и хочет вылечиться.

— Давай не разводить философию. Просто не стоит так говорить про них. Каждый по-своему в чем-то несчастен.

Они стояли в плотном потоке и ожидали, когда же до них дойдет очередь проехать перекресток. Зеленый свет загорался секундными вспышками, пропуская всего лишь пару машин. Лада разглядывала соседей по потоку. Через полосу от них, у правой обочины стояла старая иномарка. Время стерло последние признаки завода-изготовителя и теперь это была просто машина, из страны с символом горой Фудзи. Она бы не привлекла внимание Лады, но она заметила, что рядом с водителем сидит Вероника. А ведет машину отнюдь не ее муж. Лада изумленно привстала на своем месте и прилипла к окну. За рулем сидел мужчина и постоянно поглядывал на свою спутницу, у них шел оживленный разговор. На перекрестке их машина свернула направо и Лада еще некоторое время смотрела вслед старой иномарке, стараясь осознать то, что увидела. Что это было? Вероника, мать трехлетнего ребенка, жена лощеного сына богатого чиновника, недавно окунувшаяся в роскошь и, наконец, нашедшая свое женское счастье, мило беседует с каким-то престарелым мужичком в такой же престарелой машине... У нее наверно были галлюцинации, сказала работа в психбольнице. Нет, это точно была сестра. И по ее лицу было заметно, что она взволнована и чрезмерно оживленно ведет себя. «Ничего себе номер! Надо как-то все выяснить. Хотя, наверно, не стоит лезть в ее жизнь. Но определенно, с ней происходит что-то необычное», — думала Лада, вспоминая раздурявшееся лицо сестры.

Вождение мотоцикла оказалось делом несложным и совсем не таким экстремальным, как предполагала Лада. Но это было до тех пор, пока она ходила на курсы и выполняла все указания инструкторов. Когда же она впервые села на свой личный мотоцикл и, не рассчитав всей его мощи, рванула с места, еле успев крепче вцепиться в руль, то поняла, что до этого момента на мотоциклах еще почти не ездила. Кирилл стоял у обочины и наблюдал за ней. На его лице застыла унылая гримаса. Он сам бы хотел прокатиться... если бы умел и имел права. Отношения с Ладой как будто постоянно испытывают его, дразнят. Лада имела достаточно средств и ей не нужно было больше, ее семья жила на таком расстоянии, чтобы в случае необходимости помочь ей, но и не надоедать своим присутствием, у нее было интересное занятие — живопись, на которое она, кстати, возлагала большие надежды,

поэтому и отдавалась этому делу с душой. В общем, у нее было практически все, что она хотела иметь в этот период жизни. А Кирилл... он был рядом, но не входил в ее планы. Он понимал, что ей нравится его общество, но она настолько самодостаточна, что не нуждается ни в ком.

Лада сделала круг по стадиону и остановилась рядом.

— Как? С парашютом прыгать, наверно, поинтересней?

— Не скажу. Хотя что-то общее есть.

— Тебе же в прошлый раз понравилось. Ты, по-моему, была в восторге.

— Тогда да, а потом...

— Когда потом? Ты ходила на полигон прыгать без меня? — Кирилл выразил столько недовольства, что казалось как будто кто-то покушается на его человеческое достоинство.

Лада спокойно кивнула, делая вид, что не понимает с чего бы ему злиться.

— Ну, раз на чистоту. Тогда зимой, когда я приезжал в вашу деревню, я... я... в общем, ездил ни к какой не к бабке, а к своей девушке. Я, кстати, так до сих пор с ней официально не порвал.

— И что? К чему мне это? Хочешь расставайся хочешь нет. Или ты ждешь моей рекомендации? Я с самого начала предполагала, что ты какой-то девке продукты возил.

— Не какой-то! А своей девушке. Мы три года вместе...

— Были.

— Не были! Есть.

— А она что — спокойно относится к твоей двуличности? Кирилл выбор за тобой. Хочешь семью, наверно, тебе лучше оставаться с этой девушкой, хочешь праздного общения без перспектив и обязательств, можешь быть со мной. Ладно, потом подумаешь. Возьми шлем и садись назад. Прокатимся теперь по городу.

В этот же вечер они сидели в байкерском клубе и заводили новые знакомства. Но, так как там, в основном, очень много пили и мало разговаривали про свои машины, Ладе это место сразу же перестало нравиться. Они покатались по ночному городу и Лада отвезла Кирилла к его девушке, посоветовав ему, наконец, определиться.

К сожалению, Ладе не довелось долгое время наслаждаться своим двухколесным транспортом. В результате простого стечения непростых обстоятельств она переменяла свой взгляд на некоторые вещи. Хотя первый месяц она не могла жить, не проехав хотя бы полчаса в день. От чистого воздуха без примеси бензина у нее начиналась ломка и дрожали руки. Она не была экстремальным ездоком, разгонялась только в пустых и безлюдных местах, никогда не обгоняла машины на повороте и не пыталась их подрезать на полосе или мешать перестроиться. У нее была крепкая внутренняя установка: «ты можешь не дорожить своей жизнью, но ценить чужую жизнь обязан». Но она также умела ценить удовольствие от своей мощной азартной игрушки. Отдав на полгода свое водительское удостоверение еще в первую неделю, она вообще перестала заботиться о правилах и постоянно напоминала самой себе, что на скорости больше ста сорока камеры дорожного наблюдения не успевают заснять номера.

Кирилл не появлялся больше двух недель и Лада предположила, что он решил остаться со своей девушкой. Ее это не обидело, но стало как-то одиноко. Хотя она привыкла к преимуществам, которые дает одиночество. Кирилл был своеобразным человеком, не похожим ни на кого из тех с кем она общалась до сих пор. Во многом это происходило из-за специфических качеств присущих его национальности. Он был щепетилен во всем, что

касалось его лично, и обижался, когда от него самого требовали уважения к некоторым вопросам. Он любил готовить и искренне полагал, что умеет это делать хорошо, поэтому любые шутки в адрес его блюд воспринимал, как напрашивание на ссору. На него нельзя было положиться ни в чем, но при этом он сам готов был помочь в любую минуту и пожертвовать чем угодно, чтобы доказать, что его помощь необходима. Он много говорил, мало делал; умел жалеть того, кто по-настоящему вызывал жалость и остро ненавидеть того, кто хоть чем-то помешал ему или просто сказал что-то неподобающее, по его субъективному мнению. Притом как бы хорош человек не был и какие бы мотивации не вызвали у него необходимость где-то перейти дорогу Кириллу, он немедленно попадал на вражью сторону и становился объектом постоянного перетирания языком всех его качеств, как плохих так и хороших; даже в основном хороших с уклоном на то, что они где-то имеют свой подвох. Кирилл был склонен к полноте, но благодаря работе все-таки поддерживал форму и выглядел довольно спортивно. Он любил вкусно поесть и, когда садился за стол, уставленный разными блюдами, где один запах манил сильнее другого, то забывал обо всем и тут же выключал способность трезво мыслить и начинал шарить по столу своими длинными руками, дотягиваясь до самых отдаленных тарелок. Ладе нравилось это качество и она постоянно готовила что-нибудь вкусное. Они могли просидеть весь вечер на кухне, пробуя ее блюда, а потом еще приготовить что-нибудь вместе.

Но Лада понимала — несмотря на его разумность, общительность и понятливость, он не способен заставить ее хотя бы на секунду забыть прошлое. И поэтому она может испортить жизнь хорошему парню, который с недавнего времени стал слишком много о ней думать. Она хотела показать ему, что не стоит рассчитывать на какую-то взаимность и Лада честно пыталась это делать. Просто Кирилл был из той категории людей, которые если уж что-то задумают, то скорее случится конец света, чем они от этого откажутся.

Тем не менее, он не появлялся больше двух недель и Лада начала думать, что он последовал ее рекомендациям.

Спустя три месяца после первого появления на новой работе, Лада, наконец, начала приходить к мысли, что пора закругляться с этим социально-общественным видом деятельности и возвращаться в ненавистную школу к детям, которые ее раздражали не меньше, чем пациенты больницы. Вскоре должен был закрыться мотосезон и это единственное, что беспокоило ее последнее время.

В этот раз она приехала на работу на мотоцикле, а не на привычной маршрутке. Деревья в саду уже почти облетели и остался краснеть один высокий старый клен, роняя свои красивые резные листья на скамейку. Лада быстро справилась со своими нехитрыми обязанностями, даже успела заменить скатерти на новые — зимний вариант, и пришла во двор посидеть на скамейке и подышать прохладным осенним воздухом. Кругом мелькали знакомые лица со странными гримасами и нелепыми движениями, она уже к ним привыкла.

Лада откинулась на спинку скамейки и задумалась. Внезапно, откуда-то сзади послышался шелест листьев и обросший старик со словами «я нашел тебя» кинулся к ней и стал ее душить. Все произошло настолько быстро, что Лада не успела собраться, чтобы дать хоть какой-то отпор; на довольно продолжительное время она почувствовала себя куклой в руках психа и ей стало настолько страшно, что этот страх будто парализовал ее. У старика были ошалевшие звериные глаза, выцветшие, голубые; искривленный рот с кое-какими остатками зубов и пакли седых нечесаных волос. Несмотря на свое хилое телосложение, он вцепился ей в горло довольно сильной хваткой и девушка тут же начала задыхаться. К ним поспешили санитары и с трудом отцепили старика. Тут же, на месте ему сделали укол и он брякнулся всем своим тщедушным весом на асфальт под ноги девушке. Один из санитаров подхватил его на руки и понес в здание. К Ладе поспешила старшая медсестра со стаканом успокоительного.

— Ничего, ничего. Бывает, — начала утешать она, — Нам всем от него уже доставалось. Двадцать лет колоний, статья за педофилию, начинал с убийства животных, охотник, насиловал всех своих соседок. Какая-то судья пожалела: еще столько же не протянет. Сначала лечился в специальном учреждении. Но там заметили прогресс и перевели к нам. Уже два года мучаемся. А куда же его? В тюрьме сокамерники убьют, обратно не берут. Вот и мыкаемся.

Лада выпила предложенное лекарство, но легче ей не стало. Ее бил озноб и она теперь постоянно оглядывалась. Возможно, привыкшие к подобным случаям, работники больницы этот инцидент тут же забыли бы, но Лада никак не могла отогнать этот образ с выпученными глазами; в нем не было ничего человеческого, само это существо с трудом можно было назвать человеком. Когда и где это живое существо потеряло свою человеческую суть? Или оно уже родилось без нее, или постоянные лишения в жизни, или несчастный случай, или голодное детство, или болезнь сознания? Болезнь, которая превращает людей в животных.

От выпитого нейролептика Лада почувствовала себя чересчур расслабленно и сразу же подумала, что не стоило бы ехать домой на мотоцикле и лучше оставить его здесь, а самой уехать на такси. Но скоро закрывался сезон. А она рассчитывала завтра утром, в пустое субботнее утро, погонять на автомагистрали. В общем, она не стала отказываться...

Она ехала очень спокойно и даже возможно слишком медленно. Эта медлительность в какой-то момент подвела ее. Ей не хватило скорости, чтобы свернуть в сторону и уйти от столкновения с мыкающейся с одной полосы на другую машиной. Вишневые Жигули в последний момент ослепили ее мутным светом затертых фар. Мотоцикл зацепился передним колесом за бампер и отскочил на лобовое стекло. Лада вместе с ним рухнула на стекло, заскользила по крыше и упала сзади. Как ни странно, она не потеряла сознание и слышала все, что происходило вокруг нее, пока случайные свидетели вызывали скорую помощь и милицию. Она даже слышала, как кто-то из очевидцев погнался за гастарбайтером, водителем Жигулей, смог его поймать и в группе других свидетелей долго удивлялся тому, что он сел за руль обкуренным. Приехавшие следователи пытались узнать у нее чей-нибудь телефон, чтобы оповестить, что она попала в аварию, но она претворилась,

что теряет сознание...

— Как ты узнал, что я здесь?

— На месте аварии нашли выпавший у тебя из кармана мобильный и медсестра скорой помощи позвонила по наиболее часто набираемому номеру. Меня уже успели допросить оперативники и работники нашей доблестной ГИБДД, — Кирилл стоял у ее постели и вертел в руках пакет.

— А ты-то тут при чем?

— В том-то и дело. Я сказал, что знать не знаю кто ты и понятия не имею, как тебя зовут. Кстати, пакет с твоими вещами. Взял первые попавшиеся у тебя в шкафу. Собирайся быстрее, такси у входа.

— Ты что выдумал?! Я хочу здесь поваляться.

— Ты хочешь, чтобы они отняли у тебя водительское удостоверение еще на два года? А потом еще посадили на месяц, потому что у тебя в крови обнаружили какое-то вещество? Когда я приехал на место аварии, тебя уже увезли на скорой. Зато мне удалось найти твой отсочивший номер раньше гаишников. Тут мне и пришла в голову идея подсказать тебе замести следы.

— Давай пакет. Жди у двери.

Лада с трудом стояла на ногах, но Кирилл помог ей спуститься к выходу и через пару минут они уже сидели в такси, чудом сумев избежать встречи с кем-нибудь из персонала госпиталя.

— Кстати, а мой телефон? Они смогут еще что-нибудь вычислить.

— Он сдох, не дав мне поблагодарить ее за информацию. Я потом встретил эту девушку здесь в коридоре и она отдала мне корпус и сим-карту.

— А милиция? Что они выясняли? И если ты не имеешь ко мне никакого отношения, зачем тогда приперся?

— Я вроде как думал, что узнаю тебя. Может быть когда-то где-то на курорте... Ну, понимаешь... Вроде поверили. Хотя, я понял, что они настойчиво собираются выяснить твою личность.

— Тогда стоит пересесть на другое такси.

— Не парься. Доедем до метро Проспект мира. Там у меня машина припаркована во дворе дома.

Лада стояла перед зеркалом в ванной и, немного морщась от боли, снимала повязку с шеи. Она отлепила пластыри и увидела, что у нее через всю шею протянулся шрам — осколок разбитого лобового стекла зацепился за воротник ее кожаного костюма и воткнулся в кожу, когда она перекувырнулась через крышу машины. Он мог бы проникнуть глубже и достичь сонной артерии, но вместо этого разрезал ей всю шею. Шрам начинался чуть ниже левого уха и по диагонали спускался к ключице. Она понимала, что он останется навсегда и уже вряд ли получится сделать его почти незаметным, даже посветлев, он все равно будет бросаться в глаза.

Кирилл сидел за столом и изучал журнал. Она показала ему шрам.

— Сейчас такие технологии, я думаю получится его убрать, — он попытался ее ободрить.

— Сомневаюсь. Я и не буду. Пусть останется как память.

— Что будем делать с мотоциклом? Он на штраф-стоянке.

— Он сильно попортился?

— Не очень. Отвалились оба зеркала и искривились спицы. Все можно восстановить.

Можно попытаться продать его на черном рынке, чтобы не всплывала твоя фамилия.

— Да, ладно. Оставлю его им. Они сейчас только и ждут, кто за ним придет.

Лада поморщилась, присаживаясь в кресло. Пытаясь особо не двигаться, она устроила свою чашку кофе на подлокотнике. У нее треснули два ребра и были многочисленные ушибы, но это ее не сильно беспокоило — главное, что голова благодаря шлему не пострадала и на лице не осталось ни синяков ни ссадин.

— Ты как?

— Да, вполне нормально. Но на мотоцикл вряд ли еще когда-нибудь захочу сесть. Почему ты такой вдруг грустный?

— Я подумал, что мотоцикл все-таки что-то да стоит. А ты его так просто оставишь. Можно было бы его продать.

— Слушай, не заморачивайся. Я не хочу, чтобы меня поймали. Я тогда выпила сильнодействующее успокоительное. А они могут подумать, что это было нечто более... преступное, в общем. Пострадаю за не за что.

— Что теперь собираешься делать?

— Полагаю, надо скрываться. Поеду, наверное, в..., - она задумалась, как-то мечтательно глядя в окно, — В Тибет. Ты же говорил, что мне стоит попрактиковать медитацию. Поеду получать знания из, что называется, первоисточников. Ты в курсе: купили две мои картины? Так что появилась возможность попутешествовать. Ты со мной или без меня?

Белые каскады раскинувшегося над всей Лхасой дворца Потала еще долго виднелись через заднее стекло японского внедорожника, который, петляя по иссушенным равнинам, пробирался в горы. Вереница из нескольких таких внедорожников подняла густое облако пыли, так что очертания окружающих гор скрылись в рыжей мгле.

Лада сидела в одной из машин, придерживая на коленях объемный рюкзак, и на каждой кочке заставляла себя быстрее привыкать к жесткой подвеске автомобиля. Поездка будет долгой. Группу туристов везли в лагерь к подножию горы Кайлас. Там они предполагали заночевать в палатках и совершить трехдневную пешую прогулку вокруг природного феномена или кору, как это называли местные жители.

На подъезде к горе их высадили, и туристы в сопровождении проводников-шерпов пешком отправились к лагерю. Кирилл натянул бледно-желтую панаму и, со вздохом усталости, накинул рюкзак за спину. Пляжная панاما смотрелась совсем не стильно в сочетании с теплой курткой и спортивными ботинками, но когда вокруг открывались удивительные пейзажи самого высокого хребта в мире, то никто не думал о чем-то житейском и бытовом. Лада шла чуть позади него и постоянно оглядывалась по сторонам. Вчера во дворце далай-ламы ей удалось пообщаться с монахами и они посоветовали ей обращать внимание на природу, читать в ней разные символы и пытаться осмыслить их значения. Она упорно вглядывалась в рельеф заснеженных гор, в мглистое небо, но пока никаких особенных знаков не улавливала. Впереди вырисовывалась гора, к которой они совершали паломничество. Кайлас. У нее была необыкновенная округлая вершина и ровные симметричные склоны, казалось, что над ней потрудились древние мастера и создали

огромную пирамиду правильной формы, но, разумеется, официальная наука не могла подтвердить подобные предположения. Впрочем, как и любопытный факт того, что в Древнем Египте не существовало таких высокотехнологичных инструментов, какими были отшлифованы блоки в пирамидах Хеопса.

Лагерь располагался у подножия. Уставшие туристы разбрелись по палаткам, чтобы отдохнуть и разобрать вещи. Вечером Кирилл и Лада пошли послушать рассказы гида — о горе Кайлас можно было рассказывать много, но надо было самому понять ее магическую силу, ощутить космическую энергетику, идущую от этого места. Проводники-шерпы полу-на местном диалекте полу-издеваясь над английским предостерегали пытаться подняться на гору. На священную гору было запрещено совершать восхождения и причину этого запрета никто из местных особенно не спешил раскрывать.

Над головой простиралось ночное небо, блестящие яркие звезды, собранные в созвездия, привлекали взгляд своим мерцанием. Было в этом месте что-то особенное, тонкая магия, которую так хотелось понять, но вместе с тем ощущение собственного бессилия. Великие вершины этих мест заставляли одновременно ощущать в себе божественную частицу, дающую право внимать таинствам пропитавшим здешний воздух, понимать их и, в тоже время, чувствовать себя крупницей, пылинкой на просторах планеты, неуловимым мгновением. Лада сидела, подперев пересекающиеся рейки каркаса палатки, и вспоминала слова монахов. Надо было погрузиться в природу, только созерцать и ни о чем не думать. Когда голова станет совершенно пустой от всяких мыслей — откроется внутреннее зрение и можно почувствовать пульсацию планеты. Раствориться в потоке энергии и стать его частью. Также говорил и Влад. Но он не был на Тибете и не разговаривал с монахами. Он просто понял это по своим ощущениям. Поэтому было в этом человеке что-то особенное, трагическое, полное фатализма и глубины его гибкого интеллекта, и любовь, которой пропитано каждое место на земле, которая вечность назад вдохновила создателя...

«Я понимаю то, о чем говорил Влад. Но я никак не могу добиться этого состояния. Неужели Влад останется для меня недостижимым? Я хочу понять его. Я знала о нем все, я могла думать его мыслями и чувствовать то, что чувствовал он. Мне необходимо узнать его до конца», — думала Лада, предполагая что бы Влад делал на ее месте. Он, наверное, многое бы понял из слов монахов, многое сам бы осознал здесь. Но ей никто не поможет, она должна понять все сама. Она должна стать ближе к Владу.

На следующее утро началось трехдневное паломничество; группа туристов должна была обойти гору, проходя через самые красивые и уникальные места — перевалы и озера. Лада с интересом воспринимала любую информацию, касающуюся этих мест, и вслушивалась в местные легенды, которые предприимчивые экскурсоводы успели опрIMITИВИТЬ до более понятного простым туристам уровня. Но Кирилл ее удивлял; его настолько утомил перелет Москва — Катманду, а потом поездка Лхаса — Кайлас, что у него совершенно не осталось энергии, чтобы выразить хоть какие-то эмоции.

— Нет, не понять нам русским, — бормотал он, устало шагая рядом с ней.

— Чего не понять?

— Да ничего не понять. Понимаешь, другие мы. Склад характера, менталитет. Местные премудрости нам, не то, что не по зубам — неправильное выражение, а, в общем, как-то не по духу. У них тут свои установки — мирозерцание, аскетизм, самовнушение, сильная внутренняя воля, а у нас все другое, свое.

— Ну, да. Это точно. Тебе может быть понятна только Запорожская сечь или Крымские

утесы. Туда и ехать дешевле.

— Дело не в этом. Просто говорят, что здесь в Тибете каждый находит свое. Я думаю, что ничего здесь не найду. Ты, видимо, тоже.

— Я пока не определилась.

Одним из пунктов путешествия было озеро Манасаровар, вода которого по местным преданиям являлась если не живой, то целебной, как минимум. Его тихая прозрачная гладь внушала чувство спокойствия и внутреннего равновесия. Пока остальные туристы делали снимки, Лада спустилась к берегу. Кирилл последовал за ней.

— Тебе бы следовало испить водицы, — посоветовал он.

— Зачем?

— Вдруг мудрости наберешься. А-то тебе все чего-то не хватает.

Лада нахмурилась и уставилась на него.

Поубивала бы тебя.

На следующий день они добрались до места, откуда восхождение на гору было бы самым близким и удобным. Но группа разбила лагерь и проводники стали снимать мешки продуктов с нагруженных яков. Подъем на гору не входил в план паломничества; он к тому же строго запрещался монахами и за этим следили сопровождающие их местные жители.

С этого склона вершина Кайлас была такой близкой. Казалось даже облака огибают ее и расходятся в разные стороны лучами. В лощинах и ущельях сиял снег, от которого даже у подножья веяло холодом.

Ночь выдалась особенно холодной. Кирилл долго не мог уснуть и постоянно ворочался в своем спальном мешке. Лада хотела было поговорить с ним, но потом подумала, что он наверняка начнет ныть о своих застуженных суставах, и передумала. Зато по приезде в Москву он сможет, наконец, развлечься: соберет всех знакомых дома и будет долго хвалиться своими снимками и удивлять новыми знаниями. Но она не пойдет на эти посиделки. Пусть не упрашивает.

Лада проснулась рано и бесшумно выбралась из палатки. Белые вершины гор были окрашены в розовый цвет восходящего солнца. Немая тишина и бездонное насыщенно-синее небо. «Влад, что бы ты открыл здесь для себя? О чем бы подумал? Я знаю о тебе все, но не знаю, как ты добиваешься единства с природой. Как ты ее чувствуешь? Что находишь в ней для себя?»

Она вернулась в палатку, взяла свою теплую куртку и, оглядываясь, чтобы ее никто не увидел, направилась к склону. Если для местных жителей подниматься на гору табу, то она может быть только для этого сюда прилетела и столько времени тряслась в старом Лэнд Крузере, и тащила на спине рюкзак с вещами, и терпела усталость Кирилла.

Лада поднималась уже значительное время, но пока не чувствовала усталости. Она уже добралась до зоны снегов и теперь ее ботинки застревали в обледенелой корке. Окружающие горы казались воздушными, они растворялись в рассветной мгле и теряли четкие контуры. Космос начинался отсюда, с этой точки. Это уже была не земля. Это был другой мир; мир остроконечных вершин, вечных льдов, большого солнца и глубокого неба. Мир, где все преображалось, и привычные краски приобретали новые оттенки. Стоило подняться сюда, чтобы узнать, что такое космос и почувствовать где начинается Вселенная. Лада дышала с трудом из-за морозного разряженного воздуха, но у нее ни на секунду не возникло желания повернуть обратно. На этот раз она добьется своей цели. Конечно, она не собиралась добираться до самой вершины, у нее бы и не получилось, но она хотела найти свою личную

точку предела.

Внезапно, непроницаемую тишину нарушил нарастающий гул. Звук трения и мощного потока, спускающегося вниз. Лавина. Лада замерла на месте и удивленно посмотрела вверх. Лавина? И с чего бы ей сейчас сойти? Что могло ее спровоцировать? Это какая-то нелепость, непонятная случайность. Она увидела белый поток, лавой катящийся по покатоному склону, как раз в ущелье, по которому она пыталась подняться. Снежная масса неслась вниз, по пути собирая снега и взрывая сугробы; эта безумная мощь и агрессия подавляла, гнев природы страшен. Лада не успела опомниться, как толстый слой снега навалился на нее, заставил кубарем прокатиться вниз и окружил белым мраком. Ее взгляд уперся в снежный потолок и она ощутила резкий холод. Как ни странно, но первая эмоция которая возникла на ее лице выразилась улыбкой. «Нет, ну я, конечно, предполагала, что что-то произойдет. Без этого никак. Но не думала, что здесь. Опять я влипла. Да что ж такое?! Почему же со мной вечно что-то случается? Это какой-то рок. Не права была матушка Антонина. Сказать бы ей это. Наверно, уже не получится. Это рок. На всей моей судьбе. Но я хотела всего лишь стать ближе к Владу. Может быть что-нибудь новое понять и пытаться осмыслить по-новому некоторые его поступки. А в итоге, опять попала в ситуацию, над которой, сама не знаю, плакать или смеяться. Скорее всего буду смеяться. Плакать надоело». Но с каждой секундой она все больше ощущала вес этой снежной массы, которая сдавила ее тело; стало не хватать воздуха и пропала чувствительность в ногах. Тихие горячие слезы заструились по вискам и растворились в волосах. Конец не далек. «Я всего лишь хотела немного забраться на... на эту горку. Окинуть окрестности с высоты. Подумать, помечать. Что со мной не так? Почему у меня все так получается?» Ее голову сдавило будто в тисках. Окружающий холод парализовал ее сознание и она почувствовала приближение обморока.

В полубессознательном состоянии ее вытаскивали из снежного склепа. Она увидела небо, оно было нереальным, ярким и контрастным, а лица людей расплывались; у нее сильно болели обмороженные ноги и руки и она даже не пыталась идти сама, ее донесли. Оказывается, еще рано утром двое парней-немцев из их группы увидели ее по пути к склону, а когда из палатки выбежал Кирилл, возмущенно расспрашивая — кто мог видеть его подругу, то все стало понятно; они втроем отправились за ней, но не успели подняться, как спустилась лавина. Предчувствуя, что ей уже угрожает реальная опасность, они вернулись в лагерь, подняли проводников, взяли лопаты и пошли ей на помощь.

В лагере ее отпаивали водкой и крепким черным чаем со сливочным маслом. Наконец, когда добровольные спасатели разошлись, она осталась сидеть перед палаткой с чашкой чая и странным, ничего непонимающим, взглядом смотрела на Кирилла. К ним подошел один из проводников. Его смуглое обветренное лицо было искажено страхом. Он снял с голову вязаную шапку, вытер ею лоб и стал им что-то говорить, мешая местную речь и популярные английские слова. Он говорил вспльчиво и, по-видимому, очень доходчиво.

— Скажи пусть не старается. Я все равно английский не знаю, — слабо произнесла Лада и махнула рукой, давая понять шерпу, что разговор не состоится.

Но упорный старик не унимался. Шепелявя сквозь оставшиеся зубы, он постоянно указывал на гору и истерично качал головой.

— Он, кажется, говорит, что это знак. Типа, гора хочет о чем-то предупредить. Она могла бы не отпустить тебя, но отпустила, — перевел Кирилл и жестом поблагодарил проводника, попутно извиняясь за подругу.

— Да? То есть я еще должна ее поблагодарить? За урок и за жизнь? — воскликнула

Лада, но потом резко успокоилась и опять оперлась о каркас, — Ну, да. Правильно. Спасибо тебе, Кайлас, что ты оставила меня в живых. Кирилл, как кора закончится, сразу домой, я уже не хочу смотреть монастыри. Так я и не могу проникнуться мистикой здешних мест. Хотела ведь многое узнать. Что монахи ожидают в год предсказанного конца света? Стоит ли спасаться здесь? Но теперь мне уже неинтересно. Ты сам-то что думаешь?

— Про конец света? Его так много «рекламируют» в последнее время. Я думаю спасаться не имеет смысла. Надо жить на полную катушку, а потом уж пусть будет.

4

В Москве уже тоже было много снега. В воздухе повисло веселое напряжение в предвкушении предстоящих праздников. Готовились подарки, закупались продукты, на улицах зажигались нарядные и позитивные огоньки, устанавливались елки. Хотя погода немного испортила ощущение праздника: было очень морозно и каждый новый день бил новый рекорд по максимуму холода для этого дня в анналах метеоизмерений.

4

В Москве уже тоже было много снега. В воздухе повисло веселое напряжение в предвкушении предстоящих праздников. Готовились подарки, закупались продукты, на улицах зажигались нарядные и позитивные огоньки, устанавливались елки. Хотя погода немного испортила ощущение праздника: было очень морозно и каждый новый день бил новый рекорд по максимуму холода для этого дня в анналах метеоизмерений.

Лада еще перед поездкой уволилась из клиники и теперь ожидала, когда наступит очередной учебный семестр в школе. Конечно, надежда, что ее туда опять примут, была очень слабой, почти равна нулю. Но у нее появилась другая надежда. Со временем интерес к ее работам не утих, а наоборот стал расти. Это ее удивляло и радовало одновременно. Появлялось больше публикаций в прессе, выходили короткие репортажи, некоторые уже состоявшиеся художники (или по крайней мере, те которые сами о себе так думали) изъявляли желание встретиться с ней, чтобы поговорить об искусстве. В общем, моховик стал раскручиваться. И она могла ожидать в перспективе как-нибудь новых поворотов, на которые судьба раньше не была щедра для нее.

За последние пару недель ей удалось несколько раз сильно огорчить Кирилла. Она не пришла ни на одну из вечеринок, которые он устраивал у себя дома, чтобы похвастаться своей поездкой и познакомить друзей со своей девушкой. Но дело было не в том, что она хотела ему немного испортить так усердно создаваемый им ажиотаж. Просто Лада чувствовала, что он становится ей ближе. И это ее пугало. Оба мужа были ей близки. Но где они теперь? Она не хотела повторения этого для Кирилла. Он был хорошим, позитивным парнем и заслуживал нормальной жизни, а не причуд уже далеко не юной женщины, которая сама еще толком ничего не знала о жизни и проводила свои дни в каких-то странных потугах отыскать смысл; смысл хоть чего-нибудь, что может стать целью существования.

Между ними состоялся неприятный, но откровенный разговор. Лада уже давно собиралась поговорить с ним, попытаться объяснить то, почему они должны расстаться, но никак не могла подобрать правильных слов и разговор все откладывался. Наконец, она решила сказать все начистоту, как есть и посмотреть на его реакцию. Реакция была предсказуема: Кирилл огорчился, долго молчал и ходил по квартире, задумчиво пялясь на мебель. Своим разговором она не обидела его, а скорее задела его самолюбие, то чем особенно дорожат все люди, принадлежащие этой национальности. Кирилл вспылал.

— Попользовалась мной как игрушкой. Пора выбрасывать.

— Что за чушь? И почему это тебе постоянно кажется, что все тебя используют? Между нами не было ни пламенной любви, ни нежной привязанности. Мы просто какое-то время были вместе. Старались вместе быть не одинокими. Мы ничем не обязаны друг другу.

— Ладно, я не собираюсь тут разводить философские разговоры: типа кто кому чем обязан. Хорошо друзья так друзья. Где я живу, ты знаешь. Возникнет потребность во мне — заходи. Но запомни: я тебя ждать не буду.

— Это справедливо. А как друга, я тебя ценю.

— Большое спасибо. Получи тогда совет: заканчивай со своими выкрутасами вроде

спорта «сломай себе шею». Хотя ты еще молодая, но в твоём возрасте пора бы находить интерес в других областях. Оставь это тем, у кого еще не потеряно чувство страха и кому еще пожить охота.

— Что — я нелепо смотрюсь в различного рода экстремальной активности?

— Ты ее уже переросла. Займись чем-нибудь более спокойным. В общем, береги себя. Береги себя сама, если рядом с тобой нет того, кто бы мог это делать.

Кирилл ушел, нелепо размахивая дорожной сумкой в которой уместились его небольшие пожитки. Он был расстроен, но не собирался терять голову из-за этой женщины. Хотя так хотелось гордо назвать ее своей девушкой, знакомя с друзьями. Но не судьба.

Когда он скрылся за дверью, она стала задумываться над его словами. И они ее поразили. Почему она так несчастна в жизни? Потому что она всегда думала только о себе и использовала в своих целях тех, кто ее любил? Она сама должна заботиться о ком-то и тогда может быть что-то изменится в ее судьбе. В этой установке есть что-то разумное. Все должно меняться и отношение к жизни тоже.

Чтобы не ощущать свое одиночество в шумном мегаполисе, она решила съездить на несколько дней, на один из которых выпадал ее день рождения, на дачу и провести там какое-то время.

Пришлось расстаться со значительной суммой денег, когда заказное такси довезло ее до их деревни. Таксист помог выложить сумки из багажника и уехал. Она взяла в одну руку кота, повесила за спину рюкзак и медленно направилась к дому. Каково же было ее удивление, когда она увидела свет в окнах! Родители были в Твери, она только утром им звонила. Кто же это мог там сидеть сейчас и, по всей видимости, уже топить печь — клубы дыма вились над трубой.

Дверь приоткрылась и показалось бледное лицо Вероники, которое тут же скрылось в дверном проеме. Лада отпустила кота на пол и прошла в гостиную за сестрой. За столом сидел маленький Игорь и без особого энтузиазма жевал манную кашу. Лада давно его не видела и теперь с удивлением остановилась перед мальчиком. Он был похож на нее: такие же пепельные волосы, смуглый оттенок кожи и глаза... Черные, азартные, бьющие энергией.

— Ну, привет, родственник, — сказала Лада и села рядом с ним.

— Удивительно, да? Ты ему тетя, а он как будто твой сын. Видишь как получилось, — сказала Вероника, выставляя на стол самовар и кое-какие кушанья.

— Ты мне лучше скажи, как получилось, что ты здесь?

Девушка молчала, но ее лицо покраснело и, под конец, она взглянула на сестру с какой-то внутренней мольбой.

— Кому как не тебе мне все рассказать. Ты одна и сможешь понять.

Лада насторожилась. Она раньше никогда не видела сестру такой взволнованной.

— Я ушла от мужа. Не могу жить с ним.

— Он тебя бьет, что ли?

— Ой, это совсем не то. Я влюбилась в другого мужчину и теперь не могу больше быть с ним.

— Это в того старикана, который развозил тебя по городу на старой Мицубиси?

Лицо Вероники вспыхнуло. Она отрывисто посмотрела на сестру, потупилась и покачала головой.

— Он еще не старикан.

— Да, ладно. Я же видела. Мне еще может быть сгодиться, но тебе. В твои двадцать

четыре года!

— Ты нас видела?

— Да, но ты, похоже, была в таком кураже, что сама никого вокруг не замечала. Рассказывай, сестренка. Чем же он тебя так зажег, что молодой муж-олигарх стал неинтересен?

— Ты же сама знаешь, как это происходит. Мне нужно с тобой поговорить, посоветоваться. Мне сейчас так трудно.

Конечно, Веронику порадовало то, что сын влиятельного чиновника увлекся ею. Надо отдать ему должное, свой интерес он проявлял весьма изысканно. Он открыл для нее этот новый, неизвестный мир — мир вседозволенности. Они ходили по самым модным ресторанам, ездили в экзотические туры. Николай создавал свой положительный образ всеми доступными средствами. Он даже полюбил ее ребенка и пообещал, что в перспективе усыновит его. Первоначально, она думала, что он настолько глубоко увлекся ею, что даже забросил бизнес. Но это была только видимость. Он действительно любил ее, но любил только за одно ее качество (другие ему были неинтересны) — за красоту. Его жизнь укладывалась в четко спланированную схему, где красавица-жена была между пунктами: интеллектуальное удовлетворение от хорошей литературы и физическое удовлетворение от вкусной кухни. От нее самой подобный расклад никогда не скрывался. Всякий раз, когда она хотела с ним пофилософствовать на какие-нибудь небанальные темы или просто обсудить политику, он говорил, что устал от обсуждения этих тем и итак слишком часто говорит об этом с друзьями или партнерами по бизнесу, дома он хотел отдохнуть.

Но зато его жена имела все. Известные дизайнеры привозили ей свои каталоги в их загородный дом, ювелирные украшения изготавливались по специальным эскизам, а в одной из ведущих косметологических клиник Москвы для нее был открыт безлимитный абонемент. И это не потому, что она все это выпрашивала. Она всегда должна была выглядеть в тысячу раз лучше чьей-нибудь жены или любовницы. Она была его достоянием, предметом зависти его знакомых, также как его навороченный Феррари или его дом в итальянских Альпах. Первые пару месяцев Веронике нравился такой подход. Они плавали на яхте по Средиземному морю и делали ремонт в своем доме, обставляя его самой эксклюзивной мебелью. У маленького Игоря было сразу четыре няньки, каждая в совершенстве владела иностранным языком и ребенок, еще толком ничего не понимая, уже слушал только иностранную речь. В доме постоянно находилось много народа: садовники, кухарки, домработницы, охранники, но Веронику это утомляло и временами она чувствовала себя одиноко. Образ жизни влиятельной обительницы дорогого загородного имения очень быстро изменил и ее саму. Она в чем-то стала похожа на своего мужа. В ней появился тщательно маскируемый снобизм, ее самомнение раздулось и сдерживалось только последними здравыми мыслями, иногда возникавшими, когда она оставалась наедине с собой. Она менялась и она осознавала это, хотя это было неприятно.

У Николая был большой гараж и они каждый раз выезжали в город на разных машинах. Веронике нравился Кайенна, Николай любил свой Хб. Он хотел подарить ей машину с водительским удостоверением в придачу, но она отказалась, ей это было неинтересно. Тогда специально для нее был нанят еще один водитель, который возил ее в город на том самом Порше, который она оценила.

этих пор начался процесс ее отрезвления и Вероника стала понимать, что на самом деле

она несчастна. Водителя звали Андрей или чаще Андрей Евгеньевич, потому что ему уже был сорок один год. В отличие от молодых парней, приехавших из российской глубины и впервые засевших на мощные игрушки, он водил машину очень спокойно и уверенно, поэтому Николай с легкостью доверил ему свою жену.

Как-то они стояли в пробке и Вероника, уже не зная куда еще деть свои ноги от усталости, начала раздражаться.

— И откуда здесь столько народа? Они должны сейчас сидеть в своих офисах, а не раскатывать по городу. И эти идиотические службы доставки — перевозят тухлятину из одного склада в другой. А Интернет-магазины, уже маленькую книжку нельзя купить в магазине. Нет, они тебе навяжут доставку, хотя ты сам мог бы сходить в книжный и купить то, что нужно.

— Люди пытаются работать. В кризис не так легко найти работу, — ответил водитель.

Вероника изумленно посмотрела на него. Раньше они не говорили друг другу ничего кроме «добрый день — до свидания» и теперь то, что он вдруг ответил на ее риторическое замечание, изменило устоявшуюся ситуацию.

— Где же они работают, если они сейчас толкаются тут в пробке?

— Я же сказал: пытаются работать.

Он обернулся и посмотрел на нее. Вероника сидела с гордо поднятой головой. Хотя она вполне отдавала себе отчет в том, что Андрей был интересным мужчиной и на его лице всегда было это задумчивое выражение утомленного интеллекта. Да, его высокий интеллектуальный статус бросался в глаза, но нынешнее положение в котором он сидел за рулем и возил ее в качестве шофера, не давало ему никакого права даже пытаться заговорить о подобных вещах. Между ними была пропасть.

— Ну и вы работаете в данный момент, хотя ничего такого особенного не делаете, — сказала ему Вероника.

— И не поверите, это самая неприятная работа.

— Это почему же? Кем же вы работали раньше?

— Да к чему вам это? Не стоит прошлое ворошить.

— Странная у вас привычка: начать разговор и, когда уже возникла интересная тема, резко его оборвать.

— Я работал сотрудником Министерства иностранных дел.

— И почему тогда вы сейчас здесь, а не в здании на Смоленской площади?

— У меня произошли проблемы в семье. Мне пришлось отказаться от загранкомандировок, а потом и вовсе оставить должность. Но мою жену врачи так и не спасли... — он сидел, упираясь подбородком в руль, и разглядывал стоящие впереди машины.

Вероника привстала и приблизилась к нему.

— А как же потом, через старые знакомства нельзя было вернуться обратно?

— Прошло слишком много времени, чтобы я мог восстановить свои профессиональные навыки. Старые связи и контакты со временем тоже исчезли. И я остался один.

— У вас нет семьи?

— Дочь живет с родителями жены. Она уже взрослая. Сейчас учится на первом курсе. Я с ней вижусь иногда, но каждый раз замечаю, что это ей не нужно. Возить вас — не единственная моя работа. Я еще подрабатываю в бюро переводов, редактирую переводную литературу и пишу книгу. Научная работа. Я долгое время жил в Германии и теперь пытаюсь

систематизировать кое-какие сведения. Думаю, многим пригодится.

— О, значит мне будет о чем рассказать своим соседкам. Оказывается мой водитель — бывший дипломат и писатель. Похваляюсь.

Андрей отвернулся к окну, его плечи вздрогнули и он глубоко вздохнул. Вероника, уже новым взглядом, урывками посмотрела на него. Он был привлекателен, хотя темные волосы белели сединой на висках. У него было овальное, гладко выбритое лицо, высокий лоб, изящный прямой нос и какой-то безвольный подбородок, но под опущенными темными ресницами выделялись серо-синие небольшие глаза, в их взгляде читался ум и образованность врожденного аристократизма. В нем был породистый лоск, то, что ни при каких обстоятельствах никогда не появится у некоторых людей, а у некоторых есть с рождения. Вероника почувствовала, что наговорила какой-то чуши и ей стало стыдно. Ведь он в чем-то был выше ее по развитию. Не потому, что она была другого интеллектуального статуса, а просто потому что она была намного моложе.

Она покраснела и уткнулась лбом в стекло.

— Ну ладно, я не буду ничего говорить. Собственно, какое им дело, кто у меня шофер, — сказала девушка, но тут же покраснела еще больше. Она хотела разрядить обстановку, а вышло только хуже.

— Можете сказать. Мне это безразлично.

«Он, наверно, думает, что я еще глупее его маленькой дочки. Почему я всегда что-нибудь высказываю невпопад? А вообще-то мне безразлично, что думает обо мне мой шофер. Хотя, нет. Не безразлично», — подумала Вероника, закусывая губу и прислонившись к стеклу, как будто ее что-то заинтересовало на улице.

Вероника практически все время сидела дома и пользовалась услугами водителя не чаще двух раз в неделю. Но после того, как она узнала его ближе, ей захотелось еще пообщаться с ним. Она решила специально куда-нибудь поехать, но потом, внезапно, чего-то застеснялась и передумала. А после они стали общаться уже на прежнем уровне и оба, казалось, забыли про этот разговор.

Как-то воскресным вечером она торопилась в речной порт. Николай устраивал фуршет на борту теплохода, а затем они с гостями должны были отчалить в Петербург. Вероника сидела сзади в красивейшем шелковом платье, у нее были яркие глаза и бардовые губы. Она выглядела как кукла, настолько все в ней было совершенно.

За окном проплывали улицы и машины. Девушка так настойчиво вглядывалась в окно, что можно было подумать, что она сегодня в первый раз приехала в Москву.

— За сколько можно доехать на машине до Петербурга? — спросила она.

— В зависимости от движения, времени суток и машины. В целом, за восемь часов.

— А по реке семь дней. Стоит тащиться?

— Там же компания, ресторан, каюты, — улыбнулся Андрей, — В машине утомительней.

— Это там — утомительней, — казалось, накипавшее в ней раздражение прорвалось, — Все эти люди — ярмарка лицемерия и снобизма. А тебе приходится натянуть маску и ходить улыбаться им. Они говорят одно, а думают совсем другое. Якобы подруга скажет: «как ты прекрасно выглядишь. Тебе идет эта прическа», а на самом деле подумает: «стерва косоглазая, хоть бы тебе что-нибудь напортили у косметолога или испортили волосы в салоне». Но женщины, по крайней мере, понятны. Мужчины хуже. Они могут быть закадычными друзьями твоего мужа, а потом, при удачных обстоятельствах, ничего не

стесняясь, захотеть потащить тебя в постель. Это все фальшь.

— В жизни вообще много фальши. Не только на вашем теплоходе.

— Да, но у всех есть выбор — вступать в игру или нет. А здесь у меня нет выбора. Я должна общаться с этими людьми, должна сопровождать мужа и целовать три раза в щеку каждую знакомую рожу. Это не жизнь. Здесь нет выбора.

На последних словах она сорвалась. Слезы неудержимым потоком полились по щекам и вскоре ее лиловый румянец совсем растворился в них. Она долго сдерживалась, долго терпела и даже боялась подумать об этой простой неприглядной истине. Но она дошла до точки. Ей надо было все высказать; больше для себя самой. Для того, чтобы открыть себе глаза на свою жизнь. Андрей обернулся и с удивлением посмотрел на нее.

— Выбор есть всегда. В любом случае.

— Нет. Что бы вы сделали на моем месте? Как можно что-то поменять?

— Послушайте, эти вопросы немного не по адресу. Сходите к психологу, они любят разбираться в подобных темах.

— Да, это разумно, — Вероника пыталась успокоиться, но слезная гримаса никак не покидала ее лицо, — Я просто... просто... Мне показалось... Я думала: вы же умный, можете что-то посоветовать.

Андрей снова посмотрел на нее, но в этот раз без удивления, в его взгляде мелькнуло сочувствие.

— Вы ради чего живете с этим человеком, с вашим мужем?

— Во-первых, потому что родителям удалось устроить этот брак и они несказанно рады за меня. Во-вторых, потому что у моего сына нет отца, а этот человек может многое дать ему. Вы как-то странно смотрите... вы мне не верите?

— Вы не сказали, что живете с ним ради денег.

— Потому что это не так. Ну не совсем так.

— Вы удивительны. Любая женщина сказала бы в первую очередь именно это. Знаете, родители будут рады только когда вы будете счастливы. А сыну не нужны такие жертвы, ему нужна мать с нормальной психикой и без комплекса вины перед ним. В общем, у вас еще целая жизнь впереди, чтобы все обдумать и принять решение. Не бойтесь посмотреть правде в глаза.

Машина стояла на парковке перед зданием речного вокзала. Вероника сидела сзади, не двигаясь. У нее было красное лицо, на которое легли разводы туши. И все равно было в ней что-то притягательное, что ее, даже заплаканную, можно было назвать красивой. Андрей, сам не отдавая себе отчет, залюбовался ею.

— Ну, как — будете семь дней играть в маскарад?

— Возвращаемся домой. Скажу заболела. Если я что-то стою, он никуда не поплывет и приедет домой. А если уплывет с этой тусовкой... что ж, я это пойму.

Сама того не осознавая, Вероника в этот день сделала их более близкими людьми, чем она могла быть со своим мужем. Николай, кстати, все-таки уплыл в Петербург, хотя по телефону переживал за ее здоровье. Но, как ни странно, с этого момента она не стала ощущать себя такой несчастной, как чувствовала до сих пор. Один из путей решить проблему — рассказать о ней. Но на дальнейшие действия она пока не решалась, и в ее жизни ничего не изменилось.

Хотя общение с Андреем ей пошло на пользу и со временем стало необходимостью. Пока они переезжали от одной пробки к другой, пытаясь доехать до ее косметолога, он

успевал ей рассказать очень многое: любопытные истории о иностранцах и жизни за границей, личные наблюдения за разницей в менталитете, которая часто бывает обусловлена не только физической границей и религией, но и понятием смысла жизни и постановкой целей для реализации себя в обществе. Они обсуждали политическую обстановку в стране и связи с другими государствами. Андрей посвятил ее в мир закулисной борьбы на политической арене и девушка узнала то, о чем раньше не могла и подумать, хотя частенько слушала политологов и увлекалась политическими ток-шоу. В общем, она, наконец, реализовала свое желание интеллектуального общения, но от этого не стало проще. Все только запуталось.

Однажды в душный сентябрьский день, когда кондиционер уже не справлялся с воздухом в перегретой машине, Веронике стало дурно и она почувствовала, что начинает кружиться голова. Когда они остановились, она заметила, что Андрей тоже чувствует себя нехорошо, и, по-видимому, ему становилось все дурнее. Вероника достала из багажника аптечку и, пересев вперед, дала ему таблетку. Он сидел, откинувшись на спинку и запрокинув голову, и Вероника начинала паниковать — она не знала, что еще можно предпринять и только с испугом смотрела на него. Молодой муж, конечно, не преподносил ей подобных сюрпризов, да и вообще, у него всегда было прекрасное здоровье и бодрое самочувствие вне зависимости от того, вышел ли он только что из фитнес-клуба, провел важные переговоры или отдохнул в сауне с сотрудниками. Подумав о такой разнице, ей вдруг стало нестерпимо больно за человека, который сидел рядом с ней. У Николая всегда дела шли правильно и гладко, он сам был «выглаженный» и не было ни малейшей детали, за которую можно было уцепиться, чтобы разглядеть в нем что-то человеческое, живое.

Наконец, Андрей привстал, глубоко вздохнул несколько раз и посмотрел на нее. У Вероники было напряженное лицо, а когда он сказал, что все в порядке, в ней все равно остался какой-то немой испуг. Внезапно, она приблизилась к нему, обхватив его голову руками, долго смотрела ему в глаза и, потом как-то истерично вскинув лицо, поцеловала.

Этот случай решил былую недосказанность в их отношениях, но, вместе с тем, сделал жизнь сложнее. Андрей не мог позволить молодой девушке увлечься им и через несколько дней уволился. Узнав об этом, Вероника встретила с ним, после того, как он получил расчет. И это сыграло с ним злую шутку — если его разум еще мог сопротивляться, то сердце все-таки стремилось к ней. Он потерял голову из-за нее. Ему было стыдно за себя, за свое безвольное поведение, за сомнительность всей ситуации, но, как только он опять увидел ее, понял то, что она собиралась сказать еще до того, как она произнесла хоть слово.

Вероника и Лада сидели перед камином и смотрели на пылающие бревна. Лада добавила еще досок, поворошила головешки щипцами и подперла рукой подбородок.

— Значит, у старичка прихватило сердце? — спросила она.

— Ну, почему ты его так называешь? Он тебя лишь на восемь лет старше.

— Да, но я смотрю на ситуацию с твоего положения. Значит тебе повезло окунуться в адюльтер со взрослым мужчиной? И как?

— Забавно. Я тайком убегала из дома, придумывала разные истории для мужа. Андрей на своей машине поджидал меня на лесной дороге, куда я доходила за пять минут от нашего дома. Мы ехали в Москву: рестораны, театры, парки. Несколько раз ездили в Петербург, — Вероника снова и снова повторяла свою историю, но уже более детально.

— Но... — Лада выдержала паузу, во время которой на ее лице сменилось несколько

выражений: от удивления до жалости, — Ты не спала с ним?

Вероника кивнула.

— Ты так и не переспала с ним?

— Нет. Но это же не главное. Нам было так хорошо вместе, что все остальное было лишним. Но потом обо всем узнал Николай. И знаешь, как ни странно, это его не удивило. Видимо, подобные истории в этой среде случаются сплошь и рядом и уже никого не удивляют. В общем, поговорили, обсудили. Потом я передала разговор с мужем Андрею. Он сказал, что мне... — объясняла Вероника, пытаясь вспомнить дословно тот разговор.

— Подожди. Хочешь, я скажу, что он сказал? А ты посмотришь права ли я.

— Попробуй.

— Он сказал, что тебе нужен нормальный, молодой парень. Желающий жить и что-то создавать в этой жизни. Он сам уже утомился от жизни и больше ничего от нее не ждет и боится, что и на тебя будет действовать такой настрой. А ты еще молодая. В тебе должно быть присущее молодости очарование жизнью. Ты должна развиваться и стареть вместе с мужем (он не имел в виду Николая, а некоего абстрактного героя, которого ты можешь полюбить). У вас с Андреем разные жизни и вы не можете быть вместе. Он не может себе позволить испортить твою жизнь (он, конечно, говорил сдержанней и логичней). В общем, между вами не может быть ничего. Права я? Так он говорил?

Вероника кивнула, ее лицо сразу осунулось и посерело.

— Откуда ты так их знаешь? Почему ты говоришь буквально его словами? — тихо спросила она.

Лада даже не улыбнулась. Она неопределенно пожала плечами и, также глядя на огонь, как-то утомленно сказала:

— Я знаю их, Ника. Что теперь будешь делать? Как быть с мужем?

— Я написала ему записку, что-то вроде того, что мне нужно время подумать и уехала сюда. Я здесь уже почти месяц, с Нового года. Но теперь я в растерянности. У меня нет ни сил, ни мыслей.

— А что ты хочешь?

— Я хочу расстаться с Николаем. Но, боюсь, он не даст мне развод. Что мне ему сказать?

— В общем, делаешь вид, что никак не можешь определиться, что тебе нужно. Отвечай на его вопросы абстрактно, расплывчато. Ничего конкретного. Мужчины терпеть не могут женщин, которые не знают чего хотят. Они их жутко бесят. Сыграй именно такую бабу. Побольше демагогии, немного нервов и чуть-чуть шизофренической неадекватности — ты его не понимаешь и переживаешь почему он не может понять тебя. Он будет задавать вполне конкретные вопросы, на которые отвечают категорически «да» или «нет». Ты же отвечай неопределенно. Никаких конкретных ответов. Посмотришь, одного такого разговора хватит и потом он тебе позвонит сам и скажет, что вам все-таки лучше развестись. Но может быть потребуется еще один разговор — придерживайся той же линии и он сразу скажет, что вам лучше порознь.

— А что мне сказать Андрею? Как мне вернуть наши отношения? На что я теперь могу рассчитывать? Может быть ты поговоришь с ним? Ты же умная, ты сможешь убедить его.

Лада вздохнула и покачала головой.

— Мой ответ тебе не понравится.

— Неужели я не смогу быть с ним? — по лицу Вероники было видно, что эти мысли

постоянно преследуют ее последние пару месяцев.

— Ты можешь рассчитывать если только... в общем, на ночь с ним ты рассчитывать можешь. А потом, утром, он уйдет и оставит письмо, в котором будет все тоже самое: он не хочет ломать тебе жизнь и желает тебе найти счастье с нормальным парнем. И мы обе понимаем, что он прав. И он понимает, что мы это знаем.

— Здесь ты не права. Ты о нем не все знаешь. Никакой ночи, он слишком... слишком... меня ценит. Он благородней.

— Ты скажи, хочешь ты этого или нет, а я скажу, как тебе поступить. Они все благородные, когда дело не доходит до определенной поры.

В лице Вероники мелькнуло странное выражение. Она вспомнила Андрея и так отчетливо как будто его образ был спроецирован перед ее глазами: его лицо, невозмутимое, с этим мягким грустным выражением, волосы с проседью, красивые небольшие руки. Она почувствовала, как по спине пробежала дрожь...

Популярность не накрыла Ладу лавиной, подобно той, которая обрушилась на нее в Тибете. О ней стали говорить в божественном кружке творческой элиты и это дало повод журналистам из разных СМИ проявить к ней интерес. А вместе с интересом журналистов появился и интерес у потенциальных покупателей ее картин. Одна из ведущих картинных галерей предложила ей выставить свои работы у себя, а несколько агентств советовали с их помощью выехать за рубеж со всей экспозицией. Лада постоянно обдумывала разные предложения и продолжала работать, но уже в своей московской квартире. Она жила теперь с Вероникой и ее сыном и их общество, как ни странно, совершенно не мешало ей заниматься творчеством. Вскоре она разжилась денежками, а так как ей недавно вернули водительское удостоверение, то тут же решила присмотреть себе какую-нибудь необычную, но подержанную, машинку.

Своей харизматичной брутальностью ее зацепил новый Инфинити FX35; в нем была какая-то звериная агрессия и напор, а сочетание ломаной линии фар и выпуклой решетки радиатора — то, чего не было в предыдущей версии этой машины, создавали странную смесь эмоций при взгляде на нее — от восхищения вплоть до скепсиса. Но почему-то казалось, что если бы граф Дракула жил в наши дни, он купил бы себе именно эту машину.

Как-то Лада потратила целый день, разъезжая по салонам в поисках выгодного варианта, и под конец, вымотавшись, решила навестить Кирилла, пообщаться, обсудить дела и просто посмотреть, как он занимает досуг. Она созвонилась с ним, узнала, что он не против и через полчаса была уже у него.

Дверь в квартиру открыл молодой парень и сначала засомневался пустить ее или нет. Лада удивленно уставилась на него: его лицо показалось ей знакомым. У него был яркий румянец цветущего здоровьем лица и бегающие глаза, но добрый и немного хитрый взгляд. Он, по всей видимости, тоже узнал ее, после того, как все-таки присмотрелся к ее лицу.

— А Кирилл дома? Можно с ним увидеться? — спросила она, замешкавшись у порога.

— Конечно. Входите.

Она пошла за ним в гостиную.

— Мне кажется, я вас вспомнил, — он обернулся к ней, невзначай весело улыбнувшись.

Кирилл сидел за компьютером и играл в какой-то шумный симулятор гонок на тракторах. Он поздоровался с Ладой, не отрываясь от монитора, и предложил ей выпить чая и закусить чем-нибудь, что она найдет на столе.

— Откуда ты ее знаешь, Серега?

— Вы — Лада Маренкова?

— Да, была... когда-то.

— Я работал с вашим мужем. Был его помощником в автосалоне. Мы с вами встречались на корпоративе.

— А, припоминаю. Ты же знаешь шведский почти в совершенстве, так? Не забыл еще?

— Нет. У меня крепкие дружественные связи со Швецией. Работаю в Москве переводчиком. Принимаю здесь туристов оттуда и помогаю устроиться, тем кто приезжает в бизнес-тур или чтобы пожить.

— Отличненько. Теперь хотелось бы узнать, что между вами общего? — спросила Лада, поглядев на Кирилла и приподняв одну бровь, что придало ее лицу выражение игривости.

— Мы... э...живем вместе, — просто ответил Кирилл.

Лада замерла на том месте, где стояла. Поначалу ей на ум вообще не пришло ни одного слова, и это помогло ей не высказать что-нибудь лишнее.

— А, живете вместе, — только повторила она и медленно поставила на стол чашку с недопитым чаем.

— Ну, да. Уже несколько месяцев. Мы познакомились через Интернет. Сначала некоторое время переписывались, а потом... вот так...получилось, — подтвердил Сергей и, посмотрев на Кирилла, пожал плечами.

— Рада, что вы нашли друг друга. Сейчас с этим так сложно. Я имею в виду найти подходящего человека. Все не то и не то.

У них действительно в квартире царил аура спокойствия и взаимопонимания. Это было заметно и это, как ни странно, совсем не удивляло. Кирилл сделал свой выбор и, хоть он был несколько непонятен, это был его выбор.

— Собираемся на вечеринку в клуб при шведском посольстве. Хотите с нами? Познакомьтесь с еще несколькими парами по типу нашей, — предложил ей Сергей.

— Не знаю даже. Я, наверно, там потеряюсь в этом клубе.

— Да, нет. Пугаться не стоит. Просто не надо к этому относиться как к чему-то странному. Это уже давно стало банальным, — убедил ее Кирилл, продолжая играть и иногда поворачиваясь к ней.

— Ну, этого я действительно не пугаюсь. Наоборот, я боюсь, что сама распугаю там всю публику. Хотя, любопытно.

Лада пришла домой в весьма странном расположении — она никак не могла понять: стоит ли ей радоваться за Кирилла или скорее надо его пожалеть. Она так и не пришла ни к какому выводу и поэтому тут же рассказала эту историю сестре.

— Представляешь, мой бывший парень — Кирилл, ты видела его на выставке, он гей. Странно. Когда я с ним встречалась, мне он казался вполне... нормальным. Все меняется, не успеваешь осознать.

— А они, в принципе, нормальные. Я повидала их. Среди знакомых моего мужа было много таких, — Вероника как будто даже не удивилась.

— Приглашают в клуб. Не знаю, пойти?

— Почему бы нет? Ты же любишь узнавать что-то новое. Откроешь для себя этот мир — мир секс-меньшинств. Просто потусуешься, пообщаешься. Кстати, тут тебе звонили.

— Кто?

— Некто Олег.

— Что-нибудь передал?

— Он просто хотел узнать кое-какие подробности про то, как ухаживать за маленьким ребенком и про питание. Думал, ты сможешь ему подсказать. Но раз уж он позвонил, я сама ему рассказала. Он был рад, что я помогла. Сказал, что удивительно — как это мы с ним раньше нигде не пересекались.

— Так... это уже интересно. Он сам что ли ухаживает за ребенком? Надо узнать. Что-то у него новенькое.

Лада предчувствовала финал всей истории еще задолго до того, как он случился, но все равно позвонила, чтобы убедиться в своей правоте.

— Олег, привет. Что ты мою сестру тормозишь своими новорожденными проблемами?

— Отвлек ее? Извини. Просто мама уже старовата, она не знает всего. Думал, ты поможешь.

— Что-то случилось? Проблемы?

— Наоборот. Все сложилось к лучшему. Кира ушла. Мы недавно развелись. Ребенка она оставила мне. У нас даже не было сомнений. Ей нужно заниматься карьерой, развиваться, найти подходящего парня. Я убедил ее отказаться от ребенка и теперь я официально его единственный опекун, отец и мать ему. Отвожу в ясли на полдня, а потом, после работы все время с ним.

— Я надеюсь, ты не рассчитываешь, что я тоже натяну на себя лямку опекунства?

Олег рассмеялся в трубку и добродушно ответил:

— Я как-то не думал о тебе с этой позиции. Нет, я сам буду его выращивать. Мне это нравится.

— Ладно, если будет нужно — звони. Я что-нибудь подскажу. Или сестра. Вероника сама тут выращивает... У нее правда побольше. Но она через все прошла и многое знает. Так что поможем.

5

Лада отдала свое пальто в гардеробной и прошла следом за Кириллом и его другом в полутемное помещение, где была зона отдыха с кожаными диванами и минибаром. Бокалы на столиках дребезжали подражая ритму мелодии, а слабый свет металлических люстр так освещал лица посетителей, что все казались похожими. Здесь действительно было много разных пар непринужденно болтающих по своим углам, хотя зал был полупустой и официантки не торопились убирать со столов. Кирилл сразу непроизвольно отстранился от Лады и у них с Сергеем завязался разговор; девушка сидела рядом, потягивая свой коктейль и, со скучающим видом, разглядывала соседей справа и слева.

— А хотите я вас кое с кем познакомлю? Ваш муж тоже знал этого человека. Вам будет интересно, — предложил ей Сергей.

Лада согласилась и Сергей повел их в соседний зал, где в ряд стояли бильярдные столы и уже почти все были заняты.

— Не знаю, она сегодня здесь или нет. Обычно она появляется по пятницам, — сказал Сергей, оглянувшись на Ладу, следовавшую за ним, — Здесь. Нам повезло.

У одного из столиков спиной к ним стояла женщина, опираясь на кий. На ней была черная блузка и обтягивающая юбка до колен. Это неяркое сочетание вещей самым откровенным образом выделяло ее красивую крепкую фигуру. Она не была худой, но под обтягивающим стрейчем угадывалась каждая мышца: ее упругие бедра, изящная талия, сильные руки и идеально ровная спина, такая, как будто она всю жизнь носила корсеты. Светло-каштановые волосы каскадом спадали с плеч и тянулись к рыжему кожаному поясу.

— Анна, привет. Хочу тебя познакомить... — отвлек ее Сергей.

Она обернулась и тут же встретилась глазами с Ладой. Обе одновременно подняли брови и изумленно вскинули голову. Они были одного роста. Но Анна казалась крупнее по комплекции и за счет этого выглядела мускулистей, хотя Лада имела более спортивную форму. Кирилл поздоровался с ней, он уже был знаком.

— Это Анна Реншельд. Она работает в посольстве. Уже знает русский. Она как-то приезжала в Калининград инспектировать наш бизнес, — представил их друг другу Сергей, — А это Лада Маренкова. Сейчас уже Лада Беловодина.

— Очень приятно. Приятно увидеть жену Игоря. Я еще тогда хотела этого. Понимаю, почему он торопился к вам на ужин, — она улыбнулась.

— Ужин — это предлог. Он торопился по другой причине, — ответила Лада.

— Понимаю, — Анна рассмеялась, — Что случилось после того, как автосалон закрыли?

Она положила кий на сукно и они вчетвером присели за барную стойку, хотя, заметив, что женщинам есть о чем поговорить, Кирилл и Сергей вернулись к теме своего разговора.

— Тяжелые были времена.

— Ну, я думаю, Игорь как-то выкрутился.

— Да. Он стал капитаном рыболовецкого судна.

— Никогда бы не подумала. Хотя, нет. Почему же? Он — настоящий мужчина, такой, которому идет любая мужская работа. Это заметно.

Ладу передернуло и она немного отстранилась от этой женщины. Анна это заметила.

— Я откровенна? Простите, но я думаю не имеет смысла что-то таить в себе. Мне он понравился. Я скажу прямо: я хотела с ним иметь отношения. Даже пригласила на вечер.

Лада внимательно посмотрела на нее и в ее прищуренных глазах что-то мелькнуло. Странная, чужая женщина описывает ее мужа как будто он был ее братом. И, видимо, хочет поговорить о нем с его женой. Но... бывшей женой. Она убежала от него с полунищим журналистом из Москвы. Она больше не имеет прав на Игоря. Лада закусил губу и снова взглянула на Анну. Такие светлые, светлые глаза... как море, когда небо затянуто тучами.

— Он отказался. Я его теперь понимаю, — продолжила Анна.

— А вы думали он согласится?

— Откровенно, я сразу знала, что не согласится. Это не тот тип мужчины. Но все-таки надеялась, — она улыбнулась.

Лада все с большим удивлением смотрела на нее. Эта улыбка не была хитрой или лицемерной, она была очаровательна. Она была такой же правильной и открытой, как сама Анна.

Заметив ее откровенность, Лада подумала, что эта женщина действительно подходит Игорю. Они могли бы быть вместе и были бы интересной парой: Игорь в своем ярком проявлении мужественности и Анна с сильным женским началом, но умеющая быть скромной и сексуальной одновременно. Оба сильные, решительные, с волей и целями, но с присущей им пленительной стеснительностью, которая только украшала эти характеры. Лада была другой. И другим был Влад, который был ее продолжением и астральной копией. Но в результате — две одинокие женщины, с такими мудрыми глазами и печатью несбывшегося на лице.

— Почему вы расстались? — спросила Анна.

— Тебе откровенно или приукрасить?

— Приукрашать — не твой жанр. Ты, похоже, не уступишь мне в откровенности, — Анна не смущалась ее черных глаз и могла свободно смотреть в их пустоту. Ее энергия делала ее неподвластной гипнозу.

— Я ушла от него. Уехала в Москву с журналистом.

— Он того стоил?

— Да, — Лада грустно кивнула, — Хотя тебя бы он не впечатлил. Он был другой породы, чем Игорь. Там нечем было особо восхищаться, кроме смазливой внешности и доброго сердца. Он был другой.

— Почему ты говоришь о прошлом?

— Он погиб. И Игорь тоже. Игорь в море. А мой второй муж разбился на машине.

Анна покачала головой. В ее лице промелькнула горечь. И внезапно, Лада увидела, что у нее в глазах собрались слезы, но она проморгалась и также прямо посмотрела на собеседницу. Она долго ничего не говорила, но потом, опять покачав головой, произнесла:

— Я сочувствую тебе. Такого никому не пожелаешь.

— Это я виновата. Я ушла от Игоря. Он остался один, поэтому так случилось. Я ушла и от Влада, правда на время. Он нашел себе какую-то девку, сделал ей ребенка. Но потом вернулся ко мне, хотя я твердо говорила, что не прощу. Я его так и не успела простить.

Лада посмотрела на Анну, ожидая какой-то реакции, хоть порицания, хоть упрека. Девушка положила руку ей на плечо и сказала:

— Не вини себя. Ты ведь простила его в душе. А слова — пустота. Если он тебя любил

— он итак все понял, без слов. Ты никак не можешь повлиять на чью-то судьбу. Человек сам строит свою жизнь. И если с ним это произошло, значит это судьба. И это не зависит от тебя.

— Я их не верну.

— Зачем их возвращать? Они итак с тобой, в твоих мыслях. Они всегда будут с тобой, до последнего дня. Просто это была их судьба. А у тебя своя. И ты должна ее реализовать.

Лада залпом выпила рюмку абсента, не выжидая пока расплавленный сахар опять кристаллизуется. Анна последовала ее примеру и попросила повторить им обоим. Кирилл с Сергеем крутились возле бильярдного стола, прохаживаясь мимо друг друга и каждый раз сталкивая свои кружки с пивом. Это было так мило. Было видно, что они думают друг о друге постоянно и постоянно хотят ощущать физический контакт, каким бы странным и противоестественным для кого-то он не был.

— Ты, наверно, многое знаешь об этой жизни? Эти тяжелые уроки неизбежно приводят к мудрости.

— Нет, — отрицательно покачала головой Лада, — Ничего не знаю. Только еще больше запуталась. Так ничего и не поняла. И целей у меня нет. И смысл непонятен.

— Это ты так думаешь, а на самом деле знаешь. Не может быть иначе. Подумай. Сыграешь со мной партию?

— Нет, я здесь посижу. Еще абсента, — сказала она бармену, который уже потянулся за бутылкой.

Анна подошла к столу Кирилла и Сергея, ее силуэт скрылся в полумраке прокуренной комнаты. Лада некоторое время смотрела на нее, потом обернулась и выпила свой коктейль. Таких необычных женщин она никогда не встречала. Она ей понравилась. В ней была и простота и понятливость, но в тоже время интеллигентность и чувство меры, тонкое чутье, когда не надо переступать грань. Она была не просто интересным человеком, она была удивительной женщиной. Лада, признавая эту странность, испытывала какое-то новое чувство; эта женщина заставляла думать о себе. Лада никогда бы не подумала, что какая-нибудь женщина сможет вызывать в ней такие эмоции. Но это было явью. Анна смогла...

Лада поставила свой бокал на стойку и направилась к их столу. Анна стояла спиной к ней; свет играл тенями на ее шелковой блузке. От ее фигуры веяло притягательной женственностью, хотя уверенная посадка головы и быстрые движения придавали ей мужские черты. Она была неординарна, с ней хотелось общаться и, как ни странно, ей почему-то хотелось доверять. Лада подошла к ней вплотную, упорно глядя на светлый затылок. Внезапно, она нагнулась и поцеловала ее в шею. Анна вздрогнула, как будто ее ужалила оса, и отпрыгнула на шаг, вопросительно посмотрев на Ладу. Лада вскинула голову, на ее лице замерла улыбка.

— Прости. Прости за испуг, — сказала Лада, все больше улыбаясь.

Первое холодное выражение исчезло с лица Анны. Внезапно, в нем появилось тепло и какая-то странная нежность.

— Нет, нет. Это... это... — Лада расхохоталась и этот смех становился все громче, — Нет, это не то. Не то. Хотя можно было бы, но нет. Прости меня.

Она резко развернулась, продолжая смеяться, и пошла к выходу, по дороге помахав рукой.

Лада проснулась поздно и, пошатываясь направилась на кухню. Там сидела Вероника и

кормила своего сына с ложки, он отказывался есть сам. Она налила сестре кофе и предложила мюсли со сливками.

— Сегодня хороший день. Адвокаты, наконец, все утрясли и я сегодня получу развод. Николай даже выдаст мне некую сумму компенсации, хотя это чисто символическая сумма. Радостный день. Жаль родителей, они расстроились, — сказала она, помогая сестре размешать в миске мед с хлопьями и сливками. У Лады от усталости тряслись руки и она не могла удержать ложку.

— Не обращай внимания. Перебесятся. Ты сегодня в хорошем настроении, позвони им поделись этим.

— Ты что? Подумают, я насмехаюсь.

— Не подумают. Ты слишком искренняя.

— В самом деле, позвоню. Ты вчера так поздно приехала.

— Ой, вчера был какой-то бредовый день. Я выпила, хоть и давала себе зарок. И меня что-то понесло.

— И как это проявилось?

— Наверно, смешно. Могло показаться, что я от безысходности стала кидаться на женщин. В общем, меня познакомили с интересной девушкой — шведкой. И чем-то она мне понравилась. Ладно, — Лада покривилась, — Хорошо, если это выглядело просто смешно.

— Да ладно. Зачем переживать. Это сейчас в порядке вещей. Тем более, что у тебя такая натура — хочешь испытать все.

— Я вчера, когда выпила пятую рюмку абсента, тоже так подумала. Но когда протрезвела, поняла обратное. Хотя действительно хочется испытать в жизни многое.

Вероника помирилась с родителями и через пару дней уехала к ним. Она не собиралась оставаться в Твери и пообещала Ладе вернуться через несколько недель. Лада осталась одна. У нее пропало вдохновение. Она целый день сидела дома и только переходила от одной незаконченной картины к другой. На душе становилось мрачно.

За окнами грохотала майская гроза и вспышки молний освещали темную комнату. Лада сидела в кресле; в том самом, где тогда ночью сидел Влад. Она не включила свет и находилась в полумраке. Решив не отступать от обещания, она сидела только с бутылкой холодного пива, в руке, расслабленно свисающей с подлокотника, дымилась тонкая сигара. Она пристрастилась к ним в последнее время, после того, как ее угостил один из журналистов, когда вместе с ней записывали передачу для кабельного телевидения. Но она не курила и сизый дым вился струей к потолку.

«Все эти картины от безысходности. В них нет ничего. Они пустые. Я просто хоть как-то хочу себя развлечь. Не знаю, чем они могли понравится тем людям, кто их купил? Красочность — да, оригинальность — да. Но нету смысла. Нет в них силы. Зря это все».

Она поставила бутылку на пол и медленно подошла к окну. Потоки воды хлестали по стеклам, размывая огни вечернего города. Лада взяла с журнального столика зажигалку и машинально сунула ее в карман.

Черный Инфинити своими фарами прожигал темное пространство ночных улиц, рассекая заряженный грозовой воздух и вспенивая свежие лужи. Она припарковала его в тихом полупустом переулке, освещаемом только зигзагами молний и светом редко проезжающих машин. Не обращая внимания на дождь, она вылезла из машины и спокойным шагом направилась к галерее. Она знала черный ход через склад, куда можно было попасть

протиснувшись в открытое подвальное окно. Ее с самого начала удивило то, что здесь уделяли мало внимания безопасности и, при особой надобности, любой даже непрофессиональный грабитель мог вытащить картины. Створка действительно была открыта — летом ее всегда забывали прикрыть. Лада протиснулась в щель и спрыгнула вниз. Слабый свет ее фонарика осветил пропахший пылью чулан, где на каждом углу стояли занавешенные работы, которые, наверно, так никогда не увидят глаз зрителя. Девушка бросилась в тот зал, где выставлялась ее коллекция. За ней последовал поток воды — она успела промокнуть насквозь.

Они были здесь. Яркие, красочные, самобытные. Картины не ставились за стекло, потому что так масляная живопись теряет своей оригинальности.

Она достала зажигалку и метнулась к одной: узбекский базар. Лада замерла перед картиной и ее рука опустилась. Она тут же, полная своей странной решимости, кинулась к другой работе — зимний пейзаж и опять ее рука дрогнула. Она не могла этого сделать. Затем ее взгляд упал на третью картину — парящий во вселенной Боинг. И внезапно, девушка поняла неуловимый смысл этих трех работ. Смысл, который понимался только в их совокупности. Это не она рисовала — это было послано свыше. Она должна была выразить эту идею художественными средствами и у нее получилось. Лада выронила зажигалку и прижала руки к груди. Она молча плакала.

Она также бесшумно покинула галерею, как и проникла туда, надеясь, что к утру высохнут лужи воды, которые она оставила. Лада остановилась перед машиной и, внезапно, запрокинула голову и раскинула руки в стороны. Дождь бил ее по лицу и струился по всему телу, но она чувствовала только одно — свободу.

Лада проснулась, услышав чьи-то шаги в своей пустой квартире. Она бесшумно зашла в гостиную и обнаружила ребенка стоящего перед ее незаконченной картиной с кисточкой в руках. Игорь умудрился достать со шкафа краски и набор кистей и теперь старательно исправлял ее работу. Он был всецело погружен в творческий процесс и не заметил, как Лада сзади подошла к нему.

— Ты что наделал? — спросила она ребенка.

Игорь резко обернулся и вздрогнул. Его рука с кисточкой замерла, уткнувшись в холст, и фиолетовая краска жирным пятном стала растекаться по картине.

Лада разозлилась. Она хотела дать мальчику подзатыльник и уже занесла руку, но его взгляд остановил ее. На нее испуганно смотрели эти черные угли глаз, в них было что-то гипнотическое, неестественное. Из кухни прибежала Вероника. Она не успела разложить привезенные с собой продукты, поэтому появилась в комнате с банкой варенья и полупустым пакетом, повисшем на руке. Она громко воскликнула, увидев испорченную картину, подошла к сыну и присела рядом с ним на корточки.

— Игоречек, зачем ты это сделал? Ты не представляешь, как этим расстроил свою тетю. Она ведь так старалась, потратила много сил на работу. А ты все испортил. Зачем?

Мальчик смутился. Он стоял и смотрел в пол, было видно, что слова матери растрогали его. Она обняла его за плечи и опять сказала:

— Зачем ты испортил картину? Ты понимаешь, что ее уже заново не нарисуешь. Тетя не сможет исправить ее после тебя. Она пропала. И это ты виноват.

Ребенок поднял голову и посмотрел на Ладу.

— Прости меня. Я так больше не сделаю, — его покрасневшее лицо выражало жалость.

— Ладно. Не сделай, — сказала Лада и тоже приобняла его.

В нем уже проявлялась эта странная энергия, которая была в ней самой. И она заранее переживала за него — он также не сможет найти себе места, как и она; также ему будет беспокойно и ничто не сможет удовлетворить эту натуру до конца. Но жить ему будет интересно. Может, в этом и есть смысл.

— Почему меня не предупредили? Я бы для вас что-нибудь приготовила, — спросила Лада.

— Зачем готовить? Я столько всего привезла.

— Ну, как там жизнь?

— По-старому. Те же темы для разговоров, те же вкусные фаршированные перцы.

— Что насчет твоего развода?

— Смирились. Почему ты мне не сказала, что звонила им и просила не капать мне на мозги? Они там такие испуганные сидят. Говорят: «Лада нас уже предупредила. Дело твое. Мы не вмешиваемся».

— А, я как-то забыла. Что рассказывали нового?

— Рассказывали про твоего бывшего парня. Рому еще помнишь?

— Что там с ним?

— Поругался с родителями, в долгах, работы нет. В общем, у него все не гладко. Кстати, и мой бывший промелькнул. Говорил, что может помогать деньгами. Пусть помогает, но встречаться с ним не хочу. Не то, что у меня остались к нему какие-то эмоции, скорее наоборот: он мне настолько неинтересен, что не хочется тратить время.

— Это правильно. Никогда не надо себя заставлять.

Картина ярким пятном маячила на фоне светлой стены. Искусственный свет выделял теплые оттенки и скрывал в ней все холодные краски, глянцевыми бликами пестрели фиолетовые мазки. Фиолетовыми были крупные бабочки, летающие над полем колосющейся пшеницы, и это выглядело несуразно. Но именно этой несуразностью картина подкупала: в ней было нечто большее, чем просто кич, в ней был вызов статичности. Ощущение полета воспринималось не через ветер, гнувший колосья к земле и не через порхающие крылья, а через этот любопытный контраст бежевого и сиреневого, который придавал изображению динамику. Лада рассматривала полотно, то подходя ближе, то отходя почти к центру зала. Она не хотела выставлять эту работу, но Вероника сказала, что в ней так много жизни, что она должна появиться в коллекции. В этот раз для ее работ отвели достаточно просторный зал, где они могли выставляться почти целый квартал.

— Привет. Как дела? Твои работы здесь уже почти прописались, — сказал ей Кирилл. Он по привычке поцеловал ее в щеку и отступил на шаг, чтобы разглядеть картину.

— Как называется?

— Призраки прошлого.

— Звучит почему-то знакомо. Вряд ли кто-нибудь поймет почему картина так называется.

— Кому есть, что вспомнить, тот поймет. А ты почему без Сергея?

— Он в переводе погряз. Не может оторваться ни на полдня. У меня тоже дела. Я забежал с тобой поздороваться и посмотреть новенькое. Думал, купить себе какую-нибудь картину.

— Ты пожалеешь денег.

— Да, правда пожалею. Ну, тогда просто посмотрю.

Они оба рассмеялись и Лада прошлась с ним по залу.

— Ты, кстати, понравилась Анне. Она про тебя расспрашивала.

— Да, я заметила, что она любопытная.

— Скоро уезжает домой. Устала от нашей жары. Это лето аномальное. Хотя по правде, у них тоже сейчас жара.

Проглотив два бокала с шампанским, Кирилл умчался домой. Лада проводила его и вернулась в зал, где уже набралось много народа.

— Здравствуй, Лада. Не хотел тебя отвлекать. Ты меня раньше не заметила, — Олег подошел к ней с неподдельной улыбкой, он давно ее не видел и был рад этой возможности.

— А, это был мой бывший парень. Хотел купить картину, но передумал. Единственное, на что он не пожалеет денег — это выпивка. Хотя, он — хороший человек. Хочу, чтобы у него жизнь сложилась.

— У тебя шрам. Что-то случилось?

— Разбилась, когда столкнулась на своем мотоцикле с Жигулями. Но я легко отделалась. Пойдем, выпьем шампанского. Я, правда, сегодня наверно уже целую бутылку выпила, пока здесь нахожусь, — она взяла его под руку и они вышли в коридор.

— Ты все еще едешь?

— Нет. Не на чем. Мой мотоцикл остался на штраф-стоянке. Да ладно, старая история. Как у тебя? Как Влад.

— Нормально. Мама с ним возится. Она пока у нас. Но я вижу, что ей трудно с маленьким ребенком. Собираюсь уговорить ее вернуться к отцу на дачу. С ребенком буду сам заниматься. Я хорошо справлялся до нее. Есть же ясли. Была отговорка раньше уходить с работы.

— Вот все люди вокруг чем-то занимаются, у них есть планы, надежды. А ведь скоро год, который перечеркнет это все, — Лада действительно выпила за эти полдня уже прилично и теперь ее развезло на демагогию.

— Я не верю, что что-то произойдет в этом году.

— А твой брат верил.

— Значит он был не прав. Дети вырастут. Многие поймут и создадут свой мир. Жизнь не остановится.

— Как знать...

Они вернулись в зал и стояли перед картиной с бабочками. Лада с любопытством поглядывала на его лицо. Олег всегда со странным выражением интереса и боязни рассматривал ее картины и она вначале не понимала почему. Но на самом деле, он боялся не понять ее смысла. И каждый раз старался тщательней взглядеться, чтобы различить все нюансы. Хотя этого не требовалось. Смысл угадывался только когда видишь картину целиком, на расстоянии.

— Призраки прошлого? Я бы назвал «мечты».

— Это потому, что ты смотришь в будущее, а я в прошлое.

— Лада, Лада, а я сейчас видел вот такую божью коровку, — рядом с ней стоял мальчик и руками показывал им что-то большое. Олег с удивлением посмотрел на ребенка и тут же улыбнулся. Он посмотрел Ладе в глаза и улыбнулся сильнее. Они стояли рядом и в этом было что-то мистическое: ребенок с этим нежно-оливковым оттенком кожи, светлыми волосами и черными, как бездна, глазами и женщина с такой же кожей, с воздушными,

почти белыми, волосами и ее глаза — глаза ночи. От них веяло неразрешимой загадкой, непостижимой странностью и добром. Добром легкой и эмоциональной души.

— А где мама? — спросила Лада, взяв ребенка за руку.

— Она там. Сейчас придет. Она меня не догнала.

Вскоре у входа в зал появилась Вероника и, на ходу ругая сына, подошла к ним.

— Вероника — Олег, брат Влада. Олег — Вероника, моя сестра, — представила Лада.

Олег посмотрел в лицо девушке и почему-то смутился. В ней не было той тайны, которая поражала в ее сыне и сестре. В ней было нечто другое. Красота может принимать разные облики и в ней она была искренней, прямодушной, сильной, упрямой, честной и сострадательной... живой. И, если и хотелось поговорить с кем-то про наступление года-апокалипсиса, то с ней, а не с ее сестрой...

— Как ваш малыш? Проблем нет? — спросила она.

— В порядке. У вас, я вижу, замечательный сын.

Вероника прижала голову мальчика к себе и радостно улыбнулась.

— Иногда непослушный. Сейчас, например, еле вытащила его из кафе, все пирожные перепробовал. Мы ждали Ладу, чтобы вместе поехать домой.

— О, я вообще-то хотела задержаться еще немного. Олег, ты не торопишься? Не мог бы ты отвезти Веронику с сыном ко мне домой?

— Конечно, — Олег так взволнованно отреагировал, что Вероника с удивлением посмотрела на него, но когда их взгляды встретились, то оба тут же опустили глаза.

Лада задумчиво посмотрела им вслед. Она думала: «А мне так осталась одна забава — веселый свист. Хотя можно попытаться еще что-то сделать. Не для себя, а для кого-то. Может быть, в этом и есть смысл. Помогать людям...»

Дверь открылась лишь после третьего звонка и твердого пинка. На пороге стоял Рома и без особого удивления смотрел на свою бывшую. Он выглядел болезненно: у него были красные опухшие глаза и посеревшее лицо, как от длительного недосыпа. Лада вытаращила глаза на его порванную белую майку и шорты, перепачканные кетчупом и жиром. Он усмехнулся и пропустил ее. Квартира пропахла устоявшимся запахом перегара и она сразу поморщилась. Заметив это, Рома как-то передернулся и сказал:

— Что-то не нравится? Или этот запах нам уже нос режет? С каких это пор?

— Что у тебя тут происходит?

— Не видно, что ли? Творческий кризис.

Он предложил ей кофе, но она отказалась и просто села напротив него за стол. Хотя, это вышло неудачно — она случайно задела ногой стоящую там бутылку водки, которая выбила соседнюю, и по полу покатились штук десять разнообразных бутылок. Рома не стал ничего поднимать, остался сидеть на месте.

— Что-то кризис, видимо, затянулся? — спросила Лада.

— Да-а. Затянулся. Как и в стране.

— В чем причина?

— Да плохо все: ролей нет, ничего не предлагают; денег тоже нет — уже заложил машину, не знаю, как буду выкупать; поругался с родителями, они теперь меня якобы не знают; и последнее, так сказать под занавес, недавно девушка бросила. Да как-то смешно. Ушла к какому-то чудику. Вот так.

— Тебе надо встряхнуться. Начать шевелиться. Появятся роли и с родителями само собой наладится.

— Ага, совет от моей мудрой подружки, которая сама уже сменила... какого по счету мужа? — Роман рассмеялся и откинулся на спинку стула.

— Я сейчас не замужем. И мне самой не слаще, чем тебе. Хотя вроде бы, на первый взгляд, все не так уж плохо. Но только я одна знаю, что плохо. На самом деле плохо.

Он странно посмотрел на нее, но ничего не стал говорить. Видимо ее слова произвели впечатление.

— Какими судьбами? Так давно о тебе ничего не слышал. Уже года три прошло. Или больше, — он добавил себе еще кофе и, наконец, решил говорить серьезней.

— Слышала про твои проблемы. Твои родители переживают за тебя. Не накаляй обстановку.

— Да уж. Так можно только говорить. Не знаю... Все так испортилось в последнее время. А ведь были роли, была тусовка, были дела...

— Что думаешь делать? — спросила она, стараясь скрыть во взгляде жалость, он мог неправильно ее интерпретировать.

— Не знаю. Первое: наверно, попытаюсь помириться с родителями. Пусть хоть машину выкупят. Потом, пойду обивать пороги театров, вдруг пригожусь. Вдруг что-то есть в моем амплуа.

— А у тебя есть амплуа?

— Было... когда-то, — он криво усмехнулся.

— Хочешь, по старой дружбе, дам тебе денег на выкуп машины? Надеюсь, у тебя там не Мерседес?

— Нет, Мицубиси.

— Ну, вполне. Отдашь, как сможешь. А не сможешь, не отдавай. Все-таки ты — друг детства. Другам надо помогать. А то, что в последнее время сидишь дома — тебе на пользу. На улице убийственная жара. Еще горят торфяники и вдыхаешь один дым. Тебе же лучше.

Рома слабо улыбнулся. В его облике промелькнуло что-то трогательное. Что-то в нем все-таки осталось. Что-то от того мальчика, с которым они залазили в соседский огород и рвали там кабачки, а потом подкладывали нищей старухе, жившей на окраине деревни, и смотрели на ее реакцию; или привязывали наполненную камнями тачку к выхлопной трубе пикапа председателя; или ходили на утренние сеансы в кино, пропуская ненужные пары физкультуры (у нее) и вокала (у него). Каким бы он не стал, он останется тем парнем.

6

Лада нетерпеливо швырнула карандаш на стол. Она делала макияж, но из-за дрожи в руках у нее никак не получалась подводка. Громко выдохнув, она посмотрела на свое отражение и криво усмехнулась. Все бы ничего — и высокие скулы, и губы с немного размытым контуром, большие и притягивающие взгляд, и цвет лица с приятной легкой смуглостью, но глаза... эти глубокие темные круги. Она со всей щедростью воспользовалась тушью и убрала косметику.

— Если бы у тебя были права, могла бы подвезти меня, — сказала она Веронике, которая вместе с сыном смотрела передачу про животных, — Ведь была возможность, когда Николай предлагал подарить. Неужели не хотелось поехать на его тачках?!

Девушка обернулась и посмотрела на нее.

— Не хотелось. Хочешь я поеду с тобой на метро? Или на такси?

— Ладно, сама доберусь. У меня еще не было такой мигрени, чтобы я отказалась сесть за руль. Это что-то новое.

— Может, тебе не стоит ехать? В другой раз?

Лада задумчиво покачала головой — она бы поехала даже если бы у нее голова раскололась пополам. Они с Олегом уже несколько месяцев планировали встретиться в этот день, вспомнить про Влада, посмотреть фотографии, поделиться памятью.

— Или поезжай позже, когда боль пройдет и сможешь ехать за рулем.

— Думаю, до вечера не пройдет. Дело не в мигрени, мне что-то не очень хочется... на метро, — сказала Лада уныло.

— Вспоминаешь про мартовские взрывы и начинаешь бояться? Раньше тебя так просто было не запугать.

— Старею видно. И еще сентиментальная становлюсь. Раньше меня какими-то фотографиями нельзя было прельстить. А теперь специально еду, чтобы пересмотреть то, что видела уже миллионы раз. Ладно, пойду. Зайду по дороге в аптеку, чтобы купить что-нибудь помощнее от головной боли.

В метро было тесно и душно. Лада стояла в углу, упираясь спиной в двери, и морщилась от каждого толчка, который эхом отзывался в голове. Казалось, сосуды в мозгу натянулись, как готовые лопнуть струны и малейшее неловкое движение может резко оборвать это напряжение. Девушка стояла, прикрыв глаза, и не думала ни о чем кроме своей боли. На перронах теснились люди, двери открывались, чтобы выпустить и запустить новые партии пассажиров, монотонный сухой голос неразборчиво оповещал приближающиеся станции. Двери в очередной раз с треском захлопнулись и состав направился в тоннель. Лада подумала, что надо уже начать проталкивать к выходу, иначе она может не успеть сойти. Она оттолкнулась спиной и хотела сделать шаг вперед, но помедлила и оглянулась. Люди не обращали внимания друг на друга, все были погружены в себя, даже те кто ехал с кем-то. Лада только сейчас впервые задумалась об этом: человек прежде всего думает о себе и может быть одинок среди толпы себе подобных. Кто-то ехал на встречу и на лице застыло ожидание; кто-то возвращался, выражение на лице сменилось на опустошенность; где-то

было сомнение, у кого-то любопытство. Здесь, в перегоне между станциями, можно было остановиться и подумать, на это было время, даже если кто-нибудь куда-нибудь опаздывал. Девушка подумала, что это странно, что ей почему-то пришло все это в голову и она начала размышлять на эту тему; показалось как будто время стало идти медленней. На самом деле, все это пронеслось в ее мозгу за долю секунды. А в следующую же секунду раздался громкий хлопок и поезд резко сбавил скорость. Оглушительный свист тормозов слился со звоном бьющегося стекла. В вагоне включилось экстренное освещение, но клубы едкого дыма поглотили этот зыбкий свет. Лада упала на пол, ударившись головой о поручень; она почувствовала, как сверху на нее упало, по меньшей мере, еще два тела. Наконец, состав остановился и их вагон со скрежетом пробил передний и сошел с рельсов. Она пришла в себя, когда почувствовала, что начинает задыхаться. Ей удалось выбраться и отползти в сторону, пока обезумевшие от шока люди, толкая и увеча друг друга, пытались подняться на ноги и понять, что физически они еще живы. Послышались стоны и рев, все смешалось: всхлипывания, причитания, мат, вопли страха и бессилия. Густой дым все больше заполнял пространство и она еле успела различить искореженный силуэт переднего вагона. Кто-то пытался открыть двери, но они оказались заблокированы. В сгущающемся мраке мерцали оранжевые фонари и пробивалась темнота снаружи. Сквозь крики она различила слабый детский голос и поползла на этот звук. Девочка лет восьми сидела на корточках, обхватив голову руками и закрыв глаза. Лада схватила ее за руку и слегка сжала.

— Где твоя мама?

Ребенок смотрел на нее удивленными глазами. Потом, наконец, поняв, что ее спрашивают, она резко махнула рукой в противоположную часть вагона. Девушка посмотрела туда и на миг остолбенела. Она резко прикусила губы, чтобы не закричать. Там было много людей, кто-то уже пытался помогать вытаскивать уцелевших. И чужие спины скрыли всю картину того, что здесь произошло. Хотя искореженные стены вагона были полностью залиты кровью.

— Будь здесь. Я сейчас, — прокричала она и поползла к этому месиву из разбитого стекла и людей.

Лада была в отчаянии, ей казалось, что она никогда не найдет эту женщину. Она смотрела в искривленные лица и пыталась отыскать надежду, что она окажется жива. Никто не отвечал на ее вопрос, казалось ее никто не может расслышать просто физически, все были оглоушены после взрыва. Лада увидела молодую девушку, которая сидела, положив голову на подушку сиденья, и задыхалась. В мутном полумраке, ее лицо выделялось безжизненной бледностью, а в глазах застыл страх. Ее белые губы слабо шептали какое-то имя.

— Вы дочь ищите? — Лада крепко встряхнула ее за плечо.

Девушка подняла голову и испуганно посмотрела на нее. Через какое-то время до нее дошел смысл вопроса и она закивала. Лада потянула ее за руку за собой и они переползли в ту часть вагона, где осталась девочка. Мать прижала ребенка так, как будто хотела прилепить ее к себе навсегда. Они остались сидеть возле скамейки, покрытой кристаллами битого стекла, а Лада села у дверей. После этого марш-броска она чувствовала себя слишком уставшей, к тому же не хватало воздуха и перед глазами начинали расплываться круги.

Внезапно, двери вагона резко раскрылись и ворвавшаяся струя воздуха, заставила всех закашлять. Лада выглянула наружу и отпрянула. У нее слезились глаза и она ничего не могла разобрать. Но она сориентировалась по голосам... там были люди. Девушка снова выглянула

и позвала на помощь. Сквозь дым она увидела силуэт женщины, которая спотыкаясь в темноте, шла широко вытянув руки перед собой. Она приблизила лицо к свету, стараясь что-то разглядеть сощуренными, как у крота глазами.

— Вероника, — Лада схватила сестру за шею и прижалась лбом к ее лбу.

— Олег, она здесь. Сюда, — крикнула Вероника в темноту.

— Подожди, подожди, — попросила Лада и метнулась вглубь вагона.

Она тут же отыскала мать с дочерью и, ничего не объясняя, резко потянула их за собой к дверям. Нельзя было терять время. Когда основная толпа уцелевших пассажиров, не разбирая ничего на своем пути, ринется в открытые двери, они могут пострадать.

У дверей с обратной стороны показалось сосредоточенное лицо Олега. Он не успел ничего спросить.

— Помоги им, — попросила Лада.

На станции было слишком много света, который тут же ослепил их. Мелькали спины людей, оглушали крики и топот. Раненных принимали бригады успевших приехать врачей, а дежурные носились по перрону, создавая излишнюю нервозность, но им нужно было выводить людей наружу и с ними никто не спорил. Оказавшись на улице, Лада долго дышала открытым ртом, в носу все еще стоял запах гари. Она отдышалась и выпила воды, которую ей принес Олег. Поискав глазами кругом, она не смогла найти мать с дочерью и вопросительно посмотрела на Олега и Веронику.

— Девушке стало плохо. Она сидит в машине скорой помощи и нюхает нашатырь, девочка с ней. Все в порядке, — объяснила Вероника, поняв смысл ее взгляда.

— Тебе врач не нужен? — наклонился к ней Олег.

— Кажется, нет. Обойдусь. Как вы... почему вы...здесь?

Олег и Вероника переглянулись и оба одновременно пожали плечами. Они не знали. Они должны были быть здесь и приехали сразу, как только узнали что что-то случилось, успев до того момента, пока не наступил транспортный коллапс и не перекрыли пути подъезда. Но то, что им удалось так быстро добраться и даже удалось спуститься в тоннель, когда все в суматохе бежали в обратную сторону, было действительно странной удачей. Лада не поверила бы, если бы ей кто-нибудь рассказал. Но они были здесь, рядом. Только теперь она, наконец, заметила, в чем была ее сестра и, не сдерживаясь, рассмеялась. Вероника тоже оглядела свою одежду и смущенно улыбнулась. На ней был короткий, махровый, розовый халат, салатовые легинсы, черное полупальто с мехом и белые кеды — в спешке она не выбирала и схватила то, что попало под руку.

Она отчетливо помнила тот момент, когда внезапно прервали передачу и в выпуске экстренных новостей объявили о теракте. Долго не раздумывая, Вероника заперла сына в квартире и побежала на улицу — ей нужно было добраться до метро, нужно было что-то сделать, она не могла остаться дома.

— Как вы оба оказались здесь? Не делайте вид будто вы не причем и просто мимо проезжали, — пыталась выяснить Лада, злясь на это довольное выражение на их лицах.

— Я выбежала на проезжую часть, чтобы поймать такси, — рассказывала Вероника, — И... не поверите... передо мной остановилась машина с гаишниками. Они как раз ехали к месту теракта, чтобы перекрывать дорогу. Они, естественно, поругались на меня, но когда узнали, что я хочу увидеть сестру и мне нужно попасть туда, без лишних слов забрали с собой. Так что мне довелось проехаться с мигалкой по разделительной полосе. Нам повезло, что на Звенигородском шоссе было мало машин. А здесь уже я увидела Олега. Вернее я

увидела его спину, когда он пытался протиснуться в двери.

— Дело в том, что очень много народу выбегало наружу и в толпе мы сумели затеряться, — продолжал за нее Олег, — Но самое страшное... это когда мы увидели поезд. Последние два вагона все еще были на станции. И в них были люди. Но двери были закрыты и они все пытались и пытались выбраться... Я попытался помочь и открыть двери, хотя это было неправильно. Я только потом понял, что это сделали специально, чтобы не создавать давку. Но смотрю, Вероника уже забегают внутрь. Она пыталась выискать твое лицо, хотя в этой людской массе... не знаю, как бы она тебя увидела.

— Ты подозревала, что я буду именно в том самом вагоне?

— Да. У тебя было предчувствие, тебе не следовало ехать.

Они переглянулись и обе какое-то время задумчиво молчали.

— Лада, если ты не собираешься рассказывать оперативникам долгие и нудные истории твоих свидетельских показаний, самое время поторопиться отсюда. Или ты хочешь выполнить свой гражданский долг? — уточнил Олег.

— Если бы у меня были какие-нибудь важные показания... но я кроме хлопка и мрака ничего больше не помню.

— Тогда уходим, а-то я смотрю вон тот парень с блокнотом и микрофоном уже взял нас на прицел. Сейчас и камеру подтянут.

Осторожно прокладывая путь между снующими вокруг оперативниками, журналистами и медиками, Олег повел их окольными путями. Лада держала Веронику за руку с таким усилием как будто боялась ее потерять. Они старались никуда не смотреть, но они все равно видели достаточно. Они видели эти носилки укрытые брезентом, они видели бригады врачей раскладывающих оборудование прямо на асфальте, видели ошарашенных людей, из последних сил выбирающихся на улицу из дверей, видели многих кто ждал помощи, сидя на обочине, многие придерживали голову, а по пальцам текли струи крови, по некоторым лицам можно было догадаться, что человек так до сих пор не понял, что произошло, хотя на нем висели окровавленные лохмотья одежды. Врачи не могли помочь всем и по их нервным движениям становилось понятно, что они не справляются. Подъезжали все новые и новые машины скорой помощи и санитары буквально на ходу спрыгивали с носилками.

Внезапно, Вероника остановилась и окликнула Олега.

— Я не могу уйти. Нам надо помочь. Мы можем что-то сделать. Ведь можем?

Лада тут же остановилась и оглянулась назад. На ее лице застыло выражение внутренней борьбы. Веронике хотелось поиграть в геройство, она потом всю жизнь будет себя упрекать в том, что не осталась помогать, когда ситуация этого требовала. Она еще слишком молодая, чтобы сразу понять, чем это обернется для нее самой. Но и Лада, благодаря жизненному опыту осознавая, что эта добровольная помощь может кончиться глубоким стрессом для сестры, не могла пойти ей наперекор, не могла оградить ее от этого. Вероника должна была сама переступить этот шаг, шаг — познание, чтобы лучше узнать жизнь.

— Да, — кивнула она.

Но то, что они остались усугубило чувство страха, которое возникло раньше, и от этого назойливого гнетущего состояния уже не могло помочь ничто. Они пытались найти какой-то позитив в той кооперации, которая в момент беды сплотила людей, пытались увидеть перспективы для страны в том, что сотрудники скорой помощи и полиции работали рядом в

четкой координации совместных действий, пытались обрадоваться тому, что люди могут сострадать друг другу, но это были лишь отголоски ощущений. Главным ощущением оставался страх, настоящий, животный, как у древних людей перед стихией или превосходящим соперником. Поэтому у Лады так нестерпимо дрожали руки, когда она все проливая, разносила воду раненым и тем, кто ждал помощи возле машин скорой. Подходя к пострадавшему, она пыталась не смотреть в лицо, но все рано видела эту гримасу, которая была у всех, кого вывели со станции — искаженное болью и страхом лицо с отпечатком крайней расслабленности и безволия. Такие лица видел и Олег, который помогал санитарам вытаскивать носилки.

Вероника остановилась у выхода со станции с чемоданом медоборудования, которое врачи попросили спустить вниз на перрон, и стояла с ужасом разглядывая лица санитаров, выходящих наружу, они ее не замечали и, казалось, у них тоже ощущение, что и у нее — ощущение безысходности. В этом состоянии ее застал Олег. Он взял ее за плечи и отвернул от дверей.

— Что с тобой?

— Не знаю. Я, на самом деле, ни о чем не думаю. Мне... мне просто... тяжело.

— Ты постой здесь, я отнесу это вниз, а потом мы уйдем, — он взял из ее рук чемодан и скрылся за дверьми. Веронике показалось, что он больше не появится.

К ней подошла Лада, она вытирала лицо влажной салфеткой и протянула сестре такую же.

— Нам не надо было оставаться, — сказала Вероника.

— Почему? Помогли, чем смогли.

— Это все мелочь. Мы не в силах ничего изменить и не в силах предотвратить подобное.

— Предотвращение терактов — не наша обязанность.

— Это обязанность всех.

— Ника, у нас свои задачи. И мы должны справляться с ними. Понимаешь, если что-то должно произойти — оно произойдет. Если бы ничего не случилось — у меня не было бы интуиции, что что-то случится. Значит, оно уже произошло. Понимаешь? Предопределенность.

В сумерках лицо Олега было особенно серым и они сначала не узнали его, когда он подошел к ним. Он остановился рядом и с поразительной отрешенностью посмотрел на них. Лада вспомнила, когда в последний раз видела его таким, и ее пробрала дрожь. Она бы отдала что угодно за то, чтобы он никогда не появлялся с этой новостью на пороге ее дома.

— Что там? — спросила Вероника.

Он покачал головой, упрямо не собираясь ничего говорить.

— Ладно, мы сделали все, что могли. Уходим, — Лада взяла его под руку и повела за собой.

— Почему? Что там? — раздраженно переспросила Вероника.

— То, что уже произошло и то, что не в наших силах изменить, — ответила ей Лада и, также как Олега, взяла ее под руку, желая показать, что не собирается здесь задерживаться.

Вероника резко успокоилась и послушно пошла за сестрой. В Ладе всегда было слишком много здравого смысла и слишком мало нездоровых амбиций, к ней стоило прислушаться. Ведь она никогда никому не желала зла, кроме самой себя...

Свадьба Вероники и Олега состоялась в начале декабря. Несмотря на то, что Лада сама подводила их к этому, даже для нее такое событие оказалось неожиданным. Она не предполагала, что они так скоро решатся на этот шаг, хотя знала, что Олег влюбился в ее сестру с первого взгляда, когда они познакомились у нее на выставке. Но чувства самой Вероники ей не были понятны. И Лада начала опасаться как бы сестра снова не пошла по ложному пути, еще с ее же подачи.

— Ты хоть понимаешь во что ввязываешься? — спросила Лада, — Будешь растить чужого ребенка.

— Ну, я и сама с приданным. Тем более, он не такой уж чужой нам... тебе.

— Не хочу вспоминать про его мать.

— Мать — не та, которая родила.

— Вероника — это все глупые истины. Тебе это нужно? Нужна эта обуза? Пока еще не совсем поздно, ты можешь отказаться. Может быть тебе лучше просто встречаться с Олегом. Становясь его женой, ты взваливаешь на себя заботу о его ребенке.

— Лада, если откровенно, я люблю Олега. А так как он души не чает в этом ребенке, я не могу не любить его. Ты видела Владика? Он же копия своего отца. Не знаю какими генами его наделила эта женщина — так называемая мать, но внешне он похож на Влада. И это выигрышно для него. Здесь не поспоришь — твой муж был красивым. Любопытно и то, что мой сын — Игорек, не похож на меня, а вылитая ты. Это так странно... не находишь?

— Что вы будете делать, когда объявится Кира и захочет его вернуть? У нее есть на это право.

— Нет. Она подписалась в том, что отказывается от сына и что Олег является его опекуном пожизненно и усыновляет его. За все время с момента их развода, она ни разу не позвонила, чтобы хоть узнать как сын. Олег ей оказал такую добрую услугу, что она теперь должна бояться вообще как-то напомнить о себе.

— Ну ладно. С детьми понятно. А сам Олег настолько тебе нравится, чтобы вступать в эту бытовуху?

— Ты знаешь, это странно, но то, чувство, которое я к нему испытываю, оно гораздо полноценней всех тех переживаний и любви, которые я испытывала раньше. С Костиком — неопытность и жажда новых ощущений, с Николаем — желание спокойствия и реверанс родителям, с Андреем... с ним мы никогда не смогли бы быть вместе, разные эпохи и разное восприятие. А я... я... ведь всегда стремилась к такому мужскому типу, как Олег. Он мне в чем-то напоминает Игоря, — она запнулась и испуганно посмотрела на Ладу. Не стоило вспоминать то, что уже давно должно быть позабыто...

Но Лада отреагировала спокойно, она вообще стала слишком спокойной в последнее время.

— Да, ты знаешь, мне он тоже чем-то напомнил Игоря, когда я только познакомилась с ним. Но, на самом деле, между ними существенная разница. Олег — домашней. Ему нужна семья, а семье нужен такой муж и отец, как он. Он будет жить для семьи. Для него — это главная ценность в жизни. А у Игоря, у него преобладают амбиции, он не может останавливаться надолго на достигнутом, ему нужны все новые и новые достижения. В работе, главным образом. Но и в самом себе. Семья бы тяготила его, не давала развиваться. Потому что все, что он делал — он делал бы не для обеспечения семьи, а для того, чтобы доказать себе, что он так может. В этом разница между ними, хотя и сходство очевидно. Они оба надежные.

— Да, в Олеге есть то, что не хватало Игорю.

— Ты имеешь в виду — страстное желание иметь нормальную семью с кучей детей?

— Разве нет?

— Семья для Игоря — нечто обыденное, само собой разумеющееся. А для Олега — это то, чем он будет жить. То, что ему нужно всегда.

Вероника встала и покрутилась перед зеркалом. Ей так шло это пышное белое платье, что Лада усмехнувшись, подумала, что ей надо почаще выходить замуж. В то же время она понимала, что с Олегом — навсегда, и поэтому какое-то чувство грусти и переживание за сестру не покидали ее.

— Все равно, не могу поверить — Олег такой заурядный парень. Что ты в нем нашла, что буквально бежишь в загс?

Вероника обернулась и задумчиво посмотрела на нее. Ее лицо было белее этого белоснежного шелка, мягкими складками струящегося вдоль ее хрупкой фигуры. А волосы казались белей кружева фаты, она была идеальной невестой. И почему-то казалась такой невинной, доброй и неопытной.

— Я была два раза замужем. У меня даже был роман на стороне, если это можно так назвать. Но я ни на секунду не была счастлива. Счастлива именно тем самым полноценным счастьем, ради которого стоит жить и испытать которое не страшно умереть. Пусть пафосно. Пусть громогласно. Я не знаю, что такое настоящее счастье. А узнав Олега, я подумала, что с ним оно возможно. Он позитивный, отзывчивый, добрый. У него есть положительная энергетика и это ощущается. Я раньше такого не чувствовала. Такое ощущение, как будто мы подходим друг другу.

Лада улыбнулась. Она не стала говорить, что это действительно так, хоть это и было очевидно всем. Они были похожи характером и во многом отношением к жизни и людям. Сложно было представить другую женщину, которая могла бы настолько подходить Олегу, а если доброта и отзывчивость — это главные качества, которые Вероника искала в человеке, то Олег как никто другой удовлетворял этим нехитрым запросам. Он был хорошим человеком и Лада искренно желала ему счастья. А то, что Вероника согласилась стать его женой — становилось, пожалуй, самым главным его приобретением в жизни.

И так Лада осталась одна в своей большой квартире, где на каждом шагу находилась вещь напоминающая о сестре, племяннике, Кирилле и Владе. Переходя из одного конца комнаты в другой, она постоянно натыкалась на чужой предмет и ей постоянно приходилось вспоминать людей с ним связанных. Лада попыталась собрать все игрушки, которые Игорек не успел взять с собой, чтобы привезти ему, но потом подумала, что они ему больше не нужны. Новый отец уже купил ему многое из того, о чем мальчик мечтал и что хотел заполучить. В гостиной так и осталась разложенной его железная дорога и Лада от скуки иногда подходила и сажала Локки в движущийся поезд, ожидая его реакции. Но кот каждый раз обманывал ее ожидания, он стал спокойней и даже гудящий локомотив не раздражал его.

В один обыкновенный зимний день Лада решила, что хватит с нее одиночества. Она остро захотела, чтобы кто-то был рядом, кто-то кого еще можно удивить этим миром (с помощью ее денег), кто-то кто смотрит на жизнь широко открытыми глазами и не знает, что она часто обманывает. В общем, Лада решила поехать в детский дом, чтобы найти и взять себе ребенка. Она не знала кого она хочет — мальчика или девочку, маленького или уже повзрослевшего, но она чувствовала, что точно поймет это, когда увидит этого ребенка.

Это был холодный и очень снежный день и Лада, долго очищая свою 159-ую Альфу-Ромео от снега, думала о своем поступке. Но чем больше она думала, тем больше убеждалась в правильности своего решения. Наконец, машина сверкнула своим бежевым корпусом и Лада села внутрь. После Инфинити она сразу показалась ей чересчур бескомпромиссной и это ощущение не изменилось, Альфа подошла ей, в ней была игривая жесткость, именно это ощущение почему-то привлекало Ладу в последнее время. Девушка оглянулась на заднее сиденье и подумала, что на обратном пути, возможно, там уже будет кто-то сидеть.

В детском доме ее приняли как дорогую гостью. Сама директор Зоя Николаевна провела для нее экскурсию по корпусам и вместе с ней зашла в игровую комнату, чтобы немного рассказать о воспитанниках. Здесь были, в основном, дети пяти-семи лет, объединившись по группам одни собирали конструктор, другие ломали детское пианино, а две крошечные девчушки ворковали наигранными голосами, играя с барби. Лада с жалостью заметила, что на многих детских лицах уже проступают следы пороков родителей, это было больно видеть, но это была упрямая реальность. Простая и безжалостная.

— Ириша — веселая и затейливая девочка. Леша, наоборот, очень спокойный мальчик. Вы хотите ребенка с каким характером? — спросила Зоя Николаевна, но заметила, что Лада ее не слушает. Она смотрела на детей, но думала о чем-то своем, как будто забыв где находится.

— Вообще, все дети веселые, игривые. Вот Витя любит лепить из пластилина и рисовать, он беспроблемный. Можно оставить одного и он сам найдет себе занятие, — продолжала Зоя Николаевна, она сама себе напоминала в эту минуту торговку на базаре. Но нельзя было упустить случай, если женщина с таким серьезным лицом и явно самыми серьезными намерениями посетила их.

— А можно позвать того мальчика? — попросила Лада, указав на ребенка, который сидел на стульчике у стены и вертел в руках кубик рубика. Он был настолько погружен в этот процесс, что даже не сразу откликнулся.

— Это ребенок с самой необычной судьбой. Жаль только, он отстает в развитии. Он мало общается с детьми, почти не разговаривает. Замкнут, — пояснила Зоя Николаевна. Лада почувствовала, что женщина не хочет, чтобы она выбрала этого ребенка.

Но Ваня был удивительным. У него были густые черные волосы и яркие зеленые глаза. Черты лица не были ни славянскими ни азиатскими, хотя у него были чернущие брови и ресницы и белая кожа. Мальчик подошел, мельком глянул на Ладу и продолжил заниматься своей головоломкой.

— Кто он?

— Имя Ваня не подходит ему, да? Как бы вы его назвали?

— Даже не знаю. Он любопытный субъект, — Лада легонько потрясла ребенка за маленькую ручку.

— Про него можно кино снимать. Вернее про его родителей. Мать — узбечка, а отец — американец.

— Неужели? И такое бывает в жизни! — удивилась Лада.

— Они познакомились, когда его отец служил рядовым на военной базе в Ханабаде. Он покрутил роман с юной узбечкой около года, а потом его перевели в Ирак. После его отъезда девушка узнала, что беременна. А она из семьи циркачей-канатоходцев, дорбозов. Знаете? Бедная женщина не знала, что делать. Родители грозили выгнать из дому, грозили лишиться заработка. Она ведь сама выступала на канате, приносила всей семье доход. Девушка

приехала в Москву, хотела здесь найти работу и родить ребенка. Я встретила ее в роддоме, когда приходила навестить дочь, она тогда носила своего второго. И уговаривала ее оставить ребенка в детдоме, не калечить себе жизнь и возвращаться в семью. Гульнора — красивая девушка, с такой белой кожей и тоненькая сама. Но ее не стоило и уговаривать, она упорно твердила, что оставит ребенка себе. Видно очень любила того парня, Джеффри. Даже показывала какие-то его письма. Он там пытался что-то по-русски написать, но, знаете, по тону письма видно, он ведь тоже любил ее. Она не выжила, а ребенок остался. Его, после дома малютки, по моим ходатайствам перевели к нам. Так я даже пыталась разыскать его отца, писала им туда в Ирак. Но что-то концов не нашла. Пропал куда-то этот парень. Не знаю, что с ним стало. Мальчику почти шесть, но он меня настораживает. Ваня какой-то невеселый, серьезный. Друзей у него нет. Трудный.

— Иди сюда, я покажу, как эта штука работает, — Лада взяла у ребенка кубик и, немного повозившись, сложила его. Мальчик внимательно следил за ее движениями, а потом, когда она вернула ему игрушку, посмотрел на нее своими большими, задумчивыми глазами и заулыбался. Ей удалось сразу заработать авторитет, и мальчик остался стоять рядом, не зная почему он не хочет уйти на свое место.

— Ну что, поедешь со мной? — спросила она его.

Ваня не по-детски серьезно кивнул и сжал в кулаке край ее свитера.

Мальчик сидел за столом и, громко стуча ложкой по тарелке, кушал тефтели с бульоном. Лада сидела рядом, временами нагибаясь, чтобы вытереть ему рот, и разбирала его документы.

— Значит, давай придумаем тебе отчество. Ты будешь Иван Владиславович. Хотя, нет. Как-то не звучит. Не хочешь быть Иваном Владиславовичем?

— Не хочу.

Ваня замотал головой и засмеялся, так что бульон струйками полился по подбородку. Лада вытерла ему лицо и улыбнулась — почему его считали замкнутым и серьезным?

— Иван Игоревич. Звучит очень красиво. Да? — продолжала она и сама задумалась над чем-то, — Или Иван Олегович. Не то. Вероника не поймет. А оставайся ты Иваном Иванычем. Иван Иваныч Беловодин. С таким именем и фамилией тебя может когда-нибудь даже в президенты изберут.

Она размышляла над тем почему ей удалось забеременеть от Игоря и даже от Олега, но не удавалось этого с Владом. Казалось бы, она его любила так, как никого никогда не любила и вряд ли уже полюбит. Тогда почему? Почему природа не хотела, чтобы у двух таких похожих людей возник общий зародыш, несущий в себе смесь их геномов? Ей, конечно, все равно не удалось бы его родить, как во всех других случаях ее неудавшейся беременности. Но хотелось узнать — какой он мог бы быть, их общий ребенок. Теперь оставалось только фантазировать...

Лада встала, чтобы убрать бумаги, но у нее тут же закружилась голова и она уперлась руками в стенку. Головокружение долго не проходило, а перед глазами становилось все темней. Наконец, приступ прошел и девушка, тяжело дыша, села обратно. Она почувствовала, что не может сконцентрировать зрение — все расплывается, как при неумелой видеосъемке. Ваня, отложив ложку, подошел к ней и встал рядом, опустив обе ручки на ее колени.

— Все хорошо, малыш. Не пугайся, иди доедай.

Зрение медленно вернулось и первое, что ей бросилось в глаза — испуганный взгляд ребенка.

— Ваня, кушай. Ну, что будешь президентом? Да, удивительно — растет человек с самым русским на свете именем и определенно русской фамилией, но не имеет ни капли славянской крови.

— Буду прерирентом, — процедил мальчик сквозь набитый рот.

— Для этого не помешает уметь читать. Пойдем учиться. Какая у нас сегодня буква?

— В!

— Отлично. После того, как освоишь «Я», я тебе подкину любимую книжку всех дошкольников — «Робинзона Крузо».

Она встала, придерживаясь за стол, и пошла следом за ребенком в гостиную. Симптомы припадка не повторялись, она решила, что этот приступ вызван переутомлением и подумала, что неплохо было бы съездить с ребенком на какое-нибудь теплое море, где сейчас спокойно и вода не кишит акулами, и отдохнуть там в приятном климате. Хотя какое могло быть переутомление при ее стиле жизни? Но Лада не стала заострять на этом внимания и переключилась на ребенка, который с книжкой уже поджидал ее у журнального столика.

Они вернулись в холодную, снежную Москву в начале февраля и Лада на следующий же день решила навестить сестру. Все время, которое она приятно провела на море, она почему-то думала про Веронику. И ей становилось ее жалко. Молодая девушка, с грузом психологических травм и блоков, начинает свою жизнь с того, что посвящает себя мужу и детям. Еще при том, что самый маленький, а значит и самый проблемный ребенок, не ее и даже не ее мужа. Лада подумала, что надо уговорить их с Олегом вернуть Владика матери (она все-таки должна опомниться и принять ребенка). Иначе, это получается какое-то полнейшее самоотречение на благо будущего поколения. А Лада никак не могла поверить в то, что на это можно решиться находясь в здравом уме. Какой бы странной женщиной не была Кира, она являлась матерью и должна была сама растить своего ребенка. О чем она думала, когда вынашивала его? Она со стопроцентной уверенностью полагала, что Влад уйдет от жены ради совместной жизни с ней? Или цель заполучить его любой ценой, настолько забила ей голову, что она была готова сыграть и этой «картой»?

Желание Олега взять ребенка себе было предсказуемо. Он не мог обойтись в своей жизни без брата, без его энергетики. Поэтому идея вырастить племянника, похожего как копия на своего отца, в чем-то объясняла его поступок. А теперь Вероника, породнившись с Олегом, будет выращивать этого ребенка, этот плод сплошных недоразумений и ошибочных решений. Ладу всегда передергивало, когда ход ее мыслей подходил к этому моменту. Получается, косвенно она — Лада, сама будет иметь отношение к мальчику, будет ему... тетей. Ребенку, который должен был стать разделительной полосой между ней и мужем, благодаря напору и ловкости Киры.

Нет, она отговорит их брать на себя эту обузу, они вернут мальчика матери. Это будет правильно и логично. Кира настолько хотела Влада, что не может не любить его ребенка. Сын всегда является своего рода утешением, когда отца уже нельзя вернуть. Почему же она так не жаждет утешиться? У Лады закипало все внутри, когда она думала о том, как, должно быть, Кира грезил в свое время как преподнесет этот сюрприз Владу, так сказать вытащит козырь из рукава. И даже после того, как он ушел от нее: как она мечтала встретиться с ним где-нибудь у подъезда и деланно обиженным и гордым голосом сообщить о его отцовстве. А

что, если при таком раскладе Влад остался бы живым? Если бы он, зная, что тест может быть опасным, отказался бы испытывать эту машину, потому что у него скоро родится сын? Если Лада, была промежуточным звеном, своеобразным мостом, между его двумя женитьбами на нелюбимых женщинах и производством детей? Он постарел и уже немного выдохся, семья могла стать для него оживлением, вторым дыханием. Но он не выбрал этот путь. Он пошел за Ладой, пережил развод и нищету, смирился с ее явной и сомнительной изменой. Лада правда сама не знала, которая из измен была явной, а какая могла остаться под сомнением. Измена ли — провести время с бывшим мужем? Это должно быть смешно, ведь они были долгое время близки. Или после пьяной вечеринки, проснуться в обнимку с братом мужа? После смеси водки с шампанским проснуться с братом мужа — наименьшее зло, она могла бы проснуться с тем, от кого не то, что ее саму, а проститутку с Тверской будет тошнить. Это, конечно, крайности, но надо понимать, что водка делает с людьми. Лада сама вообще не считала бы ничто из вышеуказанного за измену. Но Влад смирился со всем. Он остался, и даже ребенок Киры вряд ли убедил бы его вернуться к любовнице. Он выбрал эту судьбу. Лада долго думала над тем, что если бы она знала, что выбрав Киру он бы выбрал жизнь, смогла бы она его отпустить и расстаться с ним. У нее не было ответа. И это постепенно начинало усиливать внутренний гнет. Она стала погрязать в сомнениях. Но это были ее личные сомнения. Ничто не должно касаться Вероники. И не собирается Лада искупать вину перед Владом с помощью Вероники, воспитывая и любя его ребенка...

Олег выгодно поменял свою однокомнатную на Краснопресненской на небольшую трехкомнатную квартиру в Красногорске. Их дом располагался в новом, благоустроенном районе с широкими подъездами и недавно разбитыми парками. Но Лада немного заблудилась, прежде чем найти это чудесное место, райский «уголок» молодой семьи. Она припарковала машину у подъезда и обратила внимание, что рядом с ней четко и быстро припарковался шустрый серебристый Гольф-Плюс. Водительская дверь распахнулась и из машины выпорхнула Вероника, напевая мелодию, которая только что гремела из ее открытого окошка.

— Ника, у тебя есть права?

— Да, уже почти месяц. Олег научил меня водить и ходил со мной на экзамены. Сама сдала. Пошли быстрее в дом. Ванюша, замерз?

— Еще как.

— В машине слегка прохладно. Придется тебе долго поить и кормить нас чем-нибудь горячим, — подтвердила Лада.

Игорь уже стоял у двери, поджидая их. Он расплылся в беззубой улыбке и слегка толкнул друга в живот. Ваня рассмеялся и ответил ему дружелюбным пинком. Они с воплями убежали в детскую, а Лада, поздоровавшись с Олегом, который занимался уборкой квартиры, осталась с Вероникой на кухне.

— Владик крепко спит. Натренировали. Игорь же постоянно кричит и гремит. Хочешь посмотреть на него? — спросила Вероника.

— Нет особенного желания.

— Почему? Пойдем поглядишь на него. Он такой прикольный, когда спит.

Ребенок действительно выглядел умильно в такой спящем состоянии. Но Лада подумала в очередной раз, что не понимает, когда люди начинают сравнивать маленьких детей со взрослыми — ну как здесь можно уловить хоть какую-то схожесть? Тем более в характере.

Хотя, возможно, Олегу удастся вырастить из него подобие брата, он слишком хорошо знал его.

— Называет Олега папой. Постоянно ходит за ним и повторяет, — сказала Вероника, — А меня... Меня никак не называет.

— Обидно? Но он тебя знает всего пару месяцев.

— Я понимаю, — Вероника действительно была расстроена этим обстоятельством и, заметив это, Лада удивилась.

— Может быть он чувствует, что я не мать ему? Он мог звать меня как-нибудь по-другому. Дети такие искренние. Во мне что-то не так. Он, наверно, не хочет чтобы я находилась рядом.

— Вероника, дети чуть развитее щенков и котят. Ну что ты от него хочешь? Подожди, он разберется, — сказала Лада, а сама подумала: «Как бы мне покорректнее подойти к теме и внушить им, что ребенка стоит вернуть его матери и не брать на себя обузу?».

Лада стояла у окна, опираясь на подоконник, и смотрела как обе их машины заносит снегом.

— Это твоя машина?

— Нет, наша общая. Мы очень долго ездили, рассматривали разные варианты, облазили весь внутренний двор с машинами в одном из автосалонов. Потом сели в эту и тут же поняли, что уедем именно на ней. Выбрали сразу. Она, конечно, больше моя. Олег привык добираться до Москвы на электричке.

Лада наблюдала, как перламутровый хэтчбек искривился под тонким покрывалом снега, и ей вспомнилась ее машина с такими же алмазными переливами в цвете кузова. Ее Рено. И ей стало смешно насколько все это было нелепо: они с Владом бедствовали и недоедали, не платили месяцами за аренду квартиры, кое-как выживали, но у нее был этот элитный черный хэтчбек. Это было нелепо и несуразно. Смешно и грустно. А эта серебристая машина, которую будущие владельцы выбрали с первого взгляда и первого ощущения, и девушка, стоявшая рядом, прислонившись лбом к стеклу, терзающаяся мыслью, что чужой ребенок не зовет ее матерью; ее муж, с настойчивостью мула натирающий паркет в прихожей и делающий все, чтобы неродные дети стали самыми родными; их ухоженная квартирка в уважаемом районе Подмосковья — все это было красивой картиной. Красивой и идеальной. Лада чувствовала теплое счастье, думая о них, но одновременно внутри просыпалась какая-то личная боль, горечь от которой становилось приторно.

У Лады стало першить в горле, как будто она переела меда. Внезапно, она почувствовала, что больше не может сдерживаться. Ей захотелось что-нибудь сказать, сделать, чтобы нанести пару нестандартных мазков на их картину. Она как-то дерзко посмотрела на сестру и, немного выразительно помолчав, сказала:

— Ника, а знаешь..., - она дождалась, когда сестра оторвалась от окна и удивленно посмотрела на нее, — Ведь мы с Олегом...

Лада запнулась. В лице Вероники была безысходность, она была готова к любому продолжению этой фразы.

— Мы с Олегом очень любили Влада. И хотели бы, чтобы сын был на него похож, — закончила Лада, — А ты так трепетно к нему относишься. Ты могла бы быть самой настоящей матерью для него.

Вероника улыбнулась и снова выглянула на улицу.

«Какая же я все-таки стерва», — подумала Лада, — «И от чего во мне столько яда?»

Но ее мысли оборвались сильным головокружением и онемением половины головы, вплоть до обморочной слабости — такие припадки довольно часто повторялись в последнее время. Лада до сих пор не знала, что с этим делать. Она смотрела на Веронику, а лицо сестры помутнело, посерело и расплылось в бесформенную фигуру.

— Лада, что случилось? Что дать: Валидол, Нитроглицерин, нашатырь? Не молчи иначе будет обморок, — Вероника наклонилась к ней и вложила в ее руку стакан холодной воды, крепко придерживая ее запястье.

После воды симптомы стали уменьшаться. Лада откинулась на спинку дивана и терпеливо ждала, когда восстановится зрение.

— Тебе надо сходить к врачам. Не запускай. Сейчас такие методы исследования, они сразу определяют, что происходит.

— Схожу. Уж за кого, а за меня не переживай. Никогда. Да я этого и не стою.

Лада всерьез озаботилась проблемой со здоровьем только после того, как поняла, что это недомогание мешает ей писать картины. В одном глазу периодически все мутнело, а в другом не хватало угла обзора как будто ей надели шоры, как у лошади. Лада молча бесилась, стоя перед картиной и не видя ничего, что было изображено. Немного поэкспериментировав с травами и гомеопатией, которую она сама себе назначила, и не заметив результата, она пошла в медицинский центр. Несколько дней подряд она приходила каждый день и сдавала анализы, прошла компьютерную томографию головы, ее попросили сдать еще анализ уровня гормонов и прийти через две недели. Лада не хотела выжидать результатов и не понимала для чего все так затягивается; она бы предпочла уже начать принимать какие-нибудь таблетки, чтобы навести ясность в мозгу, но врачи тратили время на обследование. Наконец, ей назначили консультацию и она пришла узнавать результаты. Ее сразу насторожило, что помимо врача, которая работала с ней, в кабинете собралось еще несколько докторов — они стояли возле монитора со снимками ее мозга.

— Как вы себя сегодня чувствуете? Есть усталость?

— Я бы хотела, наконец, сама получить какие-нибудь новости. Каковы результаты обследования?

— У вас опухоль мозга. Мы хотим предложить лучевую терапию, в качестве метода лечения, — женщина внимательно смотрела ей в лицо.

— А... а..., - Лада сначала не знала, что сказать и только удивленно смотрела на собравшихся врачей.

— Мы не можем провести операцию ввиду специфической локализации опухоли. Это очень редкое заболевание. У нас пока нет таких методов. Но терапия может принести положительные результаты. Только будет необходимо постоянное обследование.

— А если без лечения, что тогда? — прямо спросила Лада.

— Что вы имеете в виду?

— Сколько у меня времени?

— Это трудно прогнозируемо. Наука пока не знает всех причин как возникновения, так и регрессии. Но я бы посоветовала вам все-таки пройти курс лечения.

— Сколько времени у меня будет, если я не соглашусь на лечение?

— От полугода до двух лет.

— А я должна что-нибудь написать, что я отказываюсь от лечения?

Все это время находясь в кабинете, Лада чувствовала себя так, как будто она действующее лицо какого-то сна. Все было нереально, непредсказуемо, лица врачей расплывались, а их голоса как будто гулко доносились из старого приемника, вся обстановка комнаты дрожала перед глазами. Она очнулась лишь когда оказалась на улице и ей в лицо ударил порыв прохладного весеннего ветра. Ее ноги подкосились, но она успела схватиться за перила. Внезапно, она поняла, что все происходящее реальность и теперь надо что-то придумать и что-то делать. «Когда и где болезнь успела поймать меня? В какой момент во мне начало зарождаться это? Не было этого момента. Все складывалось долго в результате всех событий, которые происходили со мной. И крушение Рагнарека, и авария на полигоне, и мои картины, и тур в Тибет, и работа в психбольнице, и падение с мотоцикла — все есть следствие, так же как я — есть и следствие и причина всех этих событий. Но вместе с тем, у меня могла бы быть точно такая же судьба, даже если бы все в моей жизни шло совсем по-другому. Зачем теперь, по прошествии всего этого времени, думать о причинах? Я в своей жизни уже ничего не изменю. У битой машины пробег не обнулить, в этом и нет смысла. Начинают что-то заново, когда есть цели, ну или хотя бы энергия, которой можно воспользоваться и повернуть события по-своему. А что осталось мне? Видно, я не могу избежать одиночества, оно везде, на каждом шагу. И я должна его принять. Это все, что есть впереди в моей жизни. Пусть будет так», — но от последних мыслей ей не стало спокойней, она попыталась улыбнуться, а губы искривились и застыли в неподвижной гримасе, слезы стали обжигать глаза.

Сильный ветер почти сбивал ее с ног и подкашивал на каждом шагу. Лада ничего не ощущала; она настолько погрузилась в себя, что даже забыла, где находится. Она размышляла о Ване. Ей так не хотелось оставлять его, так хотелось самой создать ему этот аккуратный, укромный мир, где можно спрятаться от проблем и непонимания, но ей необходимо было сделать этот шаг. Она должна была расстаться с ребенком, и это был самый правильный и логичный выход. Лада чувствовала, что эти несколько месяцев проведенные с ним, опять наполнят копилку ее горькой памяти; и с его присутствием и отсутствием в ее жизни ничего не изменится и эта копилка уже никогда не опустеет.

— Ваня, тебе нравится бывать в гостях у Игоря?

Мальчик кивнул, удивленно глядя на нее и не понимая, куда она клонит.

— А тебе нравятся тетя Ника и дядя Олег?

— Да, они хорошие.

— Ванечка, тебе, наверно, придется жить с ними.

— Почему? Я хочу с тобой, — он сидел рядом с ней на диване, уткнувшись лицом в ее бок.

— Понимаешь, это... это... не получается. В жизни не все, как мы хотим. Но с ними тебе будет весело и легко, у них такая позитивная атмосфера, если ты меня понимаешь. У тебя будут сразу два брата.

— У них хорошо, но я хочу с тобой.

— Ты быстро привыкнешь. Мы не можем с тобой оставаться вместе. Потом, когда вырастишь, тебе объяснят почему. А пока поверь мне просто так.

Лада не хотела смотреть мальчику в лицо и сидела, задумчиво глядя в окно.

— Нет, не хочу, — Ваня хмуро поджимал губы и пытался заглянуть ей в глаза.

— Я хочу, чтобы у тебя все было, понимаешь. Ванюша, не злись и не плачь. Я буду часто

тебя навещать. Мы же с тобой не расстаемся. Просто ты переезжаешь. Нам придется так поступить. Иначе не получится.

У ребенка было красное, растерянное лицо и Лада подумала, что он немного чем-то похож на Влада. Он был слишком искренним и эмоциональным. И если про Влада можно было сказать, что он по-детски открыт, то у Вани в лице была взрослая тоска и какая-то тихая обреченность.

— Так лучше. Ты привыкнешь.

— А ты?

— Я буду приходить к тебе. Часто-часто.

Ребенок спал. Лада сидела в темной комнате у окна и думала, разглядывая розовое, в отсвете ночных огней, небо. Весь этот город со своими домами-высотками, магистралями, потоками машин, бурлящий где-то перед ней, казался незыблемым, вечным. Разве можно поверить в то, что после 2012года ничего этого не будет или что-то изменится настолько, что он уже не будет таким? Лада чувствовала, что всю прожитую жизнь, она только задавала вопросы и их частота и глубина тем все увеличивались по мере того, как она выросла и дожила до своих 34; настало время давать ответы...

«Интересно, что наступит раньше конец света планетарного масштаба или мой личный, персональный конец света?» — думала Лада, — «А есть ли во всем этом вообще какой-то смысл? Все — суета».

Вероника открыла дверь и увидела на пороге Ладу с чемоданом в руке и Ваню, который держал Локки подмышкой. Она посторонилась и пропустила их в дом. Лада отослала мальчика в детскую, а сама поставила чемодан с его вещами возле двери и посмотрела на сестру — ей так не хотелось ничего объяснять, так хотелось, чтобы она поняла все сама, без лишних слов.

— Возьмете Ваню себе? Я не могу его оставить, но и не могу же я вернуть его в приют. Я хочу ему счастья и нормальной семьи. У вас он будет в порядке. Вы — то, что ему нужно. Семья.

— Конечно возьмем. Но почему ты так поступаешь?

— Я... дело в том...я уезжаю. Далеко и надолго.

Вероника с сомнением посмотрела на нее.

— Ты никуда не уезжаешь. В чем дело?

— Нет, уезжаю. Это правда.

— Куда?

— Далеко. Не волнуйся не в Японию. Хотя очень жалко японцев. Это жуткое землетрясение и еще угроза ядерной катастрофы.

— Так куда?

— В... Латинскую Америку.

Вероника усмехнулась и покачала головой. Лада растерялась и стояла немного отвернувшись от нее.

— Лада, ты просто так этого не сделаешь, не отдашь ребенка. Ты привыкла к нему. В чем дело?

— Это... не стоит объяснять. Ладно, я пойду.

— Ты не будешь прощаться с ним?

Лада застыла на пороге. Этот вопрос казалось вытянул последние силы, которые у нее еще оставались. Она не стала оборачиваться. Не хотела видеть лица Вероники.

— Я не могу. Скажешь ему что-нибудь.

Она рванулась к открытой двери и быстро ушла прочь. Вероника захлопнула дверь и побежала за ней. Она догнала сестру на улице возле подъезда.

— Лада, ты не можешь так уйти. Я придумаю, что сказать ребенку. Его психика и здоровье — теперь моя ответственность. Он ни в чем не будет нуждаться. Но скажи мне!

— У меня опухоль мозга. Теперь понимаешь, почему я не могу его оставить?

— Что ты будешь делать? — казалось, что Вероника еле шевелит губами, пока она смогла произнести свой вопрос.

— Уеду. Я же сказала.

— Но тебе нельзя. Надо лечиться, Лада.

— Наоборот. Мне нельзя оставаться. Лучше пусть это случится где-нибудь... там, чем в палате. Не переживай за меня, я еще заеду. Береги мальчика.

Она быстро села в машину и, не дожидаясь пока Вероника придет в себя после ее ответа, повернула ключ в зажигании и резко нажала на газ так, что шины закрипели и оставили полосы на асфальте. Альфа скрылась за углом дома. Вероника проводила ее глазами и села на бордюр перед подъездом, прижав к себе колени. Она закрыла лицо руками и заплакала.

7

Окунувшись в привычное одиночество, Лада начала задумываться над тем, а не съездить ли ей в самом деле куда-нибудь. Да и идея с Южной Америкой казалась заманчивой. В ее нынешней ситуации ее привлекала тема какой-то своеобразной Ойкумены. Конечно, многие страны Латинской Америки слишком развиты, чтобы считать их краем света, но вертя глобус в руке и видя эту большую, необъятную Россию — целый мир, так и кажется, что там на другом конце шара живут люди, которые ходят вверх ногами. Сначала она долго выбирала между Чили и Перу, хотелось повосторгаться природой и окунуться в тайны и все это одновременно. Но потом, раздумывая над темой 2012 года, она предпочла Мексику. Ей казалось, что она должна открыть там лично для себя что-то новое, непостижимое, ответ на назойливый вопрос о конце света. В общем, она отправилась в Мексику общаться с шаманами и постигать тайны заброшенных пирамид.

Русская группа собралась в аэропорту Мехико у стойки выдачи багажа. Как ни странно, но все восемь человек туристов из России узнали друг друга не по звуку родной речи, а сразу с одного взгляда, хотя с ними этим рейсом прилетело много европейцев. Лада стояла немного поодаль и оценивающе разглядывала собравшуюся публику. Постигать загадки мая приехали две молодые девчухи из Самары, супружеская пара лет шестидесяти из Питера, семья с десятилетней дочкой из Киева. В зале прилета у выхода их уже ожидала их гид Наталья. Лада рассчитывала увидеть какую-нибудь полную блондинку с косой и яркой розовой помадой, но встретила женщину совершенно утратившую всякое национальное определение. Это была высокая, худощавая сеньора, выглядящая чуть старше Лады, лет на тридцать семь (хотя может быть в реальности она была еще старше), с длинными черными волосами и смуглой кожей, но глаза ее все-таки выдавали — большие, миндалевидные, холодного серого цвета.

— Как полет? Устали? Ну ничего, отдохнете. Сейчас по гостиницам, а уж с завтрашнего дня набирайтесь терпения — тур насыщенный, — сказала она им и ее слова с неуловимым испанским акцентом немного резанули слух русских туристов.

день оказался настолько насыщенным, что Лада, еле принеся себя в гостиницу ранним вечером, тут же легла спать. Они рассмотрели площади Мехико, главный собор, художественную галерею, президентский дворец с фресками Диего Риверы, во второй половине дня почти до вечера, лазая по руинам Теотиуакана и восхищаясь пирамидами Луны и Солнца, пытались ответить на вопрос поставленный перед всеми археологами — почему население покинуло процветающий город и куда девался этот креативный и способный народ? Ответов на ум приходило масса, но пролить немного света на эту загадку, по словам Натальи, обещался шаман, в гости к которому они собирались на следующий день.

Рано утром на небольшом туристическом автобусе они прибыли в мексиканскую деревеньку, застрявшую на склоне вулкана и поднявшуюся над шумной горной речкой на высушенном и заросшем кактусами плато. Все то, что видела Лада, оказалось в двадцать раз колоритнее и красочней, чем она предполагала, думая о Мексике в холодной Москве.

Довольно колоритным оказался и шаман, в маленькую хижину к которому вломилась вся группа, а Наталья тут же певуче представила ему туристов по-испански. Дон Себастьян

пожал каждому руку, громыхая амулетами, висящими у него на шее и, улыбаясь, попытался поздороваться по-русски. Он был типичным потомком мая (а может быть даже и ольмеков... кто знает), небольшого роста, со смуглым и высушенным солнцем лицом, наряд обычного городского жителя — брюки и пестрая рубашка — дополняли разные магические аксессуары, начиная с перстней и браслетов, и кончая связками перьев, привязанных к одежде. Его шаманская изба тоже была слишком типичной, как раз в том духе, чтобы произвести впечатление на туристов: огромный каменный очаг, развешенные на стенах черепа разных животных, опять же перья, травы и настойки, которыми был заставлен каждый сантиметр небольшого деревянного стола, чуть поодаль распакованный ящик с подарочными фляжками с текилой — отличный сувенир друзьям — текила мексиканского нагваля; в общем — нельзя было выйти не впечатлившись. Он стал шепеляво поведывать свои пророчества, касающиеся каждого индивидуально и даже сказал пару слов о том, что ожидает Россию, в том случае если нефть все-таки очень сильно подешевеет.

Ладе он сказал примерно следующее:

— О вас думают, — перевела Наталья и сама удивленно посмотрела на дона Себастьяна и попросила повторить.

Лада разочаровано пожала плечами:

— Ну, да. Наверно, думают.

— Он говорит, что видит этот импульс. Вы у кого-то в мыслях.

— И что про меня думают? Плохо или хорошо?

— Понимаете, у нагваля нет понятия плохо и хорошо, они все расценивают, как положительную и отрицательную энергию. Он видит, что чьи-то мысли создают поле положительной энергии вокруг вас.

— А-а, ну с этим, наверно, не поспоришь. Что-то в этом есть, — сказала, зевнув, Лада и кивком поблагодарив шамана, вышла наружу.

Она раскурила свою тонкую сигарку и осталась у автобуса поджидать остальных. Вскоре к ней подошла Наталья.

— Вы не верите шаманам?

— В целом, все что касается общества, планеты, 2012 года, в чем-то верю. А в то, что касается меня лично... ну как-то он абстрактно выразился. Я не могу его понять. Разумеется обо мне думают, но почему он сказал только это? Ведь другим он говорил гораздо больше: студенткам пообещал одной проблем на экзамене и удивительной встречи в кафе, а другой выгодной работы, наша пожилая чета, оказывается, купит в этом году домик на берегу Финского залива, ребята из Киева скоро переедут в Москву — в общем, так все конкретно. Кто такой на самом деле нагваль и что он все таки «видит»?

— Нагваль может проникать в тонкий мир, пронизанный энергетикой, прошедших событий и будущих, и черпать информацию оттуда. Он своего рода проводник. Он не старается сам что-то интерпретировать. Дон Себастьян очень четко, конечно, исполняет свою роль. Ну, понимаете, это же для туристов. Чтобы конкретно что-то увидеть ему нужно совершить ритуал.

— Значит, это скорее шоу?

— Но что-то правдивое, конечно, есть в его словах, — рассмеялась Наталья.

— Ясное дело. Ведь это и ослу понятно, у каждого есть человек, который о нем думает.

— Если вы хотите четких предсказаний, я могу вас познакомить с одним нагвалем...

— О нет, увольте. Что-то я шаманам не доверяю.

— Ну, я думаю, вас он убедит. Он, правда, больше учился у перуанских курандерос, потому что его семья родом с севера Чили. И он каждый год отправляется в трехмесячное путешествие по Перу и Чили, в надежде встретить дух умершего прадеда, который был сильным курандеро. Знаете, он отказывается от ритуалов, никому ничего не предсказывает, но люди толпой окружают его, когда он появляется в местах, где его знают. Ему приходится заниматься лечением, что-то растолковывать и помогать, но он постоянно мне говорит, что больше всего хочет одиночества. Хочет сначала сам все познать. Узнать свой путь. Нагвали бывают разными.

— Возможно. Так что Дон Себастьян сказал про тайну Теотиуакана?

— Он не сказал ничего нового. В их среде давно бытует версия, что население этого города встретило ангела света и растворилось в потоке божественной энергии.

— А, это в духе их культуры. Самое простое объяснение, — прокомментировала Лада и обе женщины улыбнулись.

Неделя пронеслась незаметно за разглядыванием колодцев Чичен-Ицы, фольклорными шоу, на которые богато Акапулько, и периодической дегустацией коктейлей с текилой. Лада осталась довольна, но, все же, чего-то как будто не хватало, и постепенно у нее возникло желание задержаться здесь или съездить в какую-нибудь соседнюю страну. Казалось бы все было рассмотрено и осмыслено; сакральное значение 2012 года и трансформация сознания, которую обещали древние майя, каждый мог бы постичь на своем индивидуальном уровне, хотя посещение древних руин всех только больше запутало — смысл предсказаний майя оставался такой же странностью, как и раньше. Лада постоянно задумывалась о том, что в свое время Кирилл был в чем-то прав: русским понятна лишь Россия с ее особенностями и ее крайностями. И Ладу это в чем-то огорчало... не потому, что она рассчитывала увидеть больше и Мексика ее разочаровала, а потому, что именно здесь она начала ощущать узость своего мироощущения.

В последний вечер она осталась сидеть с Натальей на веранде ресторана, когда остальные пошли смотреть шоу — ритуальную игру в горящий мяч, символизирующую зарождение мира по версии индейцев. Лада захотела остаться выпить мексиканского кофе и послушать мариачи. Проводив туристов на площадь, Наталья вернулась к ней.

— В чем же все-таки суть? Почему конец нашего мира, по их понятиям, взаимосвязан с какой-то солнечной активностью? — поинтересовалась Лада.

— Дело не в активности солнца. Оно бывает активно с определенной периодичностью. Дело в том, что в конце декабря солнце будет проходить через центр нашей галактики Млечного пути. Если наблюдать с земли покажется, что солнце, как мяч, попадет в корзину.

— Для нас. Но если наблюдать с Юпитера или с какой-нибудь другой звезды, то и перспектива изменится. Может быть, даже и совпадений не будет.

— Но мы-то живем в этом мире. Это будет касаться только нас. А вы не верите, что произойдет что-нибудь?

— Иногда верю на сто процентов, а иногда сомневаюсь и начинаю думать, что все это бред.

— Тогда по-другому: вы хотите, чтобы это случилось?

— Сейчас мне уже без разницы. Не берусь рассуждать о планете и людях, но перспектив в своей жизни я не вижу.

— Ну и настроения у вас. Зачем так падать духом? — Наталья изумленно посмотрела на

нее, ее лицо выдавало настороженность.

— Я не падаю. Все нормально. Глубже падать некуда. Мое положение теперь стабильно как никогда. Не хочется уезжать. Вроде бы ничего не понятно, но чувствуешь, что понять можешь, много здесь мистики.

— Я бы вам посоветовала... встретиться с Кристобалем. Он вам многое поможет прояснить для себя. Расскажет то, что именно вам интересно узнать про 2012. Что-то посоветует, от чего-то предостережет.

— Это кто?

— Нагваль, про которого я рассказывала. Может быть, с его помощью вы что-то узнаете, найдете для себя.

Лада представила шепелявого старичка с пучком перьев в высушенных пальцах и ухмыльнулась. Но рассказать про любопытные места самой загадочной страны Мезоамерики, он, пожалуй, сможет.

— Он через несколько дней уезжает в Перу. Его потом долго здесь не будет. Но у вас есть пару дней, чтобы пообщаться с ним. Решайте сами. Если вы хотите остаться, значит — эта земля вас не отпускает.

— Боюсь, пообщаться у нас не получится: философию древних индейцев на пальцах не объяснишь.

— Он хорошо говорит по-русски. Дело в том, что его семья и семья моего мужа очень давно дружат и я уже давно его знаю. Он успел понахвататься у меня русского. Что-то объяснить может.

— Ну, если вы говорите, что он настоящий нагваль, не поддельный — туристический, то всегда любопытно пообщаться с настоящим мексиканским шаманом.

Лада пряталась под высокой пальмой от солнца и иногда нервно поправляла свои солнечные очки. Она почему-то пугалась этой встречи и олицетворяла мексиканского шамана с каким-нибудь гипнотизером вроде Кашпировского. Поэтому, когда Наталья сказала, что увидела его и указала на него в толпе людей переходящих дорогу, Лада вначале остолбенела, а потом долго не могла вспомнить, что стоит с приоткрытым ртом. Это был худощавый парень лет тридцати в довольно стильной спортивной одежде. У него была не настолько смуглая кожа, как у всех мексиканцев, но такие же черные густые волосы и белые зубы. Его лицо было запоминающимся, с крупными европейскими чертами — большие карие глаза и прямой нос, и кожа не была настолько иссушена ветром и солнцем — сказывался социальный статус. Как впоследствии узнала Лада, его родители, как и муж Натальи занимались политикой и были известными людьми в своем кругу. Его старший брат преподавал в университете, а сестра работала на телевидении. Примерно такую же участь готовили и младшему сыну, и в семье произошло разочарование, когда выяснилось, что он пошел по стопам прадеда и нашел себя в целительство, собираясь вернуться на родину и стать курандеро.

— Кристобаль Анилу Веларде де Сурирэ. Мы с мужем зовем его Тоби. Я его помню еще маленьким, когда он бегал в школу с рюкзачком, — представила его Наталья.

Парень немного смущенно пожал руку Лады и продолжал улыбаться, кивая головой.

— Моя подруга — Лада. Вот мы с ней хотели у тебя выяснить, что же все-таки произойдет в этом году? Сможешь объяснить нам, простым непосвященным людям, — Наталья пыталась говорить медленно, но по его лицу было видно, что он неплохо ее

понимает.

— Я сам до конца этого не понимаю. Хочу сам больше узнать. Поэтому еду искать следы моего прадеда. Но, вообще, изменения будут. Для того, чтобы их понять нужно перестроить разум.

— Пусть он что-нибудь скажет обо мне. А мы узнаем насколько он способный шаман, — с улыбочкой попросила Лада.

Наталья заговорила с ним по-испански.

Кристобаль медленно поднял свои глаза и какое-то мгновение смотрел на Ладу, потом опустил голову и задумался. В эту секунду Лада подумала, что у него взгляд как у собаки; большой, умной собаки, овчарки или хаски, или как у волка. В этом взгляде читается желание понять, помочь и остаться верным до последнего часа. Шаманы всегда учатся у животных. Лада почему-то не сомневалась, что если у него есть животное-тотем, то им окажется волк.

— Он говорит, у тебя паук в голове, — удивленно перевела Наталья и, обратившись к нему, стала уточнять, — *Que dices? Que esto significa?*

— Я поняла его, — остановила ее Лада, — Он прав. Можно и так выразиться.

Кристобаль снова быстро взглянул на нее и опять опустил голову. Было заметно, что его настроение испортилось — он перестал улыбаться и хоть какую-то внутреннюю жизнь в нем выдавали лишь его глаза. В них горел огонь... тайной силы и нестандартного знания. Лада почувствовала, как дрожь пробежала по спине.

— Тебе нужно не смотреть назад, а смотреть вперед. Нужно отпустить прошлое. Хочешь я помогу тебе встретиться с прошлым? — сказал он ей, все также нерешительно глядя в ее сторону. Сквозь его певучий испанский акцент, улавливалась странная забота. Натура настоящего целителя в том, что он всегда может отдать больше, чем способен принять другой человек.

Лада почувствовала, что несмотря на всю свою власть над тонким миром, он стесняется ее в реальности и сейчас чувствует себя как мальчишка-школьник. Только она не та учительница у доски с указкой, а та высокая и стройная фотомодель с серебристыми волосами, глядящая на него с рекламного плаката. И он многое о ней знает. Может быть даже больше, чем она сама. Но она не боялась этого. Ей захотелось, чтобы он научил ее также глядеть вглубь себя. Он может этому научить, а ей не остается ничего другого, как постигать эти знания. Целенаправленно вся цепочка последних событий привела ее сюда. И, как-то сразу, она перестала жалеть, что пришлось отдать Ваню и Локки, что в последнее время не удавалось ничего написать, и что прошли все эти дни, с тех пор, как она видела в последний раз Влада. Она чувствовала, что это путешествие поставит точку и подведет черту под всей чередой этих дней, с их эмоциями, силой и слабостью, радостью и болью, отчаянием и смирением.

— Ты научишь меня чувствовать энергию и управлять ею? Видеть вещие сны и знать об исходе любого события?

— Не я. Вселенная научит. Надо уметь ее слышать. Я только могу помочь расслышать ее голос.

— Ну ладно, он еще успеет нагрузить подобными темами, — прервала их Наталья, — Кстати, если навести его на разговор он расскажет много интересных легенд про своего прадеда. Боюсь, только в их семье никто кроме него в них не верит.

— Верят, но не признаются, — улыбнулся Кристобаль.

И так с подачи мексиканки русского происхождения Натальи началось обучение Лады тонкой мистике. Сама Лада не предчувствовала каких-то интересных открытий для себя и согласилась уехать с шаманом на пару дней в мексиканскую глушь только из-за желания побольше узнать о надвигающемся конце света. Но они с Тоби сразу неплохо поладили и девушку иногда поражало то, что человек другой национальности и из такой далекой страны, мог все настолько адекватно понимать и был способен поддержать любую тему, даже если обсуждалась «монопартийная» система в правительстве России. Но не прошло и пары часов, как они выехали из Мехико на взятой в аренду машине с трейлером, как ему удалось ее удивить.

— Тебе где больше нравится в Мексике или Перу? — спросила Лада, разглядывая бескрайние поля красного перца.

— Я учился в Мексике. Здесь много тайн, я знаю много интересных мест. Природа красивая и там и здесь.

— Да, природа цепляет.

— Лучше, чем Тибет?

— Причем здесь Тибет? Эй, откуда ты вообще знаешь, что я там была? — воскликнула девушка, уставившись на него.

— Я видел картину. Ты, везде снег и гора. Правильная, как пирамида. Кайлас. Ты не должна была подниматься на нее, — ответил мексиканец, улыбнувшись.

— Это я уже потом поняла. Может я и не должна была туда ехать? А-то, на самом деле, ничего там со мной особенного, мистического не случилось.

— Я объясню... — Кристобаль задумчиво нагнул голову, подбирая слова.

— Ну. Говори, я пойму.

— То место имеет сильную энергию. Очень особенную. Она может иметь совпадение с энергией человека, а может наоборот противостоять его энергии. Тогда оно больше отнимет, чем даст.

— Что же теперь, в Тибет мне вход закрыт? В смысле туда мне нельзя ездить?

— Если твоя энергия изменится, то это место тебя примет.

— Разве энергия может поменяться?

— Конечно. У нас много разной энергии. Но мы можем видеть только какой-то... ее... нюанс, интерпретацию... Чтобы расширить сознание надо владеть ею полностью.

— Расширить сознание, ты сказал. Именно это словосочетание мне пришло на ум, когда я думала, что не совсем нашла в Мексике то, что мне интересно. Я подумала, что не все понимаю из-за узости миропонимания. От слов понять мир. Ты понимаешь, о чем я?

— Да. Мы все должны расширять свое сознание.

— Как ты там, Лада? — у Вероники был встревоженный, но уверенный голос, — Так хорошо слышно, как будто ты в соседней комнате.

— Это потому что я на высокогорье. Помех меньше. Как дети?

— Неплохо. Пришлось отдать Ване то детское кресло, в котором ездил Игорек, а он теперь, как взрослый, пристегивается ремнем. Ты знаешь, им хорошо вместе. Они очень дружные. Мелкий за ними все повторяет.

— Вот тебе веселья... с ними.

— К чему ирония? С ними и правда весело.

— Ну, ладно. Скоро закукарекаешь.

— Тут появились новости. Мне позвонили из галереи и сообщили, что объявился покупатель. Он хочет купить сразу три картины, твой триптих. Просят получить твое согласие, раз уж я как агент у тебя. Что скажешь?

Лада задумалась. Этот человек — покупатель — он понимает, что вся ценность именно в трех работах и они вместе составляют одно целое.

— Эти картины я не продаю. Пусть выбирает другие.

Ей почему-то казалось, что эти работы — единственное, что еще держит ее здесь, что они ее связь с миром. А теперь, как будто кто-то хочет отнять это последнее. Она почти с ненавистью подумала про этого человека. Пусть покупает все, что угодно, но не это. И Ника еще спрашивает. Конечно она их не отдаст...

Лада попрощалась с ней и посмотрела на Тоби, который был уже больше пяти часов за рулем. За все время им попались только два туристических автобуса и Лада в предвкушении чего-то необычного представляла насколько они далеко от цивилизации.

— Расскажи про прадеда. Почему он — легенда?

— Мне было года четыре, когда я жил с ним в горах. Потом он отправил меня к родителям, а сам пошел на поиски. Он, наверно, почувствовал, что пришло время.

— На поиски чего он отправился?

— Конечной точки. Легенда потому, что (нам рассказывали люди, которые были с ним) он на рассвете сел перед обрывом в ущелье и долго смотрел. Он сидел так сутки, а на следующий день увидели, как он бросился в каньон. Но через какое-то время, из ущелья вылетел кондор, он долго парил над тем местом, где сидел старик и потом растворился в свете солнца.

— Он стал кондором?

— Он стал божественным светом.

— Значит, он был необыкновенным человеком.

— Обыкновенным, но видел больше других. Мы все здесь, чтобы стать божественным светом.

Внезапно, по одному ему ведомым ориентирам, мексиканец понял, что они подъехали к нужному месту, он свернул с основной дороги и они еще минут пятнадцать ехали вглубь плато. Вдалеке выросла деревня, но они не собирались подъезжать. Кристобаль остановил машину перед небольшим обрывом, с которого открывался вид на озеро. Лада еще никогда в жизни не видела таких озер: оно казалось гигантским зеркалом, отражающим небо, на его поверхности не было зыби, оно будто кристаллизовалось и замерло в этом состоянии.

Солнце садилось и начинало холодать. Лада одела куртку и шапку из шерсти лам, которую ей подарил Кристобаль. Единственная мысль, которая ее грела — надежда на то, что в гостинице, где они остановятся будет горячая вода и она сможет выпить кофе.

— Здесь остаемся на ночь, — проинформировал Кристобаль, — Ты будешь спать в фургоне, а я в палатке.

— Что?! Какой фургон? Хватит с меня таких походных условий. Поехали в отель.

— В ближайший отель мы приедем в три ночи. Могу предложить ночевать у кого-нибудь в доме, — он указал на деревню, — Но там условия... В общем, в машине лучше.

Лада устало махнула рукой и пошла к трейлеру, у нее к вечеру разболелась голова и она уже не хотела сопротивляться. Они перекусили сухим пайком, выпили чая из листьев коки и разошлись по своим местам.

Среди ночи мексиканец ее разбудил тем, что светил фонарем ей в лицо. Лада вскочила и уставилась на него.

— Что ты делаешь? Я так испугалась, что теперь уже не усну.

— У нас мало времени. Пойдем со мной.

Крупные звезды мерцали в глубине ночного неба и усыпали гладь озера. Было очень холодно, но исключительная, пронзительная красота природы отвлекала от всех мыслей...

— Так красиво! Хорошо, что разбудил, — сказала Лада, стоя с запрокинутой головой и разглядывая млечный путь, — А до чего у нас мало времени?

— Ты хотела объяснений?

Он добавил досок в тлеющий возле палатки костер и вскоре темноту ночи озарили огненные блики, как будто вырос и распустился гигантский алый цветок. Лада села рядом с ним у костра и с удовольствием стала греть руки о пламя.

— В мире многое возможно. Возможно то, что нам не представляется возможным. И ненужно пытаться это объяснить. Мир устроен не так, как мы думаем, — неспешно начал свою речь Крестобаль, предваряя вступлением, ту основную суть, которую хотела знать Лада, — Я видел цветущее зимой дерево и летящий в космосе самолет — это твои картины? В них много смысла. Они о многом говорят без слов, создавая эмоции.

— Хочешь сказать мои рисунки могут в определенной мере рассказать об устройстве этого мира?

— Дать понять систему его устройства. Мы знаем, нам говорят физики, время линейно и многие величины относительно друг друга. А если я скажу, что время движется не по прямой, а по спирали или кругу.

— Тогда получится, что события, которые уже произошли, на самом деле еще не произошли. Если сопоставить две точки на круге: наблюдателя и событие, в зависимости от ракурса событие может уже быть свершенным, а может еще не произойти. Это невозможно, Тоби.

— Событие уже произошло, даже, если оно еще не случилось.

— Все предопределено? Такой глубокий фатализм?

— Нет. Это наша интерпретация этой реальности. А реальности — это как плоскости на системе координат. Но точка может проходить через все плоскости разом. Быть сразу в нескольких местах.

— И что же такое эта точка?

— Жизнь. Мы видим только свою плоскость, с линейным временем, но должны уметь видеть другие.

— Проникать в параллельный мир?

— Да, такой же реальный, как этот.

— Мы можем встретить там тех, кто рядом в этом мире?

— Реальностей, в которых мы одновременно существуем бесконечно много. И в некоторых мы встречаемся с теми, с кем связаны. Есть реальность, в которой ты проживаешь то, что с тобой было минуту назад, но там есть свои изменения.

— Ну, хорошо: все на местах — одна точка одновременно находится в разных плоскостях, и оставаясь недвижимой в этой системе, меняется в других. И взаимодействует с другими точками, verdad? Тогда в чем подвох?

— Зло возникает, когда одна точка начинает стремиться к какому-то из векторов, она

двигает материю плоскости и искажаются линии движения других точек. Хаос, разрушение — это зло. Основная идея в том, что, в какой реальности мы есть, мы должны нести в себе гармонию.

— А Бог?

— Бог везде. Он — бесконечное число векторов, составляющих плоскости и протягивающихся до бесконечности. Он в точке пересечения всех координат и на каждом отрезке. Не нужно погружаться в этот мир, материализоваться. Нужно узнавать разные миры и уметь их создавать.

Он предложил ей выпить какой-то напиток из заранее подготовленной для этой цели алюминиевой чашки, стоящей недалеко у костра. Лада принялась — запах трав и растений, в целом не отталкивающий, и выпила.

Яркое солнце звенело в прохладном воздухе, а ветер шелестел в стеблях высушенной травы. На озере, наконец, появилась рябь и оно искаженно отражало белые, бархатные облачка, низко стелющиеся в насыщенном, голубом небе. Лада вышла из трейлера и увидела, что Тоби сидит у края перед обрывом. Она стала подходить, но природа вдруг начала меняться — и вместо прозрачного озера впереди оказался берег океана и шелестящая зеленая трава и очертания сопки... и человек, сидевший перед обрывом был не Тоби. Когда он обернулся, Лада громко вскрикнула и застыла на месте. Это был Влад. Такой каким она запомнила его... каким он был, когда приезжал в Калининград. Позже, когда он стал с ней жить, в нем все-таки что-то изменилось, в выражении лица появилось больше уверенности, но Лада запомнила именно тот первоначальный образ. Он смотрел на нее пристально, не отрываясь. Казалось, он переживает то же, что она. Внезапно, почувствовав, что он сейчас реален как никогда, и что это шанс все пережить сначала и еще что-то успеть, Лада вспомнила свои старые эмоции — обиду, неудовлетворенность, злость. Ей выпал случай выговориться. Как она этого хотела...

— Ты говорил, что уже через неделю не помнил лица своей любовницы, а между тем, у нее сын от тебя. Как ты своим поведением перечеркнул нашу жизнь! Ведь, неужели, эта женщина стоила всего этого раздора между нами? Неужели тебе непременно надо было как-то мне напакостить? А потом еще ожидать, что я прощу. Ты же хорошо меня знаешь! Знаешь, как меня это перевернет на всю жизнь.

— Лада, дети, женщины — это... Это атрибуты той жизни. Мы с тобой у одного источника навсегда. И это никто не сможет поменять. Даже если мы бы видели друг друга всего минуту в этой жизни, мы все равно были бы рядом... всегда и везде, — Лада услышала знакомые нотки в его голосе, уловила его прежнюю интонацию. Она не могла сдержаться и тихо заплакала.

— Я ведь уже была готова простить тебя. Как мне тебя не хватало все это время! Как мне хотелось услышать этот голос, понять твои мысли, но я не могла...

— Могла. Ты все понимаешь.

— Как мне дальше жить?

— Зная, что мы вместе, всегда были и будем. И это навечно. Просто в этой жизни тебе нужно развивать совсем другие качества, чем в той, где мы прожили вместе сорок лет и вырастили дочь.

— А ее не Анна называли?

— Нет. Вероника.

— А как же тогда зовут там мою сестру?

— У тебя нет сестры, у тебя брат.

— Да, да, я поняла. Знаю. И знаю его имя...

Они замолчали, глядя на разливающийся прибор.

— Я была в Тибете. Ты, наверно, что-то узнал бы там для себя. Как ты это делаешь?

— Я никогда не думал об этом. Просто почувствуй окружающий мир, дай природе раствориться в тебе. Всегда смотри за грань, не гляди прямо перед собой, больше увидишь. Прости меня, несмотря ни на что, я рад, что благодаря моей любви, я здесь. И я всегда здесь буду... и был. Я знаю, что ты простила меня. Ты простила еще до того, как произошла вся эта история. Может показаться, что жизнь — театр, а мы исполняем свои роли. И вынуждены верить в судьбу. Нет. Просто наша душа знает обо всем с самого начала. Слушай ее. Я всегда знал, что встречу тебя. И что уйду... именно так. Не переживай об этом. Просто знай — я люблю тебя, Лада. Помни это всегда, — он улыбнулся своей прежней задумчивой улыбкой, но его лицо начало расплываться и вскоре растворилось в потоке солнечных лучей.

Лада закашляла, с трудом отдышалась и приподнялась на локтях. Костер уже почти потух, но горизонт алел зарождающимся новым днем. Тоби сидел на том же месте и играл тихую мелодию на зампонии. Увидев, что она проснулась, он отложил свой музыкальный инструмент и стал докладывать бревен в тлеющие угли. Утром в горах было слишком свежо.

— Что за напиток? — поинтересовалась Лада, полоща рот водой из бутылки.

— Настойка кактуса. Помогает раздвигать границы сознания.

— Да. Чувствую, что он не только раздвигает границы, а вообще выносит всякое сознание. Ну, ладно. Но смысл этого всего я поняла. Что теперь? Ритуал окончен, смысл объяснен.

— Тебе нужно возвращаться домой. Тебя там ждет один человек.

— Почему один? Меня там, как минимум, семь человек ждут, — удивилась Лада, но Тоби упрямо качал головой.

— Нет, один.

На следующий день мексиканец провожал ее в аэропорту Мехико. Лада пыталась дать ему денег, но Крестобаль со своей белозубой улыбкой отодвинул ее руку и сказал, что он сам может дать ей в два раза больше. Нагваль не нуждается в деньгах. Тогда Лада подарила ему свой набросок — рисунок, изображающий волка, который пристально наблюдает за полетом кондора. Эта картина понравилась Тоби и он, поблагодарив ее, незаметно вытер слезы.

Когда ее самолет оторвался от земли, он почувствовал головокружение, перед глазами все стало полутемным и мутным. Тоби потер переносицу и, немного подумав, решил, что сможет с этим справиться...

По приезде в Москву Лада на следующий же день навестила сестру и ее семью — они, конечно, были рады увидеть девушку, да еще в довольно здоровом состоянии и явно ожидали ее возвращения, но все-таки не настолько, чтобы об этом стоило упомянуть Тоби. Лада ушла от них с чувством чего-то нереализованного и полной неопределенности: весь четырнадцатичасовой перелет она вспоминала и обдумывала каждое слово мексиканского шамана и теперь начинала бояться, что вообще все поняла не так.

Перед путешествием она продала свою Альфу — ей нужны были деньги на сувениры родным и памятные вещи для себя — и в Москве пользовалась общественным транспортом. Она решила, что не имеет смысла... теперь... обременять себя собственностью. Это было неудобно, но хорошо хоть то, что после возвращения у нее исчезли припадки. Шел дождь и воздух был пропитан моросью. Она вымокла до костей пока дошла до остановки. Дороги и улицы были размыты дымкой тумана. Ладе показалось это похожим на что-то... она вспомнила, как десять лет назад она также шла с института к остановке, она наступала на этот туман и он не казался ей враждебным, напротив, он ее чем-то привлекал, он ей нравился. Ей показалось, что сейчас точно должен кто-то позвонить, как тогда, когда ей сообщили, что готово свадебное платье. Она выжидающе сжала телефон в кармане. Но звонка не было. Она усмехнулась и вытащила руку из кармана. «Конечно, я с тех пор настолько изменилась. Со мной уже не могут происходить те же вещи. Все закономерно и неслучайно». Туман полз вдоль дороги и гул машин стихал в его зыбкой массе.

Лада стояла у обочины, поджидая такси, и заметила темный внедорожник, перемещающийся в массе автомобилей и вскоре сруливший на крайнюю правую полосу. Машина остановилась перед ней. Подходя, она заметила, что ее отражение на стекле будто проявляется из тумана. Лада потянулась к ручке и инстинктивно заглянула внутрь. В следующую же секунду, она вскрикнула, отдернула руку как будто обожглась об дверцу и отпрыгнула от машины. За рулем был Игорь. Он вылез из машины и подошел к ней. Лада оглянулась, ища глазами нагвалю Тоби и предполагая, что это опять его проделки. Но Тоби не прятался за рекламным стендом и у газетного киоска был не он. Лада даже разозлилась. А когда Игорь взял ее за руку, ее будто пробил удар молнии.

— Поехали, я тебя уже два часа здесь жду, — это был его голос. Но он стал более хриплым и усталым.

Игорь выглядел непривычно, но возможно это ей показалось, потому что она так давно его не видела... Он стал худощавей и немного сутулился. Лицо осунулось, но по-прежнему цепляло взгляд мужественной открытостью. Лада, больше не раздумывая, села в машину — ей хотелось узнать, что происходило с ним все эти годы.

— Ты же умер?

— Да, почти. Это было похоже... — он говорил медленно и устало, — Я сам удивился потом, что еще живу.

— А почему... почему... ты не сообщил, что жив? Я так переживала. Мне было ужасно. Ты не представляешь, что я чувствовала, — Лада, сама не ожидая этого, расплакалась и с трудом смогла договорить.

— Сначала... несколько месяцев я физически не мог этого сделать... потом...потом я... а кто я тебе? А как ты бы восприняла эту информацию?

— Приехала бы тебя увидеть.

— Поэтому я и не сообщил. Не хотел вызывать у тебя сожаления.

— Ну, это черство.

— Черство? Черство было бы приехать к тебе и сказать — вот я, жив и здоров. Я же чувствовал, что ты так до конца не можешь понять чего хочешь, что ты с легкостью строишь браки и тут же все разрушаешь. Для вашей с Владом семьи было лучше то, что я действительно умер. Ты могла начать меня жалеть или... или что-то подобное... опять бросаться в крайности. Зачем?

— Да?! Тогда у меня бы не было комплекса вины!

— Наоборот. Я ходил бы вечным немым укором для тебя. А так... все случилось. И ты, в конце концов, примирилась с собой, — от его слов Лада поежилась — опять та же рассудительность, бывают же люди, который не меняются, несмотря на то что пережить приходится немало.

— Ладно, не бубни. От твоей упрямой логики меня всегда тошнит. Как ты оказался здесь?

— Утром я был у твоего дома, но не решился подойти. Поехал следом. Ждал здесь, пока выйдешь. Твой адрес мне, за небольшое вознаграждение, дали в галерее. Уж примиришься, ты теперь — человек публичный.

— Еще скажи, что мне это должно очень нравится. Что было с тобой?

— Мы попали в шторм. Это ты знаешь. Мне адвокат рассказал, что ты встречалась с Алексеем и он тебе все передал. Я очнулся, когда уже светлело. Болтался посреди моря на какой-то доске, части моего бедного Рагнарека. Я особенно не помню, как себя тогда чувствовал. Видимо неважно. Температура была ниже десяти градусов. Помню, когда начало темнеть я подумал, что мне конец — ночь я не переживу. И вдруг, шведский рыболовецкий траулер. Я очнулся уже в госпитале в Мальмё. Врачи пугали, что придется мне ампутировать ноги, у меня было сильное обморожение. Но не пришлось. Но я все равно провалялся там около полугода, появлялись все новые рецидивы. Выздоровев, я созвонился с адвокатом, мне нужно было с его помощью оформить страховку, он спросил нужно рассказать тебе новости, я сказал, что сделаю это сам и не собираюсь отзывать то имущество, что переписали на тебя. Я знал, что могу рассчитывать на неплохую сумму страховой премии за свою лодку. Я остался в Швеции. Работал с рыболовами. Много путешествовал по стране, так что почти выучил язык. Но потом, через два года потянуло домой. И я решил вернуться. Я не хотел возвращаться в Москву, зная, что здесь где-то ты, к тому же я привык к морю и уже не могу без него обходиться. Да и с той суммой денег, что у меня была, не приходилось строить крупные планы. Я переехал в Мурманск. Сначала работал механиком в порту, потом подвернулась хорошая должность — инженера-механика на нефтеразрабатывающей плавбазе в Карском море. Отработал там две вахты — в целом год. Зато потом сразу переехал в Петербург. Там мне удалось устроиться техническим директором в судостроительный концерн. Теперь медленно поправляю здоровье на этой рутинной должности, но город мне нравится, наверно, там и останусь. Несколько месяцев назад приезжал в Москву в командировку. Встретил на выставке Анну Реншельд. Странно, думал она меня не узнает, я сам ее с трудом вспомнил.

— Как же не узнает? Она же была в тебя влюблена.

— Наверно, кто ее знает? Помню, тогда в Калининграде она что-то хотела... В этот раз, она рассказала, что встретила тебя и посоветовала мне тебя найти... скорее.

— Что? Меня найти? А что, в этот раз она опять от тебя ничего не хотела?

— Она хотела, чтобы я разыскал тебя. Только.

Лада недовольно ухмыльнулась.

— Значит ты в курсе, что Влада нет и я все вдовствую. С тех пор как она меня видела, много времени прошло, что-то могло опять измениться.

— Вполне. Я просто хотел узнать, как ты сейчас. И я... я сожалею о Владе. Он очень хороший человек. Кому, как не ему стоило бы жить и многое дать миру... своего творчества, доброты и этого детского, искреннего отношения ко всему, — Игорь глубоко вздохнул и, отвернувшись от Лады, посмотрел в боковое окно: под проливными струями

усиливающегося дождя люди сбегались к церкви и старались укрыться на крыльце.

— Да, отношение к миру у него что ни на есть добрейшее. Ты, наверно, не в курсе, что пока я жила в Питере, он жил тут с одной девкой, которая сготовила от него ребенка. Ладно. Дело прошлое. А ты сам? Жена, дети?

— Нет.

— Как же? Неужели не довелось обзавестись?

— Не было надобности.

— Это ты хотел купить мой «триптих»? — внезапно, спросила Лада, — Что тебе сейчас от меня надо? Зачем ты здесь? Откуда ты знаешь, может мне лучше и дальше оставаться в неведении относительно твоей судьбы?

— Я не мог не увидеть тебя.

— Зачем? Мне это не нужно, — ее лицо покраснело и она даже начала задыхаться от раздражения, которое ее душило, — Останови машину, я выйду здесь. Останови машину!

Она выскочила наружу и, с шумом вдыхая влажный воздух, пошла через мокрый газон к дороге. Игорь догнал ее и встал перед ней.

— Я все эти месяцы не мог ни на секунду заставить себя о чем-то подумать, кроме того что надо увидеть тебя. Я боялся этого и... хотел. Я же люблю тебя.

Лада в упор посмотрела на него и ее губы искривились в злой усмешке.

— Прошло так много времени, ты что же себе никого не нашел? Неужели у тебя не было девушек, отношений?

— Что-то было. Но это... какая разница? Это мелочи. У тебя, наверно, тоже что-то было или есть. Прости, что я так ворвался... теперь. Но я хочу, чтобы ты была рядом. Знаешь, тогда, когда мы первый раз попали в шторм после того как три дня дрейфовали в тумане, там было тяжело... все боялись... А когда мы возвращались, я подумал, что хочу только одного — увидеть тебя и чтобы ты была рядом. Мне так хотелось, чтобы ты была рядом. Я вернулся домой, а там эта записка, которая поменяла всю мою жизнь. И все. Провал. Но это ощущение у меня сохранилось и оно такое же как тогда.

Лада смотрела на него и думала, что не было этих шести лет, что они опять в Калининграде и дождь застал их где-то... и Игорь... с теми же чуть косившими зелеными глазами и тем же внимательным взглядом... и с тем же отношением. Но она не могла и не хотела его принимать. В ее жизни было так много всего, о так многом она хотела бы забыть, а что-то хотела бы пережить вновь. Но, не это. Ее волосы полностью промокли и липкими струями обвивали лицо. Лада не плакала, но ей казалось, что она плачет и, чувствуя на губах капли, она удивлялась почему они не горькие. Она смотрела на Игоря — он как будто дразнил ее. Его появление издевалось над всем ее существом.

— Ты говоришь, у тебя что-то со здоровьем? — спросила она.

— Да. У меня какая-то хроника с сердцем. Врачи заставляют обследоваться каждые пару месяцев и приходится принимать горы лекарств.

— Ну и что, ты думаешь, ты мне нужен со своими болезнями?

Игорь покраснел и растеряно посмотрел на нее.

— А у меня... у меня... какая-то фигня в мозгу и мне осталось... не знаю сколько... в общем, мало. Я тебе нужна после этого? — она закрыла лицо руками, чтобы не видеть выражения его лица и не дать ему увидеть свое.

Игорь подошел к ней вплотную, крепко обнял и прижал к себе.

— Да. Ты знаешь, в мире почти все лечится. Нам все удастся.

— А то, что скоро этот год, когда предвещают конец света? Сколько нам осталось?

— Ну и что, Лада? Что бы ни было — мы будем вместе.

Внезапно, она расслабилась и обмякла в его руках. Лада почувствовала странную легкость, голова впервые за последние месяцы перестала болеть и это было непривычно. Лада посмотрела на небо и заметила, что оно прояснилось. И она подумала, что тучи уйдут и опять засверкает солнце на ярком очищенном дождем небе.

Было еще темно, но на горизонте уже сверкала сиреневая полоса просыпающегося утра. С каждой минутой она становилась все шире и вскоре окрасилась в яркий цвет, готовящий мир к появлению солнца. Кольца красных бус в задних фонарях машины сливались с этим лиловым рассветом, который изящным узором переливался на светлом кузове. За рулем был Олег, у него на губах замерла улыбка, которая застыла на его лице, после того, как он еще вначале пути посмотрел на свою жену. Вероника тоже иногда поглядывала на него, удобное кресло и слабый шум шин ее убаюкивали.

— Попадем в питерские пробки? — спросила она.

— Объедем.

Она обернулась назад: Игорь и Ваня спали, прислонившись друг к другу, маленький Влад разглядывал светлеющее небо в окне. Услышав голоса, он посмотрел на нее.

— Мама.

Вероника удивленно наклонилась к нему.

Ребенок повторил слово и потянул к ней маленькую руку с растопыренными пальцами. Вероника схватила эту руку и сжала ее в своей. Когда она села нормально, Олег переглянулся с ней и подмигнул. Вероника откинула голову на подголовник и засмеялась.

Казалось, этот момент застыл в пространстве, отпечатался в электромагнитном поле земли и космическом абсолюте, а серебристая машина плавно скользила вперед сквозь пространство и время, искажая их, потому что это мгновение длилось вечность.

Больше книг на сайте - Knigolub.net